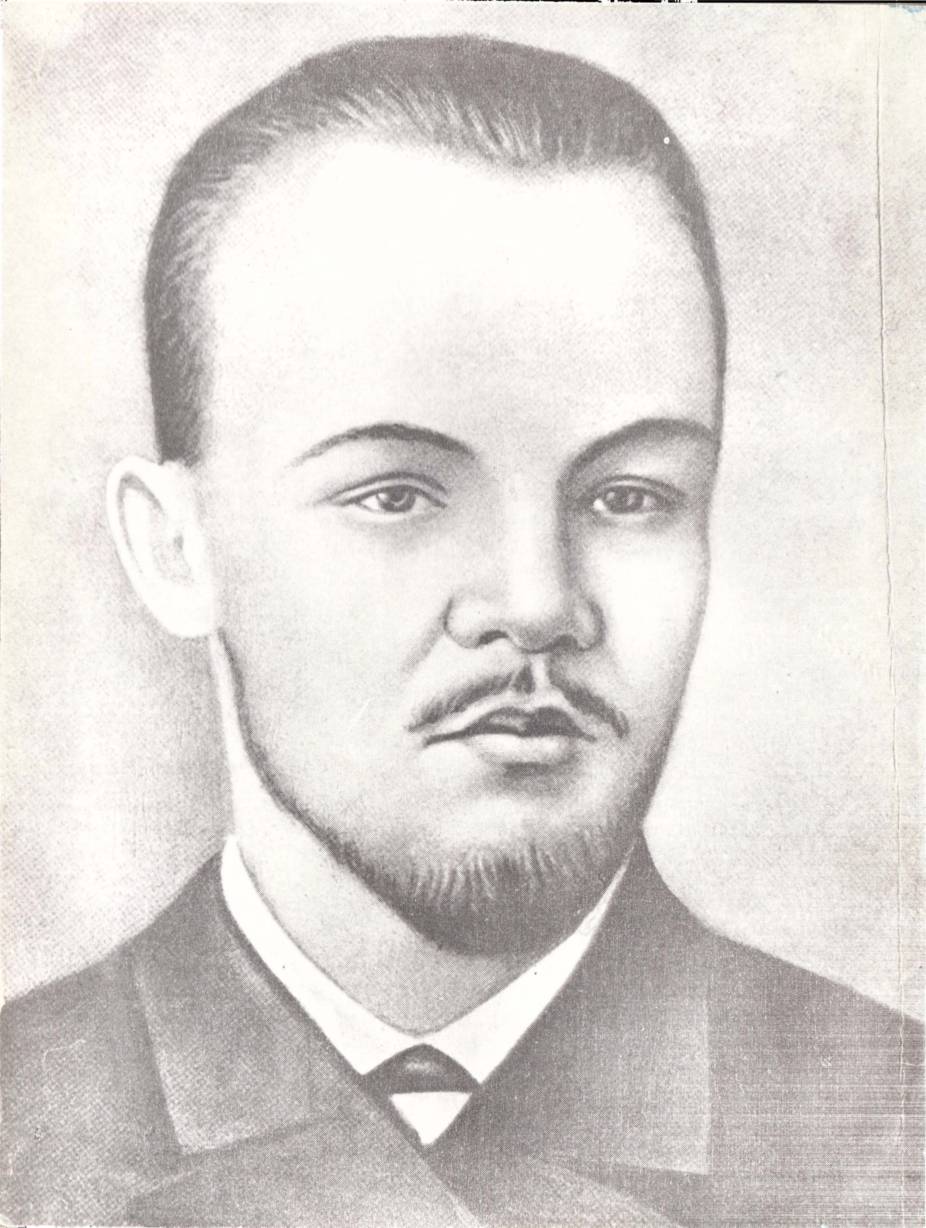
«Несколько выступлений на юридическом поприще, которые пришлось сделать Владимиру Ильичу после окончания университета, сразу дали почувствовать свидетелям этих выступлений, что перед ними человек исключительных дарований».

(*Г. Кржижановский*. Ленин и Маркс. М., 1958, стр. 7)

«... Владимир Ильич был защитником не только двух наших односельчан. Он весь народ защищал, поднял его на борьбу за свое законное право, за свое законное счастье». (Из заявления корреспонденту «Правды» колхозника Ивана Осиповича Сахарова из села Березовый Гай Куйбышевской области, земляка которого в 1892 году защищал В. Ульянов в Самарском окружном суде).

(«Правда», 6 января 1960 г.)

ИЗДАТЕЛЬСТВО «УЗБЕКИСТАН»
ТАШКЕНТ ● 1969

И. Б. СТЕРНИК,
кандидат юридических
наук

В. И. ЛЕНИН — ЮРИСТ

(Юридическая деятельность
В. И. Ульянова (Ленина)

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Многогранной и необыкновенно яркой была жизнь Владимира Ильича Ленина. Она является примером самоотверженного служения народу, делу коммунистического преобразования общества.

Огромный и все растущий интерес к жизни и деятельности нашего вождя и учителя вполне понятен. Всем хочется знать о нем больше и лучше. Не случайно биографию В. И. Ленина глубоко изучают миллионы.

Тысячи ученых, писателей, деятелей искусств ищут и тщательно исследуют все новые и новые факты, характеризующие различные стороны его огромной теоретической и практической деятельности. Этим они помогают воссозданию образа живого Ленина — профессионального революционера, вождя трудящихся, выдающегося мыслителя, человека простого и скромного, как сама правда.

Порой кажется, что о Ленине уже сказано все, что можно было сказать, как

будто дополнить его биографию нечем. На самом деле это не так. Что, например, знаем мы о Ленине — юристе, об адвокатской практике молодого Ульянова? Очень мало. Не так уж много известно нам и о том, как под руководством и при непосредственном участии Владимира Ильича создавались основы советского права и совершенствовались отдельные его отрасли.

Вот поэтому издание настоящей книги следует признать своевременным и полезным. Ее автору, кандидату юридических наук И. Б. Стернику, удалось основательно изучить многие вопросы, связанные с юридической деятельностью В. И. Ленина.

Опираясь на архивные материалы и воспоминания современников Ильича, тов. Стерник убедительно показывает, почему В. Ульянов решил стать юристом, кого он защищал в судах Самары и Петербурга в 1892—1895 годах, как протекала его нелегальная адвокатская практика в ссылке. Кроме того, автор удачно обрисовал роль Владимира Ильича в составлении и редактировании первых советских декретов и кодексов, в укреплении революционной законности молодого рабоче-крестьянского государства.

Надо полагать, что тов. Стерник продолжит работу по отыскиванию новых данных, относящихся к теме его исследования.

Выход в свет этой книги несомненно будет встречен в читательских кругах с интересом и благодарностью.

ЕЛЕНА СТАСОВА,
член КПСС с 1898 года

ВВЕДЕНИЕ

Биография Владимира Ильича Ленина — неиссякаемый источник познания жизни, правды. Ее изучение — замечательное средство воспитания высоких моральных качеств в советском человеке — строителе коммунистического общества. Миллионы людей видят в жизни великого вождя образец для подражания. Она учит, как надо жить и бороться за коммунистическое завтра.

В бессмертных творениях В. И. Ленина мы находим мудрый совет, ясный ответ на волнующие нас вопросы. И всякий раз с огромным удовлетворением констатируем: благодаря Владимиру Ильичу мы узнали, как правильно, по-марксистски, подойти к тому или иному событию, явлению, понятию.

Читая и перечитывая ленинские труды, знакомясь с документами и рассказами о его жизни и деятельности, мы еще и еще раз убеждаемся, что вся жизнь В. И. Ленина — это борьба, бессмертный

подвиг во имя утверждения на земле самого справедливого общественного строя — коммунизма.

Ленина знает весь земной шар. Нет, пожалуй, уголка, где бы ни ведали о бескорыстном друге и защитнике рабочего люда, всех угнетенных и обездоленных. Но далеко не все, даже знакомые с биографией вождя, знают о деятельности Владимира Ильича как юриста-практика. Не всем достаточно известно, что в течение почти восьми лет (1892—1900) Ленин состоял в адвокатуре, выступая защитником в судах Самары и Петербурга, а позже нелегально — правозаступником людей труда в Шушенском.

На свою принадлежность к адвокатуре в течение ряда лет В. И. Ленин указывает в анкетах, заполненных им 29 марта 1920 г. и 24 мая 1921 г., в качестве делегата IX съезда РКП(б)[1] и X Всероссийской партконференции. Отвечая на вопрос анкеты («Бывшая профессия»), Владимир Ильич сообщает: «Пом. прис. пов. (помощник присяжного поверенного — *И. С.*) 1891—1895»[2]. А о том, что В. И. Ленину приходилось выполнять адвокатские функции даже в сибирской ссылке, упоминается в его докладе на XI съезде РКП(б) 27 марта 1922 г.

Когда заходит речь о Владимире Ильиче, сразу же перед нами встает столь знакомый образ вождя рабочего класса и партии, выдающегося государственного деятеля, теоретика, публициста. Но выражения «Ленин как юрист» мы почти не встречали. И все же говорить о В. И. Ленине как об юристе можно и должно, поскольку он им был и поскольку его юридические знания помогали ему в главном — в революционной работе, а на посту председателя СНК — в его правотворческой деятельности.

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 40, между стр. 233 — 235.
[2] Ленинские страницы. Документы. Воспоминания. Очерки. Изд-во «Известия». М., 1960, стр. 13.

Следует признать, что работа молодого Ульянова в качестве защитника изучена явно недостаточно, хотя попытки исследовать ее начались еще в 20-х годах. Однако тогда из-за скудости документальных данных и почти полного отсутствия воспоминаний современников Ильича, они не дали достаточно серьезных результатов.

Существуют, на наш взгляд, и другие причины, объясняющие слабую разработку данной темы. Это, во-первых, не совсем благоприятные условия для изучения архивных фондов в прошлом, и, во-вторых, предупреждение, сделанное А. И. Ульяновой-Елизаровой в середине 20-х годов. Имея в виду материалы об адвокатской деятельности В. И. Ленина, подготовленные к печати И. М. Диомидовым, А. И. Ульянова-Елизарова отмечала, что «...перу Владимира Ильича в них не принадлежит ничего, кроме пары-другой формальных прошений; в делах, по которым он выступал, нет ни слова, принадлежащего ему,— они не записывались... Никакой черточки к характеристике Ильича материалы эти, как их ни выжимай, не дадут»[1].

Совершенно очевидно, что мнение человека, столь близкого Ленину, не могло не оказать влияния на тех, кто начал было изучать судебную практику В. Ульянова. Но тот, кто знаком с текстом отзыва А. И. Елизаровой на сборник И. Диомидова знает, что автор отзыва не порицал, а тем более не отвергал саму тему «Ленин как юрист» или «Ленин как защитник», а критиковал лишь

[1] Из отзыва А. И. Елизаровой на сборник «Самарский период жизни В. И. Ленина», подготовленный к печати И. М. Диомидовым — ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС, ф. 13, оп. 1, ед. хр. 91, лл. 1—2. Об этом отзыве впервые упоминается в статье Ю. Ахапкина, Н. Смирнова и Г. Ханта «Об ответственности перед темой и читателем». «Новый мир», 1965, № 12, стр. 268.

материалы сборника, как явно недостаточные для выводов, которые делал Диомидов. Но это было в 1926 г. А вскоре в Самарском архиве был обнаружен еще ряд дел, по которым выступал Ленин.

Нельзя быть абсолютно уверенным в том, что Анна Ильинична знала все дела, что вел Владимир Ильич.

Появившаяся позднее более широкая возможность доступа к архивным фондам открыла перспективы поисков и получения новых документов и фактов, характеризующих практическую работу В. Ульянова в качестве юриста. И, как следовало ожидать, отдельные такого рода документы и даже автографы В. И. Ленина были обнаружены. В судебных делах были найдены также более или менее подробные записи ходатайств и речей В. Ульянова.

Эти и другие материалы помогли расширить наши представления о характере и масштабах адвокатской практики В. И. Ленина в Самаре и Петербурге.

Работа над источниками, в том числе биографическими материалами о В. И. Ленине, показали, что в них об этой деятельности Владимира Ильича сказано очень мало. Юридической практики В. И. Ленина бегло касаются и авторы воспоминаний о нем. Подробнее, но далеко не полно, говорится о Ленине-юристе в работах А. Аросева[1], Б. Волина[2], А. Трайнина и М. Шифмана[3], В. Чуева[4],

[1] *А. Аросев.* Некоторые данные о деятельности Владимира Ильича как помощника присяжного поверенного в Самаре. Ленинский сборник, т. II, стр. 443—447.

[2] *Б. Волин.* В. И. Ленин в Поволжье. М., 1956.

[3] *А. Трайнин, М. Шифман.* Страницы из биографии В. И. Ленина —«Советское государство и право», 1956, № 3.

[4] *В. Чуев.* В. И. Ленин в Самаре (1889—1893). Документально-исторический очерк. М., Госполитиздат, 1960.

Е. Скрипилева[1], И. Крылова и А. Бланка[2]. Большую и интересную работу по исследованию адвокатской практики В. И. Ленина в Самаре проделал В. Шалагинов[3].

А вообще-то, и это надо признать,— наши правоведы «почти не пишут о В. И. Ленине, как о юристе», о том, как он использовал глубокие знания в области права в своей адвокатской практике и в революционной деятельности, а после 1917 г. в работе по созданию и совершенствованию советского законодательства. Этот справедливый упрек был сделан недавно на страницах журнала «Советское государство и право»[4]. Мы полностью разделяем его, ибо за 50 лет существования Советской власти не появилось ни одной монографии о Ленине-юристе, о его практической деятельности в этом качестве.

Главным источником изучения молодого Ленина служили для нас его сочинения, а также мемуары — воспоминания о нем родных, соратников и людей, лично знавших его. Воспоминания Анны Ильиничны, Марии Ильиничны и Димитрия Ильича Ульяновых, Н. К. Крупской составляют золотой фонд мемуарной литературы о Ленине.

В них с наибольшей точностью и объективностью запечатлены важные детали революционной борьбы, биографические подробности, в том числе ценные свидетельства о юридической деятельности молодого Ленина.

[1] *Е. Скрипилев.* Из биографии В. И. Ленина — «Известия высших учебных заведений». Правоведение, 1961 г., № 3.

[2] *И. Крылов, А. Бланк.* Деятельность В. И. Ленина в адвокатуре.— «Советская юстиция». По документам и воспоминаниям современников, 1960, № 4.

[3] *В. Шалагинов.* Помощник присяжного поверенного Ульянов. Самара, «Сибирские огни», 1965, № 4; его же; Старая Самара о Ленине-юристе. «Сибирские огни», 1967, № 1; его же; Защита поручена Ульянову — Зап. Сиб. книжн. изд-во, 1967 г.

[4] *Е. Скрипилев, Б. Портнов.* Создание советского правительства.— «Советское государство и право», 1967, № 7, стр. 124.

Крупицы информации по вопросам, связанным с темой нашего исследования содержатся, в частности, в воспоминаниях и работах Г. Кржижановского, М. Сильвина, П. Лепешинского, В. Князева, В. Адоратского, Г. Клеменца и др.[1]

Естественно, что в своих рассуждениях и выводах мы в ряде случаев исходили из фактов, приводимых в мемуарах. Не переоценивая значения последних, мы в то же время считали и считаем, что благодаря лишь мемуарной литературе можно полнее воссоздать обстановку далекого для нас прошлого, установить весьма интересные и ценные детали о юридическом образовании и адвокатской практике Владимира Ильича, детали, порой нигде не отмеченные.

Приступая к исследованию темы «Ленин — юрист», мы обратились к архивным материалам. В Центральном партийном архиве нами изучены подлинные дела (уголовные и гражданские), по которым выступал Владимир Ильич Ульянов. Оказалось, что в некоторых из них содержатся весьма интересные записи об Ульянове-защитнике. В ряде дел сохранились «приобщенные к производству» волнующие документы, написанные рукой Владимира Ильича. Изучение дел и в некоторых случаях газетных отчетов о них помогло выяснить, в каких процессах пре-

[1] *Г. М. Кржижановский.* Великий Ленин, М., 1956; его же; Ленин и Маркс. М., 1958 г.

М. Сильвин. Ленин в период зарождения партии. Лениздат, 1959.

П. Лепешинский. На повороте. Л., 1925.

В. Князев. Николай Петрович. Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. 1, М., 1956, стр. 118—121.

В. Адоратский. За восемнадцать лет. М., 1961.

Г. Клеменц. Воспоминания о В. И. Ленине. Газ. «Коммуна», (Самара), 23 апреля 1924 г.

имущественно участвовал В. Ульянов, кого он защищал и как защищал.

Интересующие нас сведения разысканы не только в Центральном партархиве, но и в государственных архивах Куйбышева, Ленинграда и Москвы[1]. Этому же помогла наша переписка с отдельными авторами воспоминаний о В. И. Ленине (напр., Е. Д. Стасовой, Ф. Ф. Вентцель, Е. А. Флейшиц) с В. М. Волькенштейном — сыном известного петербургского адвоката М. Ф. Волькенштейна, помощником у которого был В. Ульянов в 1893—1895 гг., а также с Домами-музеями в Шушенском и Париже.

За основу своих представлений и выводов о ленинских судебных защитах мы взяли подлинные уголовные и гражданские дела, связанные с именем В. Ульянова. Пришлось приложить немало усилий, чтобы оживить, заставить «заговорить» заключенные в этих делах документы.

И все же достоверного и исчерпывающего ответа на главный вопрос — что сказал или мог сказать в своих защитительных речах В. Ульянов — они, эти судебные документы, сами по себе очень интересные и ценные, дать не могли.

Получение такого ответа предполагало необходимость обращения к другим, притом самым важным и ценным источникам — произведениям самого В. И. Ленина. Нами были изучены все, или почти все опубликованные высказывания Владимира Ильича о государстве и праве,

[1] Имеются в виду Центральный государственный архив Октябрьской революции (ЦГАОР СССР), Центральный государственный исторический архив Ленинграда (ЦГИАЛ), Центральный государственный архив литературы и искусства (ЦГАЛИ), Государственный архив Ленинградской области (ГАЛО), Государственный архив Куйбышевской области (ГАКО).

буржуазном суде, буржуазно-помещичьем законодательстве, об отношении царской юстиции к религии, церкви, «голодным» холерным бунтам периода неурожайных 90-х годов. То той же причине нам пришлось ознакомиться с сенатскими разъяснениями к статьям царского Уложения о наказаниях, по которым обвинялись подзащитные Ленина. Весьма ценную помощь оказала мемуарная литература.

Почти по каждому делу, по которому выступал Ульянов, в цепи твердо установленных фактов порой не хватало отдельных звеньев, появлялись досадные «белые пятна». Как же следовало поступать? Опираясь на бесспорные факты, мы в редких исключительных случаях вынуждены были прибегать к вероятным суждениям, выражавшим степень нашей осведомленности об интересующих нас моментах.

Только на основании данных, полученных из всех известных нам источников по вопросам темы, проверенных и оцененных порознь и в совокупности, мы смогли в итоге уверенно сказать «...за кого, против кого и как возвышал свой голос адвокат Ульянов»[1]. Это не значит, разумеется, что с помощью этих материалов можно было восстановить все, что говорил Ульянов в суде. Мы не знаем и не можем точно знать, какие слова, выражения, обороты содержались в его защитительных речах, какими ораторскими приемами он пользовался для отстаивания своей позиции и опровержения тезисов и аргументации обвинителя.

Но исходя из перечисленных выше материалов можно определенно установить, какие мысли, оценки и выводы стремился донести Ульянов — защитник до слушателя:

[1] *В. Тельпугов.* Ожившие документы. «Литературная газета», 2 октября 1968 г.

судей и тех, кто был в зале судебного заседания. Всесторонне изученные источники постижения Ленина-адвоката дают нам прочное основание утверждать, что именно так или почти так должен был говорить в защиту своих клиентов помощник присяжного поверенного В. И. Ульянов.

Говоря о том, что в отдельных случаях из-за пробелов в протоколах судебных заседаний, пришлось уступить безжалостной необходимости обращаться к предположениям, строить и проверять версии, следует подчеркнуть, что объектами последних являются, как правило, моменты малозначительные, часто второстепенные. Но каждое из высказанннных предположений представляется нам логически и психологически обоснованным и оправданным.

Формой выражения этих новых, установленных логическим путем фактов-штрихов служат, например, такие: «В своей защитительной речи В. Ульянов мог (или должен был) говорить то-то», «Не исключено, что защита настаивала на том-то»; «Помощнику Хардина» (А. Н. Хардин — видный самарский адвокат, у которого стажировался Ленин) не оставалось ничего другого, как апеллировать к смягчающим вину подзащитного обстоятельствам, поскольку обвинение и его правовая оценка в данном деле являлись обоснованными» и т. д.

Иначе говоря, процессы и поведение в них В. И. Ульянова описаны в том виде, в каком они представлялись на основании как объективных (архивных и мемуарных) материалов, так и тех данных (фактов), которые — прямо или косвенно — вытекали из бесспорно известных фактов.

Убеждение, что они, эти факты, имели место в действительности, были или в данных условиях могли быть, давало нам моральное право опираться на них в своих оценках и выводах.

Может возникнуть вопрос, почему автор настоящей работы не обратился к столь важному источнику познания вопросов темы, как сами подзащитные Ленина, его коллеги по адвокатуре, бывшие секретари судебных заседаний, проходивших с его участием. На этот вопрос очень легко ответить: к моменту, когда мы приступили к изучению темы (1955 г.), никого из названных лиц уже не было в живых.

В 20-х и в начале 30-х гг. еще имелась возможность выявить и опросить этих людей (им было тогда по 50—60 лет не более) и тем самым собрать драгоценные и незаменимые свидетельства относительно того, где (в каких судах), кого и как защищал В. И. Ленин. Однако, как уже отмечалось, была допущена ужасная и, к сожалению, непоправимая ошибка: ни один «клиент», ни один коллега помощника присяжного поверенного В. Ульянова не был выявлен и опрошен.

Хотя деятельность В. И. Ленина в качестве практикующего юриста-адвоката занимает незначительное место в его гигантской революционной теоретической и практической работе, она, тем не менее, заслуживает серьезного исследования. Не только потому, что она составляет частицу биографии основателя Коммунистической партии и Советского государства, но и потому, что она неразрывно связана со всей его деятельностью в дореволюционные годы.

Настоящая работа имеет целью не только систематизировать, но и приумножить, подчас малоизвестные, но исключительно интересные данные о юридической практике В. И. Ульянова. Тем самым она ознакомит заинтересовавшихся ею читателей еще с одним штрихом из многогранной биографии вождя, штрихом, который слабее всего освещен в литературе. Пусть они, эти сведения, покажутся, на первый взгляд, малозначительными. Но раз

они связаны с жизнью Ленина, о них непременно следует сказать, они должны стать всеобщим достоянием.

Что касается кипучей революционной (организаторской и теоретической) деятельности Ленина в Самаре, Петербурге и в сибирской ссылке, то о ней в данной работе сказано лишь в той мере, в какой это позволяет лучше осветить юридическую деятельность молодого Ленина.

Имея своим предметом исследование практической юридической деятельности Ленина, мы естественно не могли ставить своей задачей осветить роль Ленина как теоретика права, ограничиваясь подчеркиванием значения его теоретической деятельности в этой области и ее связи с его практической работой. Лишь в отдельных случаях мы более или менее подробно останавливаемся на отдельных работах Ленина, позволяющих особенно выпукло показать органическую связь его практической и теоретической деятельности.

Данное исследование не претендует на исчерпывающее освещение темы. Да это и не под силу сделать одному автору, в распоряжении которого не было многих очень важных материалов, возможно, утраченных навсегда[1].

Опираясь на архивные документы, воспоминания современников Владимира Ильича, а также данные, по-

[1] Речь идет, прежде всего, о материалах, относящихся к адвокатской практике Владимира Ильича в Петербурге. Как известно, во время пожара (в феврале 1917 г.) сгорело здание Петербургского окружного суда, в делах которого, безусловно, находились доказательства адвокатской деятельности В. И. Ульянова. До сих пор не обнаружены и личные архивы адвокатов А. Н. Хардина и М. Ф. Волькенштейна, у которых стажировался Владимир Ильич. Весьма скупые сведения дошли до нас об адвокатских занятиях Ленина в Шушенском.

черпнутые из биографической литературы о нем, автор ограничился рассмотрением лишь двух вопросов: почему и как Владимир Ильич стал юристом, каков характер его юридической (адвокатской) деятельности и как она была использована им в борьбе с самодержавием.

Жизнь, деятельность В. И. Ленина — тема поистине неисчерпаемая и исключительно ответственная. И долг советских ученых — историков и юристов — продолжить поиски научно обоснованной информации о Ленине — юристе-практике, о его государственно-правовой деятельности.

ДИПЛОМЪ.

Предъявитель сего, Владиміръ ~~[illegible]~~ Ильичъ Ульяновъ, вѣроисповѣданія Православнаго, родившійся 10 Апрѣля 1870 г., съ разрѣшенія Г. Министра Народнаго Просвѣщенія, подвергался испытанію въ Юридической испытательной коммиссіи при ИМПЕРАТОРСКОМЪ С.-Петербургскомъ университетѣ въ Апрѣлѣ, Маѣ, Сентябрѣ, Октябрѣ и Ноябрѣ мѣсяцахъ 1891 года.

По представленіи сочиненія и послѣ письменнаго отвѣта, признанныхъ весьма удовлетворительными, оказалъ на устномъ испытаніи слѣдующіе успѣхи: по Догмѣ римскаго права, Исторіи римскаго права, Гражданскому праву и судопроизводству, Торговому праву и судопроизводству, Уголовному праву и судопроизводству, Исторіи русскаго права, Церковному праву, Государственному праву, Международному праву, Полицейскому праву, Политической Экономіи и Статистикѣ, Финансовому праву, Энциклопедіи права и Исторіи философіи права—весьма удовлетворительные.

Посему, на основаніи ст. 81 общаго устава ИМПЕРАТОРСКИХЪ Россійскихъ университетовъ 23 Августа 1884 года, Владиміръ Ульяновъ, въ засѣданіи Юридической испытательной коммиссіи 15 Ноября 1891 г., удостоенъ диплома **первой** степени, со всѣми правами и преимуществами, поименованными въ ст. 92 устава и въ V и. ВЫСОЧАЙШЕ утвержденнаго въ 23 день Августа 1884 года мнѣнія Государственнаго Совѣта. Въ удостовѣреніе сего и данъ сей дипломъ Владиміру Ульянову, за надлежащею подписью и съ приложеніемъ печати Управленія С.-Петербургскаго учебнаго округа. Городъ С.-Петербургъ, Января 14 дня 1892 года.

Попечитель С.-Петербургскаго учебнаго округа

Предсѣдатель Юридической испытательной коммиссіи

Правитель Канцеляріи

Диплом, выданный В. И. Ленину, об окончании юридического факультета Петербургского университета.

№ 1879

СВИДѢТЕЛЬСТВО

на 1892 годъ.

Согласно состоявшемуся двадцать третьяго Іюля 1892 года постановленію Общаго Собранія отдѣленія Самарскаго Окружнаго Суда, выдано сіе свидѣтельство симъ Судомъ Помощнику Присяжнаго Повѣреннаго, дворянину, Владиміру Ильичу Ульянову въ томъ, что ему, Ульянову, на основаніи 406 ст. Учреж. Суд. Уст. изд. по прод. 1886 года и 1104, 1110 и 111 ст. т. II, ч. 1, Учреж. Общ. Суд. мѣстъ, изд. 1876 года, разрѣшается ходатайствовать по чужимъ судебнымъ дѣламъ въ Самарскомъ Окружномъ Судѣ въ теченіи всего 1892 года.

Іюля „27" дня 1892 года.

И. д. Предсѣдателя Самарскаго Окружнаго Суда

У сего

И. д. Помощника Секретаря

Свидетельство, выданное В. И. Ленину на право ведения судебных дел в 1892 году в Самарском окружном суде.

Глава первая

В. УЛЬЯНОВ — СТУДЕНТ ЮРИДИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА[1]

ПОЧЕМУ В. УЛЬЯНОВ РЕШИЛ СТАТЬ ЮРИСТОМ?

Перед нами копия анкеты, которую в качестве делегата X Всероссийского съезда РКП(б) заполнил Владимир Ильич Ленин. Отвечая на вопрос об образовании, он записал: «В 1891 году кончил (сдал экзамен экстерном) Петрогр(адский) Унив(ерситет) по Юр(идическому) фак(ультету)»[2].

Аналогичный ответ дан Лениным и в анкете делегата X Всероссийской партконференции.

[1] При написании этой главы помимо архивных документов и воспоминаний родных В. И. Ленина использованы работы *Б. Волина* — «Студент Владимир Ульянов». *Н. Корбута* — «Казанское революционное подполье». *В. Смирновой* — «Студенческое движение в Казанском университете в 1887 г.». *З. Ивановой* — «Юридический факультет Казанского университета в период пребывания в нем В. И. Ленина». *Г. Хаита* — «Из жизни семьи Ульяновых в Казани и Самаре» и др.

[2] Ленинский сборник XX, стр. 50.

Когда и при каких обстоятельствах Владимир Ильич стал студентом юридического факультета, почему он решил стать юристом? Как сложилась его жизнь в студенческую пору, длившуюся менее полугода? Каким образом удалось молодому волжанину, высланному царскими властями в глушь, в деревню, овладеть программой юридического факультета университета за каких-нибудь полтора года и получить в столичном, императорском университете диплом первой степени?

Стать юристом Владимир Ильич твердо решил еще в гимназические годы. Об этом он, в частности, заявил накануне испытаний на аттестат зрелости. В списке-анкете учеников VIII класса Симбирской гимназии на вопрос, в каком высшем учебном заведении хотел бы учиться каждый из них, Володя Ульянов ответил: «Желаю поступить в Казанский университет в юридический факультет».

В гимназии, между тем, были крайне удивлены его «странным выбором». Ведь ему, юноше с выдающимися способностями, медалисту, были открыты двери на любой из «серьезных» факультетов. Педсовет и сам директор гимназии, зная незаурядные способности Ульянова к языкам, его успехи по латыни и словесности, прочили его на филологический или историко-словесный факультет, советовали стать учителем. Приват-доцент Казанского университета Г. Н. Шебуев, заметив в Ульянове «определенно-математический склад ума», рекомендовал ему поступить только на математический факультет.

Однако Володю Ульянова влекла другая область деятельности — революционная, из-за которой он, уже тогда, в юношеские годы, стал все более и более интересоваться правовыми и социологическими науками[1]. Что касается

[1] *См. А. И. Ульянова-Елизарова.* В. И. Ленин (Н. Ленин). М., 1934, стр. 22.

педагогической карьеры, которую предсказывали в гимназии, то она была ему не по душе. Кроме того, Володя понимал, что если бы он и захотел стать учителем, то ему помешали бы в этом власти. Открытой оставалась дорога к более свободной профессии — юридической, в частности, адвокатской.

Глубокий интерес В. Ульянова к общественным наукам — истории, политэкономии, праву — нельзя считать случайным. Изучение этих дисциплин, действующего законодательства он рассматривал как средство лучшего познания логики классовой борьбы и методов, которые используют эксплуататоры для подавления трудящихся.

Стремясь к политической борьбе с самодержавием, он, естественно, хотел уяснить сущность государства и права, причины их возникновения, связь юридико-политических учреждений страны с материальными интересами правящих классов и, наконец, условия превращения их в орудие защиты трудящихся. Правильно ответить на эти вопросы нельзя было без овладения экономической и юридической науками, без знания марксистской теории государства и права.

Размышляя над вопросом о выборе высшей школы, Ленин остановился на юридическом факультете, считая, что только этот факультет поможет ему лучше разобраться в самом себе и получить основы знаний, необходимых для выработки мировоззрения, которое бы отвечало его внутренним влечениям. Он, как и в свое время Маркс, стремился понять анатомию гражданского общества, которую следовало искать в политической экономии[1].

Наука же эта изучалась на юридическом факультете. Таким образом, следует прийти к выводу, что выбор

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2 изд., т. 13, стр. 6.

Лениным факультета был сделан сознательно и главным образом по политическим соображениям.

Вот что сообщает двоюродный брат Ленина Николай Веретенников. Однажды — это было летом 1887 г. в деревне Кокушкино,— между ним и Володей зашел разговор о призвании и выборе профессии. Владимир Ильич категорически заявил, что он лично предпочитает профессию юриста. Эти слова немало удивили его собеседника. Желая склонить на свою сторону Володю, Веретенников стал апеллировать к авторитету Писарева, считавшего «настоящими науками» только математику и естествознание. Но Ульянов был неумолим; не в его характере было отступать от решения, которое он считал правильным.

Мотивируя свой выбор, Владимир Ильич добавил, что в нынешних условиях, то есть в современной ему России, нужно изучать право и политическую экономию и что, быть может, в другое время он избрал бы иные науки[1]. Ленин уже усвоил ту истину, что сущность развивающегося в России капитализма, как и вообще анатомию буржуазного строя, надо искать в экономической и социальной структуре общества. Экономические знания нужны были ему для дальнейшего марксистского самообразования, для лучшего уяснения и применения в условиях тогдашней русской действительности положений «Капитала» Маркса.

Таким образом, Владимир Ильич дал понять собеседнику, какое значение имеют названные науки для людей, посвятивших себя революционной борьбе и решивших пойти не по тому пути, по которому шли народовольцы. Только благодаря этим наукам можно было «...овладеть

[1] См. *Н. Веретенников.* Владимир Ульянов, М., Детгиз, 1955, стр. 60.

всеми видами оружия, всеми средствами и приемами борьбы, которые есть или могут быть у неприятеля»[1].

Признание, сделанное Веретенникову, позволяет заключить, что к этому времени Владимир Ульянов, в отличие от своих сверстников, уже много самостоятельно думал и продумал, прежде чем решить для себя вопрос: кем быть и что делать...

Следует иметь в виду и то обстоятельство, что в те годы университет, в частности, юридический факультет был почти единственным вузом, где глубоко изучались гуманитарные дисциплины. Ими серьезно заинтересовался Владимир Ульянов, еще будучи гимназистом.

Не последнюю роль в этом отношении сыграла семья Ульяновых и, прежде всего, мать Владимира Ильича — Мария Александровна. Ее система воспитания во многом сказалась на выборе Володей своего будущего. От старших в семье он впервые узнал правду о существующем строе, о тяжелой, беспросветной жизни крестьян. Здесь же, в семье, он познакомился с идеями передовых русских писателей и революционных демократов, которые углубили в нем любовь к трудовому народу и ненависть к эксплуататорам. Большое влияние на него оказали поэты «Искры», поэты-чернышевцы, бывшие в большом почете в доме Ульяновых. Их стихи возбуждали в нем ненависть ко всякому произволу и угнетению, заставляли критически относиться к жизни, к людям. Все это способствовало раннему пробуждению в нем гражданского сознания, политических интересов, тяготения к общественно-политическим наукам.

Решение Володи Ульянова получить гуманитарное образование укрепилось и стало окончательным после

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 41, стр. 81.

«процесса первомартовцев»[1], по которому осужденным оказался и его старший брат Александр Ильич.

Общеизвестно, что Александр в семье Ульяновых был настоящим кумиром, высшим (после родителей) авторитетом. И Володя, естественно, пристально приглядывался к нему. Все, что читал, говорил и делал Александр глубоко интересовало и восхищало Володю. Он нередко думал: неспроста ведь Саша зачитывается Марксом, увлекается трудами революционных демократов. Долго волновавшие догадки о замыслах Саши уступили место ясности и определенности в дни судебного процесса.

Владимиру Ильичу особенно запомнились слова защитительной речи брата, которые объясняют, чем он, Саша, обязан социологическим наукам: «...после изучения общественных и экономических наук это убеждение в ненормальности существующего строя вполне во мне укрепилось и смутные мечтания о свободе, равенстве и братстве вылились для меня в строго научные и именно социологические формы. Я понял, что изменение общественного строя не только возможно, но даже неизбежно»[2].

Глубоко усвоить эти науки и с их помощью найти другие пути борьбы и побед,— твердо решил для себя Владимир Ильич.

Итак, соприкосновение с жизнью, полной «неправды черной», с действительностью, отмеченной разнузданной,

[1] Судебный процесс над Ульяновым и его товарищами, обвинявшимися в покушении 1 марта 1887 г. на жизнь Александра III. Этот процесс состоялся 15 — 19 апреля того же года. Дело рассматривалось Особым присутствием Сената в Петербурге. Ульянов от услуг адвоката отказался, чтобы иметь возможность выступить в суде с программной политической речью. Отверг он и предложение подать прошение о помиловании.

[2] Александр Ильич Ульянов и дело «1 марта 1887», М., 1927, стр. 334.

невероятно зверской реакцией, судебный процесс и казнь брата окончательно определили цель жизни Владимира Ильича.

Таким образом, в формировании взглядов В. И. Ленина в выборе высшей школы и своего будущего большую роль сыграли демократические традиции семьи Ульяновых,— демократическая литература, которой он зачитывался, процесс «второпервомартовцев».

Однако решающее значение в становлении его революционного мировоззрения, его социал-демократических убеждений имело, конечно, изучение трудов Маркса и Энгельса. В них он нашел ясные и убедительные ответы на все главные вопросы, волновавшие его, и, в частности, на вопрос о путях освобождения трудящихся, и его собственной роли в этом историческом процессе.

В отличие от других гимназистов, мечтавших получить высшее образование в Петербурге или в Москве, Ульянов и думать не мог о столичных университетах. Ведь еще совсем недавно, 8 мая 1887 г., в Петербурге, в числе других, за «государственное преступление» был казнен его брат. Сообщение об этом опубликовали почти все газеты. Владимир Ильич понял, что отныне и надолго фамилия «Ульянов» в полицейско-чиновничьих кругах будет одиозной. И свой выбор он останавливает на Казанском университете. Можно предположить, что на его решение поступить именно сюда повлияло и то, что в этом университете много лет трудился всемирно известный Н. Лобачевский; в нем учились С. Аксаков, Л. Толстой, А. Бутлеров, М. Балакирев; его окончил, между прочим, и отец Володи, Илья Николаевич Ульянов.

Что же представлял собой юридический факультет Казанского университета в год поступления В. И. Ленина? По количеству студентов он был одним из самых

крупных (после медицинского). Из 916 студентов, обучавшихся в 1887/88 учебном году в университете на медицинском факультете числилось 457, а на юридическом — 264 человека.

Чтобы воспрепятствовать «кухаркиным детям» получить высшее образование, правительство воздвигало на пути в высшую школу различные, в том числе и финансовые, барьеры. Помимо платы за обучение (до 50 рублей в год), студенты обязаны были оплачивать еще и право слушания необходимых лекций. Вскоре эту обязанность пришлось выполнить и В. И. Ульянову.

Через три недели после зачисления в университет, а именно 6 октября, первокурсник Ульянов подал на имя инспектора студентов заявление с перечислением занятий, которые намерен был посещать. В заявлении рукой Владимира Ильича написано: на «предстоящее первое полугодие 1887/88 академич. года я записался на следующие курсы...» Далее приводятся фамилии четырех преподавателей, чьи лекции он хотел бы послушать, название «предмета чтений» и число лекций. На прошении имеется виза декана юридического факультета А. Осипова и отметка об уплате 16 рублей по квитанции № 321 — «за право посещения 17 лекций» и занятий по английскому языку.

Характерно, что при зачислении или в первые же дни учебы от каждого первокурсника отбиралась подписка — заверение о том, что давший ее молодой человек впредь будет вести себя лойяльно и чуждаться «опасных» обществ. Первой подпиской, входившей составной частью в прошение о зачислении в университет, автор ее обещал «во все время» пребывания в храме науки подчиняться существующим в нем правилам. Вторая подписка обязывала студента не состоять членом и не принимать участия в каких-либо обществах, как например земляче-

ствах[1], а равно не вступать даже в дозволенные законом организации без разрешения на то, в каждом отдельном случае, ближайшего начальства. Предупреждалось, что нарушение подписки повлечет за собой исключение или применение других административных мер.

Отбирать такие подписки предложил сам министр просвещения в целях «предупреждения вовлечения легкомысленной молодежи политическими агитаторами в преступные общества...» Выдержку из этого циркуляра от 27 января 1887 г. напечатал «Волжский вестник» 8 августа, то есть меньше чем за неделю до зачисления В. Ульянова в университет.

Юридический факультет в то время имел достаточно квалифицированный состав преподавателей. В первом полугодии 1887/88 учебного года лекции в нем читали довольно известные в университетских городах ученые, в том числе профессора Н. П. Загоскин (история русского права, энциклопедия и история философии права), Н. А. Кремлев (римское право), Г. Ф. Дормидонтов (международное право и история римского права), А. М. Осипов (русское гражданское право), Н. Н. Виноградарский (уголовное право и уголовное судопроизводство), Д. М. Львов (финансовое право), Я. С. Степанов (полицейское право), В. В. Ивановский (государственное право), А. Нефедов (гражданское судопроизводство)[2].

Центрами методической и научной работы преподавателей являлись кафедры. На факультете в 1887/88 учебном году их было 12, в том числе: энциклопедии и

[1] Объединения студентов, выходцев из одной и той же губернии.— *И. С.*

[2] За сто лет (1804—1904). Биографический словарь профессоров и преподавателей императорского Казанского университета. в двух частях, ч. 2, Казань, 1904.

истории философии права, русского государственного права, истории русского права, римского права, гражданского права и судопроизводства, торгового права и судопроизводства, уголовного права и судопроизводства, финансового права, политической экономии и статистики, международного права, полицейского права и церковного права.

Согласно учебному плану студенты-юристы в период четырехлетнего срока обучения должны были изучить 20 дисциплин, названия которых совпадали с наименованиями перечисленных выше кафедр.

Для студентов посещение занятий было свободным в том смысле, что каждый из них сам выбирал преподавателя и курсы, которые он желал слушать. Выбор оформлялся соответствующим заявлением на имя инспектора. Названные в заявлении лекции студент старался посещать аккуратно, поскольку все они были оплачены. Только один предмет — богословие — считался абсолютно обязательным для всех.

Влияние церкви на учебный процесс в университете было очень сильным. Об этом можно судить, хотя бы по тому положению, которое занимало в учебном плане богословие. Студентам, не сдавшим экзамен по этому предмету, не выдавались выпускные свидетельства. Наряду с богословием студенты-юристы изучали еще и церковное право...

Как и каждый вновь поступающий, Владимир Ильич интересовался студенческой жизнью университета, в который собирался поступить, умонастроениями учащихся, формами их самодеятельности. Не только из газет, скажем, «Волжского вестника», но и из бесед с бывшими воспитанниками Симбирской гимназии, а теперь студентами Казанского университета, он получал ответы на волновавшие его вопросы.

Летом 1887 г. В. Ульянов, окончив Симбирскую гимназию, переступил порог прославленного и священного для него храма науки. Современники сравнивали Казанский университет конца 80-х годов с гудящим пчелиным ульем. Что касается настроения студенческой молодежи, то его довольно точно определил тогдашний министр народного просвещения Н. Ф. Делянов. По его словам, в жилах казанских студентов в ту пору играла пугачевская кровь[1]. От студентов можно было ожидать всяких неприятных (для правительства) сюрпризов. Их настроения, совершаемые ими противозаконные акции были ответом на свирепую реакцию правительства, безудержно разгулявшуюся по стране после суда над «второпервомартовцами». Первые удары обрушились на высшие учебные заведения, на молодежь.

Еще ранее — 4 сентября 1884 г. был введен новый, архиреакционный, глубоко оскорбительный для студентов Университетский устав, утвержденный самим царем. Содержание основного закона тогдашней высшей школы России свидетельствовало о далеко идущих антинародных целях его составителей. Последние надеялись с помощью устава отвадить молодежь от политики, развить и укрепить в ней верноподданические чувства, воспитать презрение к «черни» — народу и преданность престолу.

Устав должен был обеспечить превращение храмов науки в очаги борьбы с «разрушительными мыслями», «пагубными» для юношества нигилистическими идеями. Он представлял собой своеобразную административно-политическую меру против «крамолы», проникшей в студенческую среду.

[1] Цит. по кн. *А. Н. Иванского,* Молодой Ленин. Повесть в документах и мемуарах. Госполитиздат, М., 1964, стр. 395.

Этот устав в гораздо большей степени, чем прежний, мешал университетам стать настоящей высшей школой, давать учащимся помимо знаний сознание общественного долга, воспитывать в них уважение к человеческой личности, к закону. Наоборот, благодаря уставу студенты уже на первых курсах убеждались, что несправедливость и беззаконие, которые они наблюдали за стенами университета, царят и внутри его.

В духе устава были разработаны и утверждены 16 мая 1885 г. «Правила для студентов». Главная особенность «Правил» состояла в том, что они подчиняли всю жизнь студента бдительному надзору университетской администрации и полиции; они насаждали среди студентов шпионство; запрещали учащимся создавать даже самые безобидные корпорации; обязывали отдавать любому начальству честь, прикладывая руку к козырьку фуражек и т. п. За малейшее нарушение «Правил» виновных ждало одно из следующих взысканий: выговор, арест с содержанием в карцере, исключение из университета. «Правила» предусматривали также пятикратное увеличение платы за обучение.

Поведение каждого студента, его отношение к уставу и «Правилам» подробно фиксировались в двух секретных журналах — кондуитном и штрафном. Регистрацию посещения занятий вели так называемые «педеля» — мелкие чиновники инспектуры, которые за рюмку водки могли поставить в журнале какую угодно пометку.

Кадры управлений учебных округов и студенческих инспектур комплектовались из фельдфебелей от науки и отъявленных мракобесов. Именно деятелями такого типа оказались попечитель Казанского учебного округа П. Н. Масленников и инспектор студентов университета Н. Г. Потапов, прозванный за свои унтерпришибеевские замашки «полицейской ищейкой». По словам современ-

ников, Потапов был сильнее ректора. Он и его сотрудники — «педеля» занимались форменной слежкой за студентами, контактируя подчас свои действия с жандармерией. На основании штрафных и кондуитных журналов, устных докладов своих помощников Потапов периодически составлял своего рода «проскрипционные списки» политически неблагонадежных студентов. Руководствуясь ими, попечитель учебного округа добивался исключения из университета без объявления причин и отдачи в солдаты каждого, кто имел несчастье попасть в эти списки.

Чтобы обеспечить «спокойный» состав учащихся, правительство позаботилось о мерах, преграждающих доступ в высшие учебные заведения детям низших сословий общества. В числе этих мер — не только повышение платы за обучение, но и издание 18 июля 1887 г. печально известного циркуляра «о кухаркиных детях». На его основании запрещалось принимать в университеты детей, родители которых работают по найму, иначе говоря, детей бедняков.

Но ни устав, ни его детище — «Правила для студентов» полностью своих целей не достигали. Властям не удалось поставить студентов на колени, запугать их. Наиболее смелая и прогрессивно мыслящая часть учащихся искусно обходила «Правила». В университете возникали все новые землячества, кружки самообразования, студенческие суды. К середине 1887 г. в городе оживилась студенческая самодеятельность. Помимо шести землячеств, начали функционировать «Союзный совет студенческих землячеств» (депутатское собрание), библиотекарское собрание и общестуденческий суд.

Впоследствии многие члены самодеятельных молодежных сообществ вошли в марксистские кружки Н. Е. Федосеева, стали профессиональными революционерами. В федосеевских кружках, в один из которых позже

вступил и Владимир Ульянов, изучались важные проблемы политэкономии и истории, обсуждались условия жизни рабочего класса и крестьянства в России. Своего рода «практическими занятиями», посредством которых проверялась и оттачивалась теория, служили посещения кружковцами рабочих бараков, ночлежных домов, трактиров, близлежащих деревень и хуторов.

Сокровенными были думы и чаяния членов этих кружков, которые жили, как писал М. Горький, «в настроении забот о русском народе, в непрерывной тревоге о будущем России»[1].

О существовании самодеятельных студенческих сообществ знал, или, по крайней мере, догадывался попечитель Масленников. В одном из донесений министру просвещения он вынужден был признать, что, несмотря на отобрание подписок и реальную угрозу увольнения из университета нарушителей, землячества продолжают функционировать.

Так выглядел Казанский университет ко времени окончания В. Ульяновым Симбирской гимназии.

Наступили дни последних после гимназии каникул. Уже отосланы надлежащие документы в Казань. Времени остается мало, и Володя Ульянов усиленно знакомится с юридической литературой, стремясь получить представление о предметах, изучаемых на избранном факультете. Н. Веретенников вспоминает, что летом 1887 г. он часто видел Ульянова за юридическими книгами («Энциклопедия права» и другие)[2].

В конце июня Владимир Ильич отправил в университет требуемые документы. В прошении на имя ректора университета он писал:

[1] *М. Горький.* Полн. собр. соч., т. 13, стр. 536.

[2] *Н. Веретенников.* Владимир Ульянов. «Комсомольская правда», 26 августа 1937 г.

«Желая для продолжения образования поступить в Казанский Университет, имею честь покорнейше просить Ваше Превосходительство сделать зависящее распоряжение о принятии меня на первый курс юридического факультета, на основании прилагаемых при сем документов, вместе с копиями с оных, а именно: а) аттестата зрелости, б) метрического свидетельства о времени рождения и крещения, в) формулярного списка о службе отца, г) свидетельства о приписке к призывному участку по отбыванию воинской повинности и д) двух фотографических карточек.

При сем на основании § 100 Высочайше утвержденного Устава Императорских Российских Университетов обязуюсь во все время пребывания моего в Университете подчиняться правилам и постановлениям университетским.

Окончивший курс в Симбирской гимназии
Владимир Ульянов

Город Казань. Июля, 29 дня 1887 года»[1]

Как и следовало ожидать, ректор университета Н. А. Кремлев, прочтя фамилию абитуриента, спешно наложил резолюцию: «Отсрочить до получения характеристики». Высоко ценивший Володю Ульянова директор Симбирской гимназии Ф. М. Керенский вскоре прислал о нем отзыв, в котором говорилось: «Весьма талантливый, постоянно усердный и аккуратный Ульянов во всех классах был первым учеником и при окончании курса награжден золотой медалью, как самый достойнейший по успехам, развитию и поведению»[2]. С получением «добро-

[1] «Красное студенчество», 1929, № 1.
[2] «Молодая гвардия», 1924, № 1, стр. 89.

правного» отзыва администрация университета 13 августа зачислила Ленина в число студентов. 19 августа он записал свое имя, отчество, фамилию и домашний адрес в алфавитной книге студентов Казанского университета. Кроме Ульянова, в университет были приняты пять других симбиряков.

В. УЛЬЯНОВ — АКТИВНЫЙ УЧАСТНИК СТУДЕНЧЕСКИХ ВЫСТУПЛЕНИЙ

Сразу же по получении студенческого билета («входной билет № 193»),— это было 2 сентября,— Владимир Ульянов, как и все вновь принятые, подписал своего рода «торжественное обещание» не вступать ни в какие «крамольные» союзы и ничем, кроме «чистой науки», не интересоваться. На типографском бланке «обязательства» в местах многоточий рукой Владимира Ильича написано: «...2 сентября», «...юридического», «...1-го семестра», «...Владимир Ильич Ульянов».

Подписанное «обязательство» Владимир Ильич, как и многие другие студенты, и не думал выполнять: он действовал в данном случае в духе решения, вынесенного депутатским собранием казанских землячеств, которое гласило: «подписку можно давать, но не исполнять»[1].

О том, что землячества (особенно Симбирское), несмотря на угрозу об исключении из университета, продолжали функционировать и что можно ожидать «волнения», знали, оказывается, и попечитель П. Масленников, и жандармское управление. Доказательства тому — донесение, посланное попечителем за два дня до студенческой

[1] Цит. по кн. *А. Иванского,* «Молодой Ленин», М., 1964, стр. 344.

сходки министру просвещения, а также «политический обзор» за 1887 г., составленный для Петербурга начальником Казанского губернского жандармского управления полковником Гангардтом.

В «Обзоре», в частности, сказано: «...Относительно настроения умов и направления местной учащейся молодежи высших учебных заведений гор. Казани, минувший (1887 г.— *И. С.*) год ознаменовался неблагоприятными проявлениями в среде студентов ...значительное число которых, несмотря на категорическое воспрещение со стороны учебного начальства, не вышло из состава так называемых студенческих землячеств, главный контингент которых, как и прежде, составляли студенты Казанского университета, причем землячества, организованные под видом доставления взаимопомощи нуждающимся товарищам, в действительности обратились в тесно связанные между собой тайные кружки, поставившие себе задачу... достижение прямо революционных целей...»[1]. Оказывается, признается автор «Обзора», именно землячества «в полной мере» содействовали подготовке почвы для «студенческих беспорядков», происшедших 4 декабря.

Вскоре после поступления в университет Ульянову удается наладить контакт с некоторыми «недозволенными» сообществами. Разузнав, чем они занимаются, он входит в одно из них, а именно — в Симбирско-Самарское землячество. Затем, осенью 1887 г., он становится членом одного из тайных студенческих кружков, руководимого Л. Богоразом. В нем, по свидетельству бывшего студента Казанского ветеринарного института А. Скворцова, читались произведения русских революционных демократов

[1] Цит. по статье *М. Корбута.* «Казанское революционное подполье» конца 88-х годов и Ленин»—«Каторга и ссылка» 1931 г., № 8 — 9, стр. 7 — 8.

и некоторые работы К. Маркса и Ф. Энгельса[1]. Как стало известно позднее, именно члены этого кружка возглавили события, прогремевшие 4 декабря 1887 г.

Стоя наголову выше своих товарищей, Владимир Ульянов особенно отчетливо понимал необходимость распространения в массах знаний, полученных в кружке. С этой целью он по поручению кружка и по собственной инициативе начинает бывать у рабочих. Соблюдая конспирацию, все чаще посещает рабочие общежития мыловаренного завода братьев Крестовниковых и табачной фабрики Алафузова. По этой причине, со слов студента Португалова[2], Владимир Ульянов вынужден был пропустить ряд лекций. Например, в ноябре 1887 г. он присутствовал на учебных занятиях всего лишь 8 раз[3].

Но он неохотно посещал лекции и потому, что в них слишком много было софистики и еще больше ненужной схоластики, делавшей преподавание скучным, оторванным от жизни и практики.

Характерно, что не всякие прогулы влекли за собой неприятности. Они были почти неизбежны, если пропуски приходились на дни, когда читалось богословие. Но поскольку, как уже отмечалось, существовала система свободного посещения, каждый студент мог заблаговременно уведомить администрацию о дисциплинах, по которым он желает посещать лекции. Так, из рапорта, поданного Ульяновым 6 октября на имя инспектора, видно, что в первом полугодии он решил прослушать лекции профессора Н. П. Загоскина (история русского права и энциклопедия права) и профессора Г. Ф. Дормидонтова (история

[1] «Исторический журнал», 1940 г.. № 4—5, стр. 30.
[2] ЦГАЛИ, ф. 417, оп. 1, д. 75, л. д. 81.
[3] *Г. Хаит*. Из жизни семьи Ульяновых в Казани и Самаре. «Новый мир», 1957 г., № 4, стр. 146.

римского права). Автор рапорта сообщал также, что он намерен брать и уроки английского языка, которые вел С. П. Орлов (брат народоволки М. Четверговой)[1]. Что касается остальных предметов, предусмотренных учебным планом первого курса, то в целях экономии средств, Владимир Ильич решил, по-видимому, изучить их самостоятельно. Надо при этом иметь в виду материальные затруднения, которые начала испытывать его семья в связи со смертью отца — Ильи Николаевича.

На занятия по названным дисциплинам Владимир Ульянов ходил аккуратно, особенно на лекции профессора Загоскина, служившего украшением Университета. Собираясь к нему на лекцию, он обычно не без иронии говорил своим однокурсникам, что идет слушать историю о русском бесправии. Его интересовало также римское право, которое в шутку называл не иначе, как «римско-уголовно-гражданской канителью».

И по сей день в Казанском университете существует 7-я аудитория, где слушал лекции своих любимых профессоров 17-летний Владимир Ульянов. У входа в аудиторию — мраморная доска, на которой на русском и татарском языках высечено: «Здесь учился Владимир Ильич Ленин в 1887 году».

В общем-то, как отмечали университетские власти, храм науки В. Ульянов посещал «неисправно». Он, оказывается, счел даже не нужным присутствовать на торжественном вечере 5 ноября, посвященном ознаменованию подписания императором в 1804 году Устава Казанского университета и 82-й годовщине со дня основания этого университета. Как свидетельствует П. Шестаков, предшественник Масленникова, этот вечер «блистал

[1] См. *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 1, стр. 647.

отсутствием студентов»[1], что было, конечно, вызовом начальству, показателем студенческих настроений.

Зато Ульянов не пропускал случая, чтобы в часы малоинтересовавших его занятий побывать у рабочих или на очередном собрании землячества.

Владимир Ильич поражал сокурсников своей активностью, умением везде поспевать. Его знали как неутомимого члена Симбирского землячества. Однако очень немногим была известна его причастность к нелегальным революционным кружкам.

В период, предшествовавший студенческим волнениям в Москве, Казани и других университетских городах, прокатилась волна обысков и арестов среди молодежи. За поведением студентов усилился негласный полицейский надзор. Разумеется, эти меры не могли не ускорить процесс накаливания обстановки и в высших учебных заведениях Казани. Настроения казанской студенческой молодежи пугали царских опричников. Они знали, что студенты лишь ждут повода к организованному выступлению, к забастовке. И такой повод вскоре нашелся.

В начале декабря в Казань пришло очередное письмо о репрессиях против московских студентов — участников «волнений» 22—28 ноября. Известие о расправе над студентами-москвичами кровно оскорбило их казанских коллег. Их негодованию не было границ. Между тем несправедливость нового устава чувствовалась с каждым днем все сильнее. Что же делать?

Для обсуждения этого вопроса актив землячеств города решил провести своего рода оперативное совещание. Такое совещание с соблюдением требований конспирации состоялось 1 декабря. В нем, наряду с другими представителями землячеств университета и ветеринарного ин-

[1] Цит. по кн. *А. Иванского,* «Молодой Ленин», стр. 352.

ститута, участвовал и депутат от Симбирского землячества В. Ульянов. На этом совещании были определены цели, время и место сходки, утверждены тексты петиции и листовки (воззвания)[1].

Размноженная в большом количестве экземпляров, листовка пошла по рукам студентов. Она послужила своего рода набатом, собравшим в полдень 4 декабря в университете большую толпу возбужденной молодежи.

«Товарищи! Тяжким бременем лег новый университетский устав,— так начиналась листовка.— Вас, питомцев дорогой «almamater», вас, представителей молодой интеллигентной мысли, он отдал во власть шпионствующей инспекции..., он ограничил доступ в университеты сыновьям бедных отцов, увеличив взнос за право слушания лекций...»

Листовка заканчивалась не менее волнующими строками, обращенными к студентам: «Неужели мы не встанем на защиту попранных прав наших университетов, неужели мы не выразим нашего протеста перед разыгравшейся во всю ширь реакцией? Мы верим в казанское студенчество, и мы зовем его на открытый протест в стенах университета».

Такой протест и выразили 4 декабря студенты двух вузов Казани — университета и ветеринарного института. Это был протест, эхо которого докатилось до других городов страны. Оно было услышано и в Петербурге.

Вскоре после начала сходки в переполненный до отказа актовый зал пришел ненавидимый студентами инспектор Потапов. Сначала, ссылаясь на закон и порядок, он призывал собравшихся успокоиться и разойтись. А затем

[1] Полный текст листовки казанских студентов и петиции, поданной ректору 4 декабря, приведен в журнале «Красный архив», т. I (62), 1934 г., стр. 58—60.

стал угрожать, и тогда на него посыпались удары. Некоторые за это потом серьезно поплатились. Так, например, однокурсник Ульянова, студент-юрист Константин Алексеев, за «оскорбление действием господина инспектора» (т. е. Потапова) был отдан в дисциплинарный батальон сроком на 3 года. Сообщение об этом, в назидание другим, появилось в № 319 «Волжского вестника» за 1887 год.

Несколько иначе рисуются обстоятельства «оскорбления действием» Потапова в донесении начальника Казанского губернского жандармского управления в департамент полиции. Инцидент между инспектором и студентами, утверждается в донесении, произошел, будто-бы не в актовом зале, а в канцелярии, куда проникла группа агрессивно настроенной молодежи. После того, как «без всякого повода» первокурсник Алексеев, «сын оберофицера», ударил Потапова, «кто-то» из толпы пытался бросить в него стул...[1]

Пришлось вмешаться ректору Кремлеву. Как только он явился, ему тотчас же вручили петицию, в которой объяснялись причины недовольства и основные требования студентов. Одна из этих причин — попытка обратить внимание «сонного косного общества» на дикие, поистине аракчеевские нравы, царящие в университетах, на казарменный Университетский устав и т. д.

«Собрало нас сюда,— говорилось в петиции,— не что иное, как сознание невозможности всех условий, в которые поставлена русская жизнь вообще и студенческая, в частности...». Далее авторы петиции формулируют 10 смелых требований, которые адресовались не только адми-

[1] Этим «кто-то» был студент О. В. Португалов — сын административно ссыльного врача, видного общественного деятеля Поволжья. По словам Португалова, в спину убегающего инспектора запустил кожаную подушку от кресла другой студент—Тургеневский-Захаров (ЦГАЛИ, ф. 417, оп. I, д. 75, л. д. 81—82).

нистрации университета, но и правительству. Среди них требование: об издании для всех университетов страны единого устава, не похожего на ныне действующий, устранении контроля администрации над частной жизнью студентов; предоставлении студентам права сходок, а также создании гласного студенческого суда, решения которого обязательны и для профессорской коллегии; предоставлении студентам права распределять стипендии и пособия; уничтожении всякого рода препятствий, затрудняющих доступ в учебные заведения; восстановлении студентов, ранее уволенных за участие в «беспорядках» и другие[1].

Таким образом, требования студентов об отмене или изменении устава 1884 года и предоставлении им демократических прав носили по существу политический характер.

После оглашения петиции начались импровизированные речи. Говорили громко, взволнованно, искренне. Некоторое представление о них можно составить на основании дошедших до нас воспоминаний свидетелей и участников сходки[2], а также по содержанию листовки, которую бросали в толпу увозимые в ссылку «бунтовщики». Судя по листовке, подобранной в те дни казанскими жандармами, ораторы на сходке возмущались многим, и в частности тем, что их грубо обманули. Поступая в университет, они верили, что найдут в нем знания, опираясь на которые можно будет войти в жизнь «борцами за

[1] См. Архивные документы к биографии В. И. Ленина. «Красный архив». 1934 г., т. I (62), стр. 60.

[2] По словам очевидца, В. Ульянов в своей пламенной речи обрушился на самодержавие, угнетающее народ, на несправедливость царского суда, призывал участников сходки протестовать против установленного в университете режима. (Архив Казанского дома-музея В. И. Ленина. Воспоминания Н. Алексеева).

счастье и благо нашей измученной родины!» Вместо таких знаний им предложили официальную и «чистую» науку, сковали цепями казарменного устава. Тогда их «молодая кровь, их молодые сердца» заставили искать выход. Дорога к нему — сходки, подобные этой...

Долго увещевал участников сходки «достопочтенный» ректор. Однако его апелляции к совести собравшихся, к «законности», его убедительные просьбы «опомниться» и разойтись по домам большого успеха не имели. Не изменил, в сущности, положения и приход в актовый зал некоторых профессоров, также пытавшихся воздействовать на студентов. Совсем иначе приняли участники митинга появление в зале и короткое выступление своего любимца, профессора чистой математики В. В. Преображенского. Его слова о том, что в знак солидарности со студентами он уходит из университета были встречены громом аплодисментов. Разделяя образ действий Преображенского, многие студенты (около 100 человек), в том числе и В. Ульянов, тотчас же вынули из карманов свои входные билеты и стали их демонстративно бросать, кто на стол, кто на кафедру, за которой все еще стоял побледневший ректор.

Участники сходки разошлись лишь после того, как Кремлев заверил всех, что ни один из них не будет задержан при выходе.

В архивах Казанского университета обнаружено заявление Владимира Ильича на имя ректора об отчислении его из числа студентов. Датировано оно 5 декабря 1887 года. Это обстоятельство дает основание предполагать, что заявление написано, возможно, даже утром на следующий после сходки день под влиянием известий о мерах расправы над участниками волнений.

«Не признавая возможным продолжать мое образование в Университете при настоящих условиях университет-

ской жизни,— говорится в прошении,— имею честь покорнейше просить Ваше Превосходительство сделать надлежащее распоряжение об изъятии меня из числа студентов Императорского Казанского Университета.

Студент 1-го семестра юридического факультета Владимир Ульянов.

Казань. 5 декабря 1887 года»[1].

Сам факт подачи рапорта об уходе из университета, а равно и содержание этого документа указывают на уровень политического развития и высокую принципиальность его автора.

Трудно переоценить историческое значение сходки «взбунтовавшихся студентов» Казанского университета 4 декабря. Она, как и волна студенческих беспорядков, прокатившаяся осенью 1887 года по всей России, свидетельствовала о том, что и Казанский университет тех лет представлял собой не только храм науки, но и поле битвы сил прогресса и реакции.

Декабрьская сходка прославила казанское студенчество, обогатила историю высших школ тогдашней России новой прекрасной страницей.

Участие Ленина в сходке, с которой обычно связывают его революционное крещение, не было случайностью. Оно — результат и проявление ранее возникшего в нем революционного настроения. Последнее в свою очередь складывалось под влиянием обстоятельств, на которые остро реагировала впечатлительная натура Володи Ульянова. Среди них: живые рассказы отца о горемычной жизни симбирских крестьян и их детей; сообщения об аресте и казни брата и его единомышленников — «первомартовцев»; факты несправедливого исключения из гим-

[1] Архивные документы к биографии В. И. Ленина. «Красный архив», 1934 г., т. I (62), стр. 63—64.

назии и университета; встречи с рабочими казанских предприятий.

Следует поэтому согласиться с М. Шагинян в том, что «...не с казанской истории (т. е. студенческой сходки 4 декабря — *И. С.*) Владимир Ильич стал революционером, а казанская история только дала исход накопившемуся в нем душевному протесту»[1].

Как видно из приводимых ниже документов, полицейско-жандармские власти считали Ленина одним из главных виновников событий, потрясших Казань (и не только Казань) в начале декабря 1887 г. Угадав в нем будущего профессионального революционера, они установили за ним слежку, которая длилась почти 30 лет. Такие выводы они сделали, располагая следующими данными.

Перед нами два документа, датированные 16 января и 3 апреля 1888 г. В обоих директор департамента полиции констатирует принадлежность В. Ульянова к кружку «крайне вредного направления». Особую опасность казанского кружка автор писем усматривал в том, что он поддерживал отношения с петербургскими кружками противоправительственного характера[2].

25 января 1888 г. начальник Казанского губернского жандармского управления информировал местного губернатора о том, что В. Ульянов, будучи студентом, принимал «деятельное участие в организации революционных кружков среди казанской учащейся молодежи[3].

В тот же самый день (16 января), когда Министер-

[1] *М. Шагинян.* Очерки, наброски, статьи. Изд. ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия», М., 1963, стр. 153.

[2] Архивные документы к биографии В. И. Ленина. «Красный архив», 1934 г., т. I (62), стр. 65.

[3] Цит. по книге «Жизнь замечательных людей в Казани», 1941, кн. I, стр. 23.

ство внутренних дел отослало первый из упомянутых выше документов Казанскому губернскому жандармскому управлению, директор департамента полиции ставил в известность столичного градоначальника о том, что одним из «главных руководителей беспорядков в Казанском университете был Владимир Ульянов, родной брат казненного недавно Александра Ульянова[1].

Такого же мнения о роли Владимира Ильича придерживался и попечитель Казанского учебного округа. 30 апреля 1888 г. он доносил Делянову, что им дано распоряжение об исключении из университета группы студентов, в т. ч. В. И. Ульянова, как «наиболее виновных» в организации сходки.

А еще через полтора месяца (14 июня) в ответ на запрос Петербурга, он, исходя из поведения Ульянова до, в момент и после сходки, а также из «исключительных обстоятельств», в которых находится его семья, резюмировал, что В. И. Ульянова следует считать «вполне способным к различного рода противозаконным и преступным демонстрациям»[2].

Как только закончилась сходка, началась расправа над ее участниками. Уже в ночь на 5 декабря были произведены аресты «главарей» и активных участников сходки. Под стражей оказалось более 100 человек. Арестовали и В. Ульянова. Это был первый в его жизни арест, связанный, как он сам потом писал, с участием «в студенческих волнениях»[3].

По дороге в пересыльную тюрьму-крепость пристав, обращаясь к Ульянову, сказал: «Ну что Вы бунтуете, молодой человек,— ведь стена!» (под «стеной» он имел,

[1] «Каторга и ссылка». 1931 г., № 8—9, стр. 18.
[2] «Красная летопись», 1924, № 1, стр. 55.
[3] Ленинский сборник XXI, стр. 57.

конечно, в виду существующий режим, самодержавие — *И. С.*). «Стена, да *гнилая* — ткни, и развалится!» — ответил Владимир Ильич. Об этом диалоге В. И. Ленин рассказывал впоследствии В. В. Адоратскому[1].

Среди 39 арестованных за участие «в противозаконной сходке» было всего четыре первокурсника и в их числе Владимир Ульянов — единственный из симбирянков. Фамилии остальных пяти юношей, окончивших Симбирскую гимназию и поступивших вместе с ним в Казанский университет, в списке арестованных не значились...

Инспектор студентов Потапов взял на себя учет лиц, участвовавших в противозаконных «беспорядках» 4 декабря. С помощью своих помощников и шпионов он составил список на 153 человека. Фамилии Владимира Ильича (очередной № 139) и еще несколько «наиболее вредных» студентов отмечены в нем тремя крестиками. Против других фамилий стояло по одному или по два таких же знака, что указывало на степень их вины и опасности.

Инспектор отметил также красным карандашом фамилии студентов, подлежащих исключению без права поступления в Казанский университет, среди них значился и В. Ульянов. Фамилии участников «беспорядков» коих допустимо, с его точки зрения, восстановить, но не ранее, чем через год, он отметил синим карандашом.

Всех их инспектор презрительно назвал «декабристами 1887 года». Эти слова написаны его рукой на шмуцтитуле книги «Списки студентов...»[2].

[1] *В. В. Адоратский*. За восемнадцать лет. Избранные произведения. М., 1961, стр. 585.

[2] «В. И. Ленин и Татария». Татарское книжное издательство, Казань, 1964, стр. 8.

Попечитель учебного округа Масленников торопил Совет университета с принятием суровых мер по отношению к организаторам и активистам сходки. Об этом свидетельствует написанное им в день сходки предложение правлению университета «об изъятии» из руководимого им заведения «бунтарей», в том числе В. И. Ульянова. Осуществление этой меры он мотивировал необходимостью «поддержания между студентами уважения к законности...»

Повинуясь воле Масленникова, правление университета на своем заседании от 5 декабря исключило Ульянова из числа студентов, сославшись при этом на предписание университетского шефа за № 5564. Свидетельство об исключении за № 1640 датировано 7 декабря 1887 г.[1]

Интересно отметить, что большинство исключенных (24 из 39) являлись студентами медицинского факультета, четвертую часть составляли воспитанники физико-математического факультета. Остальные были юристы. В. Ульянов значился в списке тридцать шестым. Первые 12 в списке исключенных были признаны «наиболее виновными в произведенных беспорядках и наиболее опасными по своему дурному влиянию на остальных студентов»...

Оставлять «бунтовщиков» в Казани власти считали делом опасным. Был сделан поэтому срочный запрос в Петербург. Вскоре помощник министра внутренних дел Шебеко телеграфировал казанскому губернатору: «Благоволите исключенных студентов немедленно выслать из города!»

Высылали, как правило, подальше от Казани — в глушь. В. И. Ульянова, проучившегося в университете

[1] «Красная летопись», 1924 г., № 2, стр. 37—38.

менее полугода, отправили с «волчьим билетом» под негласный надзор полиции в деревню Кокушкино Лаишевского уезда Казанской губернии.

Но, сослав его в глухую деревню, власти не успокоились. Они и теперь боялись Ульянова и, на всякий случай, установили за ним слежку. Как явствует из цитируемого ниже документа, жандармы мучились подозрением, что Ульянов и в Кокушкино не откажется от революционной деятельности.

Делясь своими сомнениями, начальник Казанского жандармского управления, полковник Гангардт, 25 января 1888 г. писал местному губернатору о том, что Ульянов, живя в деревне, «...может быть, продолжает принимать деятельное участие в организации революционных кружков среди казанской учащейся молодежи». Поэтому во исполнение указания департамента полиции, он просил губернатора немедленно учредить «за вышеупомянутым Владимиром Ульяновым» строжайшее секретное наблюдение[1].

В. УЛЬЯНОВ ЗАВЕРШАЕТ ВЫСШЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ

Во время почти годичного пребывания в Кокушкино Владимир Ильич усиленно занимался самообразованием — общим и специальным. Ему удалось здесь изучить множество книг, преимущественно по политэкономии, истории и юриспруденции. Родственников и знакомых поражали его исключительная работоспособность и усидчивость.

[1] Цит. по кн. «Жизнь замечательных людей в Казани», кн. I, Казань, 1964, стр. 23—24.

Вот что рассказывал о своей жизни в Кокушкино сам Владимир Ильич много лет спустя:

«Кажется, никогда потом в моей жизни, даже в тюрьме в Петербурге и в Сибири, я не читал столько, как в год после моей высылки в деревню из Казани. Это было чтение запоем с раннего утра до позднего часа. Я читал университетские курсы[1], предполагая, что мне скоро разрешат вернуться в университет. Читал разную беллетристику, очень увлекался Некрасовым... Моим любимым автором был Чернышевский»[2].

...Результатом такой напряженной работы над книгами были его многочисленные конспекты, выписки, а также краткие записи на полях, отражавшие размышления «по горячим следам» над прочитанным.

Особенно Владимир Ильич зачитывался книгами Н. Г. Чернышевского, перед авторитетом которого глубоко преклонялся. «Властитель дум» революционно настроенной молодежи второй половины XIX века, Чернышевский сумел вдохновить ее на борьбу с самодержавием, с необыкновенной ясностью и убедительностью указал пути и методы участия в этой борьбе, разъяснил, каким должен быть настоящий революционер. Владимир Ильич впоследствии не раз выражал горячую признательность автору романа «Что делать?» за помощь в усвоении диалектики Маркса, за то, что он его (Ленина) «всего перепахал»[3].

[1] В Кокушкино и Казани после ссылки Владимир Ильич проштудировал, в частности, «Лекции по общей истории права» И. Коркунова, «Обзор истории русского права» М. Ф. Владимирского-Буданова, «Курс статистики для университетского чтения» А. И. Чупрова и др. Все эти книги прислали ему из Казани родные.

[2] «Вопросы литературы», 1957 г., № 8, стр. 132 — 134.

[3] Там же.

Благодаря Марксу и Чернышевскому В. И. Ленину удалось преодолеть схоластические путы официальной профессорской юриспруденции, увидеть под покровом мудреных законов и «хитросплетенных учений», изучавшихся в университете, правду жизни, полное бесправие народа и дикий произвол башибузуков-чиновников.

Осенью 1888 г. Ульянову разрешили вернуться в Казань, где жила его мать. Не теряя времени, он с присущей ему энергией и осторожностью восстанавливает старые связи с близкими по духу кружковцами. Зимой того же года он вступает в один из федосеевских марксистского направления кружков, в котором изучались «Капитал» Маркса, «Происхождение семьи, частной собственности и государства» Энгельса и другие работы основоположников марксизма. Изучались также работы Г. Плеханова, в частности, «Наши разногласия».

Будучи противником созерцательного отношения к учению Маркса, молодой Ленин стремится сделать это учение достоянием других участников подпольных кружков, мечтает превратить его в инструмент революционного преобразования России. Но чтобы вооружить массы идеями марксизма, нужны кадры пропагандистов и агитаторов. С этой целью Владимир Ильич принимает деятельное участие в создании революционных кружков. Он изучает опыт работы революционных народников в массах и передает его товарищам. Вместе с другими федосеевцами продолжает бывать у рабочих Алафузовки и заводов Крестовниковых, соблюдая большую предосторожность.

Казанский период в жизни Владимира Ильича — период глубокого овладения им марксистской теорией и практикой революционной борьбы.

В мае 1889 г. семья Ульяновых переехала на хутор близ деревни Алакаевки (Самарская губерния). И это,

пожалуй, спасло Владимира Ильича от ареста. В конце лета того же года полиция, нащупав дорогу к федосеевским кружкам, разгромила их, а большинство их членов репрессировала.

В Алакаевке, как и ранее в Кокушкино, Владимир Ильич по-прежнему большую часть дня проводит за книгами. О характере последних не трудно догадаться, если иметь в виду мечту юноши продолжить образование по избранной специальности юриста. Власти, однако, и здесь не оставили его в покое. Уже в конце первой недели пребывания Владимира Ильича на хуторе за ним вновь был учрежден негласный надзор. Есть основания утверждать, что «поднадзорный» знал и во всяком случае догадывался об интересе, который будут к нему проявлять власти. Поэтому он и вел себя достаточно осмотрительно.

Вот почему в алакаевский период жизни Владимир Ульянов почти ни с кем, кроме местных крестьян, не встречался. Да и с крестьянами беседовал лишь под предлогом желания узнать своих соседей... Между тем в разговорах с ними ему удавалось выяснять интересовавшие его вопросы. Сведения, которые он получал (отсутствие во многих дворах лошадей, скота, большая задолженность местных крестьян помещику, сплошная неграмотность жителей, эксплуатация батраков в зажиточных хозяйствах и т. п.), наводили Владимира Ильича на грустные размышления. Полученные им таким образом сведения пригодились ему для критики народников, не замечавших процесса расслоения русской деревни.

На зиму Ульяновы перебрались в Самару — город резких социальных контрастов. В нем верховодили купцы, судовладельцы да трактирщики. Они-то в основном и определяли тон общественной и хозяйственной жизни города. Даже такие органы, как «полиция, суд и другие

административные учреждения находились под их контролем»[1].

Особенностью Самары тех лет было то, что, как и некоторые другие приволжские города, она являлась местом поселения политических и поднадзорных. Здесь насчитывалось их до 40 человек. Благодаря их общению с учащейся молодежью в Самаре стали возникать новые подпольные кружки. Большинство их имело умеренно-либеральное, чисто народническое направление.

Немного обжившись в новом городе, Владимир Ильич постепенно, соблюдая осторожность (к этому времени действовал новый приказ шефа Самарской жандармерии « о самом строгом надзоре» за В. Ульяновым), включается в революционную работу. В этом ему способствует один из видных руководителей самарских подпольных кружков — народник А. П. Скляренко. Кружок Скляренко не имел определенной программы. Владимир Ильич, войдя в кружок, пытается, и довольно успешно, перевести его на марксистские рельсы. С этой целью он знакомит кружковцев с основами учения Маркса, прививает им интерес к произведениям основоположников марксизма, доказывает несостоятельность народнических теорий. Владимир Ильич,— вспоминает об этом периоде друг Скляренко, М. И. Семенов (М. Блан),— «принес нам новое откровение — марксистское истолкование вопросов экономики, истории и политики»[2].

В Самаре В. Ульянову удалось прочесть ряд сочинений Маркса и Энгельса. Некоторые из них, например, «Коммунистический манифест», он перевел на русский

[1] *В. Чуев. В. И.* Ленин в Самаре (1889 — 1893). Документально-исторический очерк. М., Госполитиздат, 1960, стр. 15.

[2] *М. И. Семенов (М. Блан),* Революционная Самара 80—90-х годов. Воспоминания. Куйбышев. 1940, стр. 57.

язык, а «Нищету философии» подготовил для разъяснения в кружке молодежи, сгруппировавшейся вокруг него. Критически проштудировал он немало народнической литературы. Подсчитано, что одно перечисление названий работ, прочитанных молодым Лениным только за один год (весна 1890 — весна 1891), составило бы многие страницы.

Комната его напоминала собой небольшой читальный зал. Рабочий стол был завален литературой, преимущественно юридической. «Главная масса книг с правой стороны,— вспоминает А. Беляков, товарищ В. Ульянова по марксистскому кружку в Самаре,— состояла из учебников, пособий, лекций, которые Владимир Ильич «прошибал»..., готовясь к экзамену за юридический факультет». Но наряду с большим количеством юридических книг в комнате, где занимался Ленин, можно было видеть «новинки», чудом попавшие в Самару труды классиков марксизма на немецком языке»[1].

Из книг, по которым Владимир Ильич готовился к весенней экзаменационной сессии в Петербургском университете, назовем, в частности, трехтомную монографию профессора А. Д. Градовского[2] «Начала русского государственного права» (СПБ, 1875 г.), труд Ю. Янсова «Теория статистики», курс лекций профессора Н. Загоскина

[1] «Воспоминания современников В. И. Ленина», М., 1958, стр. 62 — 63.

[2] А. Д. Градовский — либеральный профессор Петербургского университета. В том, что его труды привлекли внимание В. И. Ленина, не последнюю роль сыграли, кроме их бесспорных научных достоинств, и личные качества автора. Можно предположить, что в семью Ульяновых проникли слухи о благородном намерении старого профессора взять на поруки «первомартовца» А. И. Ульянова.

(В. А. Поссе, Пережитое и продуманное. т. I, 1933, стр. 104).

по истории русского права и другие. Над книгами первых двух авторов Ленин трудился летом 1890 и весной 1891 г.

О том, с какой тщательностью В. И. Ленин прорабатывал литературу (в данном случае, учебную), свидетельствуют оставленные им следы на полях и в тексте монографии профессора А. Градовского. Свое отношение к сентенциям этого маститого представителя буржуазной правовой науки Владимир Ильич выявил в многочисленных надписях, пометках и подчеркиваниях. Они сохранились на 252 страницах первого тома («О государственном устройстве») и 387 страницах второго тома («Органы управления») и 201 странице третьего тома названной монографии[1].

Однако большая часть его сил и времени уходила на занятия в кружках. Работа в кружках, изучение и распространение марксизма среди самарской молодежи, подготовка к той деятельности, которая развернулась в период организации и работы «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», составляют важный этап в жизни и деятельности В. И. Ленина в Поволжье.

С учетом этой деятельности и недавнего прошлого В. Ульянова власти расставили на его пути к продолжению образования в университете всевозможные барьеры: категорическое возражение против восстановления В. Ульянова в Казанский университет или зачисления его в любое другое высшее учебное заведение с юридическим факультетом; нежелание выпустить Ульянова за границу на учебу или даже на лечение; беспримерная волокита при рассмотрении просьб о допущении В. Ульянова держать экзамены экстерном. Отказ следовал за

[1] Библиотека В. И. Ленина в Кремле. Каталог. М., Издат. Всесоюзной книжной палаты, 1961, №№ 4067 — 4069.

отказом. Но мотивы отклонения законных просьб «бывшего студента» Казанского университета в большинстве случаев не приводились, хотя они вполне определенно называются в секретных документах, которыми обменивались правительственные чиновники по «делу о поднадзорном Ульянове». Оказывается, все дело в биографии просителя, в его «дерзких» мыслях и поступках, которые достаточно опасны.

Предвидя неудачи, Владимир Ильич, тем не менее, начинает открытую борьбу за получение высшего образования. Он и его мать, Мария Александровна, делают, можно сказать, героические усилия, чтобы добиться положительного разрешения вопроса. Они пишут одно за другим девять мотивированных прошений[1], посылают их соответствующим должностным лицам и учреждениям. Но дело двигалось плохо. Волокита тянулась почти два долгих года. Не исключено, что чиновники-бюрократы из ведомства полиции и просвещения надеялись взять просителя, что называется, измором, отбить у него охоту продолжать борьбу. Но они глубоко ошиблись. Начав борьбу, Владимир Ильич считал своим долгом довести ее до победного конца. И, как известно, ему это, в конечном счете, удалось.

9 мая 1888 г. В. И. Ульянов подал министру народного просвещения прошение о возвращении в Казанский университет. По указанию вице-директора департамента высших учебных заведений Эзова прошение было направлено на заключение уже известному нам реакционеру Масленникову. Как и следовало предполагать, Масленников отнесся к просьбе Ульянова резко отрицательно.

[1] Эти прошения были написаны 9 мая, 15 июля, 31 августа, 6 сентября 1888 г.; 28 октября 1889 г.; 12 и 17 мая, 12 июня 1890 г.; 26 марта 1891г.

Зная Ульянова по декабрьским событиям в университете, он составил просимую Петербургом, характеристику и 14 июня с грифом «конфиденциально» отправил ее по назначению. Внимание начальства Масленников фиксировал на образе действий Ульянова, связанных со студенческой сходкой: Ульянов еще накануне «беспорядков» вызвал к себе подозрение, а 4 декабря бросился в актовый зал «в первой партии». Покидая сходку, Ульянов в числе первых отдал свой входной билет. Такое поведение бывшего студента, подчеркивал попечитель, дает основание считать его вполне способным на совершение более опасных для государства акций...

Не отрицая выдающихся способностей просителя, попечитель учебного округа в то же время категорически возражал против вторичного приема Ульянова в императорский университет. Ведь речь идет о человеке, разъяснял он, который «ни в нравственном, ни в политическом отношении лицом благонадежным признан пока быть не может».

Ознакомившись с характеристикой, директор департамента высших учебных заведений не без ехидства оставил на ней запись: «Уж этот не брат ли того Ульянова? Ведь тоже из Симбирской гимназии...». И, недолго думая, добавил: «Отнюдь не следует принимать». А справа от штампа его же рукой отмечено, что 22 июня министр «изволил приказать отклонить ходатайство просителя»[1].

Дважды — 9 мая и 15 июля того же года — с аналогичным заявлением на имя директора департамента полиции П. Дурново обращалась мать Владимира Ильича. Через месяц (12 августа) департамент послал ответ, но не автору заявления, а казанскому губернатору. Послед-

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. I, стр. 600.

нему поручалось объявить просительнице, что восстановление ее сына в университете «представляется преждевременным».

Весть из Петербурга огорчила Владимира Ульянова, но не сломила его воли к продолжению неравной борьбы с власть имущими противниками.

Не примирившись с отказом полиции, мать Владимира Ильича вновь стучится в министерство народного просвещения, надеясь на сочувствие. Ведь там знали и высоко ценили ее покойного мужа, отдавшего 30 лет своей жизни народному образованию. Неужели откажут? Расстроенная, она 31 августа пишет от своего имени новое прошение. Стараясь расчувствовать чиновников, она просит учесть, что Владимир — «единственная опора» ее старости и троих меньших детей, оставшихся сиротами после смерти их отца, просит позволить ее сыну поступить, если не в Казанский, то в любой другой российский университет. Заявление Марии Александровны заканчивалось волнующими словами: «Дайте сыну возможность кончить образование, сделаться полезным членом общества»[1].

Но, увы, и этот мотив, равно как и другие основания, приведенные в прошении, ничуть не тронули сердца министерских чиновников. Ходатайство М. А. Ульяновой было отклонено.

Что оставалось делать? Ничего другого, кроме как попытаться устроиться в один из заграничных университетов. С этой целью Владимир Ильич направляет прошение (оно датировано 6 сентября 1888 г.) лично министру внутренних дел. Он просит принять во внимание, что высшее образование ему необходимо по жизненно важным причинам: «для добывания средств к существованию»,

[1] «Москва», 1958 г., № 4, стр. 48.

во-первых, и «для поддержания своей семьи», во-вторых. Что касается мотива выезда в Европу, то им, сказано в прошении, является невозможность окончания университета в России.

Ответ снова был отрицательным. Отказу в просьбе «бывшего студента» предшествовала проверка того, состоит ли он еще под надзором полиции и каково его поведение. Вспомнив недавнее прошлое В. Ульянова, его близкое родство с одним из активных «первомартовцев», директор департамента полиции в шифровке № 2480 от 16 сентября 1888 г. приказал Казанскому губернатору объявить просителю, что выезд его за границу признан преждевременным.

Еще раз обращаться в министерство внутренних дел, в котором Ульянов аттестовывался «личностью вредного направления в политическом отношении»[1], было бесполезно.

Живя в Самаре, Владимир Ильич вновь пытается пробить брешь в бюрократической стене равнодушия. Ведь образование, конкретная специальность нужны были ему сейчас как никогда: на него, самого старшего из детей, ложится обязанность помогать семье. Но оказать эту помощь он был не в состоянии. Возможность поступления на государственную службу для него исключалась. Об этом позаботились высшие власти: они разослали почти во все учреждения империи предписания о включении в «Секретные книги» фамилии Владимира Ильича. В эти книги по распоряжению кабинета министров императорского двора от 19 августа 1888 года (№ 1363) вносились лица, официально признанные Петербургом явно «неблагонадежными» и потому не могущими состоять на госу-

[1] Архивные документы к биографии В. И. Ленина. «Красный архив», 1934, т. I (62), стр. 68—69.

дарственной службе и учиться в высших и средних учебных заведениях.

Уже в советское время такие книги (списки) были обнаружены в архивах бывшей конторы императорских театров, Павловского военного училища, Эриванской учительской семинарии, Архангельского торгового порта. В каждой из них значилась фамилия Владимира Ильича[1].

Желая хоть чем-нибудь облегчить положение семьи, Владимир Ильич решил давать частные уроки. В поисках учеников он обращался в «Самарскую газету». Пять раз во второй половине мая и столько же раз в первой декаде июня 1889 г. появлялись его объявления в этой газете. В них говорилось, что «бывший студент желает иметь урок. Согласен на отъезд». Объявление заканчивалось указанием адреса М. Т. Елизарова, мужа Анны Ильиничны. Аналогичного содержания объявления были помещены в той же газете 19—22, 26 и 28 сентября, 3, 5, 10, 12, 19 и 24 октября того же года и 19 января 1890 г.

Осенью 1889 г. В. Ульянов, считаясь с положением вещей, меняет решение о способе получения специального образования. А что, если попробовать окончить университет в порядке экстерната? Продумав свое намерение, «бывший студент Императорского Казанского университета» подает 28 октября очередное заявление Делянову. Указав на крайнюю нуждаемость и тяжелое материальное положение семьи, которую надо «поддерживать своим трудом», Владимир Ильич просит разрешить ему держать экзамен на кандидата юридических наук экстерном при каком-либо высшем учебном заведении.

[1] См. ст. *Г. Е. Хаит*. «Из жизни семьи Ульянова в Казани и Самаре», журн. «Новый мир», 1957 г., № 4, стр. 148. О том же см. «Известия», 1926 г., № 210.

Казалось бы, все ясно. Мотивы, изложенные в прошении, достаточно вески. Но не тут-то было. Министр просвещения и на этот раз не решается положительно разрешить непомерно затянувшийся вопрос. Ему, оказывается, надо еще раз выяснить, что теперь думают об Ульянове Масленников и полиция. Рукой министра на прошении сделано следующее распоряжение: «Спросить о нем попечителя и департамент полиции, он скверный человек...». Это было 11 ноября. А через две недели, 24 ноября, попечитель учебного округа, согласный с мнением Делянова, сообщал, что, по его мнению, просьба Ульянова не подлежит удовлетворению еще и потому, что у него нет требуемых законом 8 зачтенных полугодий...

В ответ на запрос Делянова шеф полиции 4 декабря 1889 г. сообщал, что во время жительства в Казани Ульянов замечался в сношениях с лицами, политически неблагонадежными.

Ясно, что мнение об Ульянове давно сложившееся в министерстве и подкрепленное свежей полицейской справкой, предопределило характер ответа просителю: и на сей раз (это было в середине декабря 1889 г.) он был для него неблагоприятным.

Примерно через полгода за дело опять взялась Мария Александровна. 12 мая 1890 г. она от своего имени возбудила перед департаментом полиции ходатайство, аналогичное приведенному выше. Не дождавшись результата, сама поехала в Петербург в надежде добиться приема у министра просвещения.

17 мая Мария Александровна составила подробное прошение, полное ярких и решительных выражений, в расчете на то, что на этот раз оно смягчит столичных вельмож. В прошении на имя министра просвещения ставился вопрос о даче разрешения ее сыну поступить в какой-либо русский университет или, в крайнем случае,

допустить к выпускным экзаменам по юридическому факультету.

Наконец-то, после двухлетней борьбы, хлопоты Ульяновых увенчались успехом. Об этом мать Владимира Ильича узнала летом 1890 г. в Самарском городском полицейском управлении, куда ее вызвали для вручения ответа из Петербурга. В письме Министерства просвещения от 19 мая за № 8076 сообщалось, что ее сыну позволено держать экзамен по предметам юридического факультета при одном из университетов.

Но при чтении письма выяснилось, что в нем конкретно не назван университет.

По этой причине Владимиру Ильичу пришлось 12 июня еще раз обратиться в то же Министерство с просьбой допустить его держать экзамены при Петербургском университете. И к его удивлению и радости это ходатайство было удовлетворено.

Таким образом, как мы видим, Владимир Ильич с достоинством и последовательностью использовал все доступные ему легальные возможности отстаивания своего права на получение высшего специального образования.

Характеризуя мытарства, которые перенес Ленин, прежде чем добиться разрешения экзаменоваться в Петербурге, М. Шагинян справедливо отмечает:

«Его упорные прошения и ответы на них, переписки министерства народного просвещения с учебным округом, учебного округа с ректором университета, последовательные попытки Ильича получить право на выезд за границу, на сдачу экзамена в одном, потом в другом университете... это одна из интереснейших страниц в биографии Ильича»[1].

[1] *М. Шагинян.* Семья Ульяновых, изд. ЦК ВЛКСМ «Молодая Гвардия». М., 1963, стр. 166.

Прошло немногим более полугода, и Владимир Ильич уже считал себя готовым встретиться со своими учеными экзаменаторами.

В. УЛЬЯНОВ СДАЕТ ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ЭКЗАМЕНЫ

26 марта 1891 г. В. Ульянов пишет и лично подает председателю Испытательной Юридической комиссии прошение о допущении его к сдаче курсовых и государственных экзаменов. Наряду с фотокарточкой и квитанцией о взносе 20 рублей в пользу комиссии, к прошению было приложено, как требовалось правилами, свидетельство, выданное 7 декабря 1887 г. Казанским Университетом, и сочинение, написанное на тему из уголовного права.

Председатель испытательной комиссии профессор В. И. Сергеевич, заручившись разрешением министра, удовлетворил просьбу Ульянова, включил его в список экстернов, подвергающихся испытаниям на кандидата юридических наук.

Экзаменационные сессии для экстернов, среди которых были и Владимир Ильич, состоялись в два тура: весной и осенью 1891 г. разновременно, в течение 20 дней, Владимир Ильич сдал один письменный и 13 устных экзаменов по 18 научным дисциплинам. В весеннюю сессию он экзаменовался по семи предметам, а в осеннюю — по одиннадцати.

В период с 4 по 24 апреля шли экзамены по следующим дисциплинам: истории римского права, истории русского права, государственному праву, политической экономии, статистике, энциклопедии права и истории философии права. В отдельные дни, например, 5 и 10 ап-

реля, Ульянов сдавал по два предмета[1]. Первым устным экзаменом, сданным им в эту сессию, был экзамен по истории русского права.

К осенней сессии, проходившей с 16 сентября по 9 ноября, Владимир Ильич готовился так же тщательно, как и к весенней. Прибыв в Петербург, он снова садился за книги, хотя главную подготовку провел еще раньше, в Самаре. Но среди книг, над которыми трудился Ленин, встречаются и такие, которые не имеют ничего общего с программой сессии. Это, например, произведения Энгельса, которые дал ему у себя дома профессор технологического института Л. Явейн.

Работая в библиотеке Академии наук, Владимир Ильич заказывает труды по политэкономии и статистике. Это видно из обнаруженного в 1962 г. «Альбома посторонних посетителей и читателей академической библиотеки»[2]. На листе 61 альбома в графе «предмет занятий» рукою Ленина записано: «Политическая экономия и статистика».

Может возникнуть вопрос, не описка ли здесь? Ведь по этим дисциплинам экзамены сданы еще в апреле? Но никакой ошибки здесь не было. Вывод: в дни осенней сессии Ленин продолжал исследование социально-экономических проблем, которые давно уже волновали его.

Из-за большого количества и сложности сдаваемых предметов сессия длилась более полутора месяца. Первым устным экзаменом был экзамен по уголовному праву и уголовному процессу. На проведение его отводилась неделя: с 16 сентября по 21 сентября. В последующие дни Владимир Ильич весьма успешно сдал догму римского

[1] Из письма Ольги Ильиничны к матери от 8 апреля 1891 г. См. «Вопросы истории КПСС», 1960 г., № 6, стр. 173.

[2] «Правда», 29 августа 1962 г.

права, гражданское право и гражданское судопроизводство; торговое право и судопроизводство, полицейское (административное) право, финансовое право, церковное право и международное право: всего за период осенней сессии — 8 экзаменов по 11 предметам.

Письменные экзамены проходили в зале совета университета по утрам; устные же — в соседнем доме, в малом конференц-зале Академии наук, в вечернее время.

Следует отметить, что экстернов экзаменовали намного строже, чем обычных студентов. Экзаменаторы относились к ним с явным предубеждением, их засыпали, порой каверзными вопросами и никаких скидок не делали. И это понятно: среди экстернов большей частью находились «бывшие студенты», т. е. в прошлом исключенные из университета по политическим мотивам.

Владимир Ильич не мог, конечно, ожидать к себе другого отношения. Он прекрасно понимал, что ему, родному брату «первомартовца», активному участнику сходки в Казани рассчитывать на скидку или просто на лойяльное отношение членов комиссии не приходилось. Напротив, можно было ожидать всяческих придирок и даже попыток «срезать» его на экзамене.

Вот почему к встрече с профессурой он готовился самым тщательным образом.

Вопросы в экзаменационных билетах охватывали довольно сложные проблемы или касались двух и более правовых институтов. Какие же вопросы достались Владимиру Ульянову?

По государственному праву его спрашивали о сословных учреждениях дореформенной России. О различных видах заработной платы рассказывал он на экзамене по политэкономии. Анализ сочинения Платона «Законы» экстерн Ульянов дал, экзаменуясь по энциклопедии права и истории философии права.

По международному праву в его билете стоял вопрос: «Право нейтралитета». А по римскому праву значились: «Дарение; недозволенное отсутствие; время». По догме римского права экзаменующийся был обязан обнаружить «усвоение общих юридических понятий на основании римского права» и отчетливое знание отдельных институтов вещного, обязательственного, семейного и наследственного права. По истории же римского права надо было рассказать о законах, издававшихся выборными властями в период Республики и Империи.

На экзамене по гражданскому праву и судопроизводству В. Ульянову предложили проанализировать такие институты, как «Купля-продажа», «Поставка» и «Исполнение судебных решений». От экстернов на государственных экзаменах требовались знание теории русского гражданского права и умение быстро находить нужную статью в гражданском кодексе, свободно ориентироваться в судоустройстве и порядке судопроизводства России. О бюджете спрашивали Владимира Ильича на экзамене по финансовому праву. Весьма обстоятельно и логично он отвечал на билет по уголовному праву и уголовному процессу: «Кража документов» и «Защита в уголовном процессе».

Готовясь к встрече с профессурой, экстерны должны были зубрить книги, нафаршированные, по выражению Д. И. Писарева, туманными «причитаниями о законности и вменяемости», настолько туманными, словно их авторы торжественно поклялись «никогда не отдавать отчета ни себе, ни другим в том, что такое законность и до каких пределов должна простираться вменяемость»[1].

Экстернов могли попросить охарактеризовать общие положения наук уголовного права и судопроизводства на

[1] *Д. И. Писарев.* Сочинения в 4-х томах. Статьи 1862—1864. М., Госиздат, 1955, стр. 133.

основании сравнительного изучения русского уголовного законодательства с действующим уголовным правом других государств. Наконец, они должны были уметь четко определять составы отдельных преступлений по русскому законодательству.

Отвечая на вопрос «Защита», экстерн должен был обнаружить знание не только процессуальных норм и сенатских разъяснений, касающихся защиты и защитников, но и знание крупных монографий, посвященных этому институту, например, нашумевшего в те годы труда проф. И. Я. Фойницкого «Защита в уголовном процессе как служение общественное».

Надо сказать, что экзамена по этим двум дисциплинам все очень боялись. Не только потому, что он был первым, но и вследствие того, что принимал его «гроза студентов», профессор-сенатор И. Фойницкий. Есть основания думать, что именно по этой причине из нескольких десятков экстернов, экзаменовавшихся в осеннюю сессию, только семь (в том числе и В. И. Ульянов) решились представить сочинения по уголовному праву[1].

Как мы уже отмечали, все экзамены, устные и письменные, Владимир Ильич сдал блестяще, хотя времени для подготовки у него было не так уж много (к тому же весенняя сессия совпала с тяжелой болезнью сестры Оли, находившейся тогда в Петербурге). Государственные экзамены держали 33 экстерна. Ульянов был единственным из восьми человек, удостоенных диплома с отличием, чьи знания абсолютно по всем предметам были оценены комиссией «весьма удовлетворительно»[2].

[1] Сочинение Владимира Ильича до сих пор не найдено. Неизвестной остается и тема этого сочинения.

[2] «Весьма удовлетворительно» соответствует высшей оценке знаний студента в советских вузах, то есть оценке «отлично».

Совершенно очевидно, что оценки, полученные Владимиром Ильичем на выпускных университетских экзаменах, не случайны. Они — естественный итог поразительных способностей и необыкновенного трудолюбия, которые были ему присущи. Разъясняя «секрет» столь успешной сдачи экзаменов, А. И. Ульянова-Елизарова пишет: «Тогда многие удивлялись, что, будучи исключенным из университета, он в какой-нибудь год, без всякой посторонней помощи, не сдавая никаких курсовых и полукурсовых испытаний, приготовился так хорошо, что сдал вместе со своим курсом. Кроме прекрасных способностей, Владимиру Ильичу помогла в этом большая трудоспособность»[1].

По свидетельству М. Ульяновой, ее брат, готовясь к экзаменам, подробно конспектировал книги, над которыми работал. О вдумчивом и критическом отношении его к прочитанному свидетельствуют его пометки и подчеркивания, сохранившиеся на полях учебников.

15 ноября 1891 г. Юридическая испытательная комиссия единогласно присудила Ульянову диплом первой степени, который был выписан только 14 января следующего года, а вручен через некоторое время в Самаре. До получения диплома Владимир Ильич имел на руках «Временное свидетельство» за № 205, выданное 22 ноября 1891 г.

В дипломе, между прочим, отмечалось: «По представлении сочинения и после письменного ответа, признанных весьма удовлетворительными (В. Ульянов — *И. С.*), показал на устном испытании следующие успехи: по догме римского права, истории римского права, гражданскому праву и судопроизводству, уголовному праву и судопроизводству, истории русского права, церковному праву,

[1] Воспоминания о В. И. Ленине, т. I, М., 1956, стр. 21.

политической экономии и статистике, финансовому праву, энциклопедии права и истории философии права — весьма удовлетворительные».

Диплом юридического факультета Петербургского университета давал право на ведение юридической практики во всех судах России.

Решив воспользоваться этим правом, Владимир Ильич 12 ноября вернулся в Самару, где проживала его семья (мать, сестры и брат). Здесь он поступил в адвокатуру, чтобы, прикрывшись судебной практикой, продолжить революционную деятельность.

Самостоятельное изучение марксизма, юридическое образование имели для В. И. Ленина огромное значение. Они дали ему не только определенную сумму знаний, но и в высокой степени помогли ему выработать навыки экономического и юридического мышления, видеть связь и взаимодействие между политической надстройкой и экономическим базисом, между существующим общественным и государственным устройством.

Марксистская теория и критически усвоенная учебная и сверх программы рекомендованная юридическая, экономическая и социологическая литература научили его применять экономические и правовые критерии в процессе самостоятельной обработки исторических фактов, статистических данных, при оценке современных ему политических учреждений, законодательных актов и т. п.

Марксистская подготовка в сочетании с юридическим образованием и судебной практикой помогли Владимиру Ильичу в последующем дать всестороннюю критику буржуазно-помещичьего строя в России, разработать основные принципы организации суда и законности первого в мире социалистического государства.

Необычно сложились и быстро прошли у В. И. Ленина «студенческие годы». Теперь, вооруженный учением

Маркса, знаниями политэкономии, истории и юриспруденции, а также немалым опытом революционной работы, Владимир Ильич с еще бо́льшим энтузиазмом отдается борьбе с самодержавием, делу освобождения трудящихся от гнета и эксплуатации. Дело же это было нелегким и весьма опасным.

Но Ленин ничего не страшился. Он хорошо знал, что революционная борьба — это «не тротуар Невского проспекта»[1].

* * *

О молодых годах В. И. Ленина написано очень много. Но, пожалуй, лучше всех сказал о них его друг и соратник Глеб Максимилианович Кржижановский. «Юность Владимира Ильича,— писал он,— это юность нашей Коммунистической партии, крепнувшей и зревшей в могучем резонансе его великой жизни»[2].

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 41, стр. 55; *Н. Г. Чернышевский.* Полн. собр. соч. в 16 томах, т. 7, стр. 923.

[2] *Г. Кржижановский.* Великий Ленин, М., 1956, стр. 12—14.

Глава вторая

В. И. УЛЬЯНОВ — ПОМОЩНИК ПРИСЯЖНОГО ПОВЕРЕННОГО В САМАРЕ

ПОСТУПЛЕНИЕ В. И. УЛЬЯНОВА В АДВОКАТУРУ

Семья Ульяновых поселилась в Самарской губернии (сначала в Алакаевке, а потом в самой Самаре) в период, совпавший с дальнейшим наступлением отчаянной политической реакции. Ее объектами стали все мало-мальские демократические институты эпохи «великих реформ» 60-х годов.

Рядом законов, изданных правительством Александра III, подверглись серьезному ограничению самостоятельность земств и органов городского самоуправления; выборные мировые судьи уступили место всевластным чиновникам — земским начальникам; была сужена компетенция судов присяжных; ранее подсудные им дела о преступлениях чиновников и о противодействии органам власти были переданы особым присутствиям судебных палат с участием сословных представителей.

Перечисленные и некоторые другие контрреформы имели своей целью уси-

лить угнетение народа, еще больше урезать права трудящихся. Результатом проведения в жизнь реакционных мероприятий правительства были повсеместно — по всей России — рост ненависти к самодержавию, возникновение во многих городах (и прежде всего в Самаре и Петербурге) новых подпольных кружков как народнического, так и марксистского направления.

Алакаевско-самарский период в жизни В. И. Ленина (май 1889 — август 1893 гг.) — это период становления его революционной физиономии.

С появлением в Самаре Владимира Ульянова местные нелегальные кружки стали порывать с народничеством, все более увлекаясь животворным учением Маркса. Постепенно эти кружки из народнических, самообразовательных начали превращаться в марксистские. Именно в этом направлении перестроился кружок А. П. Скляренко после вхождения в него Владимира Ильича.

Вместе с Лениным в кружок Скляренко пришло правильное марксистское понимание важных теоретических вопросов, волновавших его членов (характер объективных законов общества, цели и методы классовой борьбы с самодержавием и др.). Благодаря Ленину Скляренко и большинство членов его кружка окончательно убедились в том, что в России быстро развивается капитализм, что главной силой в революции будет рабочий класс, что взгляды либеральных народников тормозят прогресс и вполне устраивают правительство. Можно смело сказать, что только благодаря Ленину в Самару был занесен «микроб революционного марксизма», а со временем этот город превратился из цитадели народничества в цитадель марксизма в России.

Познакомившись с В. Ульяновым, члены подпольных кружков поняли, что в его лице они имеют не по возрасту образованного и вполне убежденного марксиста.

В годы пребывания в Самаре молодой Ульянов проявляет огромный интерес к теоретическим исследованиям. Он продолжает изучение произведений Маркса и Энгельса[1], а также видных народников, собирает и анализирует статистические данные, характеризующие развитие капитализма в России, пишет работы, в которых показывает несостоятельность, лженаучный характер народнических идей и непреодолимую силу марксизма.

В Самаре Владимир Ильич занимается изучением аграрных отношений в России, пишет рефераты, в которых громит либеральных народников. Кроме того, несмотря на полицейскую слежку, устанавливает и развивает контакты со своими единомышленниками из других приволжских городов (Сызрань, Н. Новгород, Казань). Не уклоняется он и от встреч со своими идейными противниками. Напротив, при случае, охотно с ними «скрещивает шпаги». Ленин по крайней мере дважды участвовал в диспутах с видными народниками в Самаре. Первый раз — весной 1891 г. по докладу Росиневича «Сущность и значение кустарного производства», затем — зимой 1892 г. по докладу В. Водовозова «О германской социал-демократии». Причем в диспутах этих неизменно одерживал победу Владимир Ильич. В этом ему помогали не только теория Маркса, которой он глубоко овладел, не только собственный анализ статистических материалов, но и личное непосредственное общение с крестьянами, в том числе с теми, которых ему довелось защищать в суде. Повергать своих оппонентов помогло ему и блестящее знание аграрного законодательства царской России.

[1] В Самаре, в частности, молодой Ленин изучил: «Письма Маркса к Руге. 1843», «Анти-Дюринг», законспектировал «Нищету философии», частично перевел книгу «Происхождение семьи, частной собственности и государства».

Продолжая казанские традиции, Владимир Ульянов и его товарищи по кружку общаются с народом, посещают близлежащие деревни, пристани, трактиры с целью глубже познать многообразные проявления жизни крестьян и населения торгово-промышленного центра. Именно в таких местах эта жизнь была, как на ладони, именно здесь встречались представители почти всех слоев самарского общества. Рядом с купцами и хлебными маклерами толкались рабочие — «крючники» и матросы, служащие земской управы и ломовые извозчики, разночинцы-интеллигенты и самарские хулиганы — «горчишники». Завязывался откровенный разговор «начистоту», затрагивавший, подчас, самые животрепещущие темы, в том числе социально-политические. Члены кружка внимательно прислушивались, а нередко сами поддерживали начатые другими беседы, включались в спор. В последующем они использовали виденное и слышанное на диспутах, в своих рефератах, выступлениях и статьях.

В Самаре В. И. Ленин часто навещал своего будущего шефа по адвокатуре А. Н. Хардина, а также прогрессивно настроенного судебного следователя Я. Л. Тейтеля и председателя Самарского окружного суда В. А. Анненкова. Посещал он их не случайно. По субботам в домах этих судебных деятелей собиралось общество, далеко не безразличное для Владимира Ильича. Так, среди посетителей Тейтеля, проживавшего в то время в доме № 72/85 на углу Предтеченской и Садовой (ныне Некрасовская и Садовая), можно было встретить радикально настроенных интеллигентов (преимущественно адвокатов), народников и даже некоторых членов марксистского кружка. Бывали здесь и председатель окружного суда, потомок известного декабриста, и отбывшие ссылку народники и местные марксисты (М. Елизаров, Г. Шлихтер и др.). Заходивший сюда «на огонек» В. Ульянов незаметно

вступал в разговор, однако больше всего любил слушать. Он живо интересовался, вспоминает Мария Владимировна Анненкова, рассказами отца, всем, что тот знал о восстании декабристов и о преследовании его участников[1].

Разноликих гостей, особенно молодых людей «...очень преступных мыслей и намерений», влекло в дома Тейтеля, Анненкова, Хардина то, что здесь можно было откровенно поговорить, ничего не скрывая, и страстно поспорить[2].

Тейтель, возможно, и не подозревал того, что за ним и его женой давно уже наблюдает полиция, которая в курсе политических взглядов, разделяемых им и его знакомыми. Вряд ли судебный следователь допускал, что по мнению властей он «пользуется выдающейся популярностью» среди молодежи и большим уважением «опасных элементов», то есть лиц, поднадзорных и «политически неблагонадежных». И, разумеется, едва ли он предполагал, что о революционных изданиях, нелегально получаемых из-за границы, пронюхали власти. Между тем об этом знал даже департамент полиции, что видно из его конфиденциального письма на имя Самарского губернского жандармского управления (ГЖУ)[3].

Много энергии отдавал Владимир Ильич в Самаре делу подготовки к выпускным экзаменам. В общей сложности почти половина 1891 г. ушла у него на поездки в Петербург и сдачу экзаменов в университете.

12 ноября он вернулся домой, в Самару. Его сообщение о результатах экзаменов очень обрадовало мать и

---

[1] См. *М. В. Анненкова.* Пусть догорает свеча. «Новый мир», 1957, № 4, стр. 152.

[2] *М. Горький.* Литературные портреты. М., Изд. ЦК ВЛКСМ «Молодая Гвардия», 1963, стр. 413.

[3] ГАКО, ф. 468, оп. I, ед. хр. 239 а, л. д. 296, 692.

сестер. Что теперь будет делать их Володя? Может быть, поступит в адвокатуру?

Но, молодого юриста волновали тогда иные мысли. Другие планы вынашивал Ленин. Его по-прежнему неудержимо влекло к работе в кружках, к революционно-теоретической и практической деятельности. И он непременно займется ею. Надо только подумать сначала о средствах к существованию и о формах маскировки деятельности, которой он решил посвятить свою жизнь.

В то время Владимир Ильич еще твердо не знал, что самарские жандармы осуществляют за ним «самый строгий надзор», но вполне допускал, что его деятельностью будут интересоваться полицейские ищейки. Поэтому он всесторонне продумал вопрос о том, как усыпить бдительность местных жандармов. Самое, казалось бы, простое и быстрое решение вопроса — пойти служить по специальности в одно из казенных учреждений. Но о поступлении в них не могло быть и речи. Его, близкого родственника «первомартовца», ныне поднадзорного за казанское прошлое, на пушечный выстрел не допустили бы в эти учреждения. Прежде всего этому помешал бы упоминавшийся правительственный циркуляр от 19 августа 1888 г.

Однако Ульянов и не мечтал о подобной карьере. Сделаться чиновником (особенно в ведомстве юстиции) было несовместимо с его идеалами. Владимиру Ильичу органически противопоказано было состоять на службе у самодержавия, непримиримым врагом которого он стал с юношеских лет. Ведь именно в эти годы он твердо решил посвятить без остатка все свои знания и силы борьбе с царизмом.

Он не мог, да и не хотел посвятить себя научно-педагогической карьере. Во-первых, потому, что ему претила

казенная наука с ее мертвыми канонами, «официально-профессорская юриспруденция», полная схоластики и знаний «на девять десятых ненужных и на одну десятую искаженных»[1]. Во-вторых, потому, что Ленина глубоко возмущала существующая в университетах система образования и воспитания, задачей которой была подготовка подогнанных под общий ранжир чиновников — «образованных слуг правительства»[2]. Участвовать в подготовке таких чиновников Ленин решительно не желал.

Наконец, как нам представляется, если бы Ульянов и согласился преподавать в университете, его, серьезно «скомпрометированного в политическом отношении» кандидата прав, деляновы не допустили бы на университетскую кафедру.

Таким образом, оставался открытым лишь путь в адвокатуру. «Свободная профессия» — так называли тогда работу адвокатов, артистов, художников — была для Ульянова, пожалуй, самой в то время подходящей. Она устраивала его по двум причинам: во-первых, эта профессия оставалась для него единственно открытой и доступной; во-вторых, у нее был ряд преимуществ, каждое из которых имело важное значение для Владимира Ильича и его семьи.

Прежде всего, находясь в рядах адвокатуры, он мог свободно распоряжаться своим временем, определять объем своей нагрузки, связанной с дачей советов и ведением судебных дел. Адвокатура давала ему возможность «не выходить на службу» в дни, занятые главным для него делом, то есть конспектированием трудов Маркса или сочинений идеологов народничества, подготовкой нового реферата для товарищей по кружку и т. д. Работа в адво-

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 41, стр. 305.
[2] Там же, стр. 303.

катуре позволяла ему легально встречаться с представителями «низших сословий», преимущественно с крестьянами — его клиентами по судебным делам. Беседуя об обстоятельствах преступлений, в совершении которых они обвинялись, он мог выяснить не только то, что важно для защиты, но и то, что интересовало его как революционера, марксиста, теоретика.

Он избрал родом своей деятельности адвокатуру и потому, что она позволила использовать суд как учреждение, в котором, против воли его деятелей, объективно вскрываются язвы буржуазно-помещичьего строя, публично освещаются общественно-политические нити преступления; учреждение, способное дать ценный фактический и, следовательно, неопровержимый материал для критики тогдашнего строя.

И, как мы покажем ниже, Ленин мастерски использовал материалы судебных процессов в своих защитительных речах и, главным образом, в рефератах и листовках для критики ненавистных ему порядков, для политического прозрения студенческой и рабочей молодежи Самары, а позже и всей России.

Наконец, адвокатура могла и нужна была стать В. Ульянову как один из источников добывания средств для семьи, главой которой к этому времени он фактически стал. Материальное же положение Ульяновых в это время заметно ухудшилось. Пенсия, да небольшие суммы денег, которые изредка удавалось выручать от распродажи вещей, оставшихся после смерти отца, репетиторства,— таковы, в сущности, были источники «доходов» семьи Ульяновых.

Следует отметить, что отдельные мемуаристы и авторы, исследовавшие самарский период жизни В. И. Ленина, отрицают или умаляют значение экономического момента при объяснении причин вступления В. И. Ульянова

в адвокатуру. Так поступают, например, Г. Клеменц[1], Б. Яковлев[2], И. Блюменталь[3].

Коллега Владимира Ильича по самарской адвокатуре, Г. А. Клеменц утверждал, будто Владимир Ильич приписался к адвокатскому сословию не ради занятий адвокатурой (следовательно, и не для заработка — *И. С.*), а просто, чтобы иметь возможность легального, в глазах властей, существования.

Несостоятельность данного утверждения Клеменца легко доказуема. Клеменц, написавший свои воспоминания в возрасте свыше 70 лет, спустя три десятилетия после интересующих нас событий, мог запамятовать, да и просто не знать подлинных обстоятельств вступления Ульянова в адвокатуру.

Владимир Ильич был в курсе семейного бюджета. Он знал, что 1200 рублей пенсии в год явно не хватало на житейские расходы. О том, что семья Ульяновых нуждалась, свидетельствует и содержание объявлений, которые члены семьи время от времени (в мае—июне 1890 г. и летом 1892 г.) давали в местной газете. Так, в объявлениях, помещенных в период с 29 августа по 6 сентября 1892 г., говорилось, что в доме Рытикова (угол Почтовой и Сокольничьей) репетируют и «дают уроки по всем предметам средних учебных заведений...». В доме купца Рытикова квартировали тогда Ульяновы.

Неопровержимым, к тому же, остается свидетельство Анны Ильиничны Ульяновой, которая отмечала: «Запись в адвокаты давала ему (Владимиру Ильичу — *И. С.*)

[1] *Г. Клеменц.* Воспоминания о Ленине, газ. «Коммуна» (Самара), 23 апреля 1924 г.

[2] *Б. Яковлев.* Ленин. Страницы автобиографии, ж. «Смена», 1966, № 23, стр. 21.

[3] *И. Блюменталь.* В. И. Ленин в Самаре, 1925, стр. 13.

профессию, которая могла доставлять в будущем средства к существованию...»[1].

Точку зрения, что адвокатура интересовала Владимира Ильича и как способ заработать себе на жизнь, разделяет также видный советский историк Б. М. Волин[2].

При выяснении причин поступления В. И. Ленина в адвокатуру необходимо учитывать все обстоятельства в их совокупности. Во всяком случае выбор своей будущей специальности по окончании университета Владимир Ильич глубоко продумал. В. К. Шалагинов правильно пишет: «Случай поставил это слово в билет (имеется в виду вопрос «Защита» на госэкзамене — *И. С.*), но не случай сделал судебную защиту родом деятельности молодого юриста»[3].

Прибыв после выпускных экзаменов в Самару, Владимир Ильич начинает готовиться к поступлению в адвокатское сословие. Оформление приема несколько затянулось из-за отсутствия «на руках» у просителя университетского диплома, который он получил лишь в январе следующего, 1892 г. Документ о высшем юридическом образовании надлежало представить в Самарский окружной суд, ведавший приемом в адвокатуру.

[1] Энциклопедический словарь Русского библиографического Института Гранта, М., 1927, т. 41, ч. I, стр. 311.

[2] См. *Б. Волин.* Студент Владимир Ульянов. М., Детгиз, 1964, стр. 160. Правильность этой точки зрения подтверждает и полицейский документ. Мы имеем в виду донесение пристава первой части самарскому полицмейстеру от 29 мая 1892 года. Отвечая на запрос последнего, пристав сообщал, что одним из источников существования семьи Ульяновых является адвокатская практика помощника присяжного поверенного В. И. Ульянова (ГАКО, ф. 465, оп. 5, д. 4, л. 21.).

[3] *В. Шалагинов.* Помощник присяжного поверенного В. Ульянов. Самара. «Сибирские огни», 1965, № 4, стр. 118.

Немалую роль в приобщении Владимира Ульянова к юридической практике сыграл Андрей Николаевич Хардин.

В семидесятые-девяностые годы Хардин был известен в Поволжье не только как выдающийся юрист, незаурядный шахматист, но и как крупный общественный деятель левого направления. Свою общественную деятельность А. Н. Хардин начал с должности мирового посредника в одном из уездов Вятской губернии. О том, как он понимал и в каком направлении использовал свою службу, видно, например, из следующего факта.

Рабочим хлуницких заводов, находившихся в районе деятельности Хардина, несколько месяцев не платили жалованья. Сотни семейств были обречены на полуголодное существование. Узнав об этом, Хардин явился к вятскому губернатору с просьбой наложить арест на деньги, которые должны были поступить на заказы в заводскую кассу. Губернатор долго не соглашался на такое «незаконное действие», но, поняв, что возможен бунт изголодавшихся рабочих, в конце концов согласился. Так, благодаря вмешательству Хардина, рабочим жалованье было выплачено.

В Самару А. Н. Хардин приехал в 1867 г. Здесь в течение шести лет он занимался земской деятельностью то в качестве члена земской управы, то в роли ее председателя (с 1872 г.). При его ближайшем участии была открыта школа сельских учительниц, началась постройка больницы, прошел первый съезд самарских врачей, организована помощь голодающим.

Вскоре, однако, о самарском земстве заговорили как о самом либеральном и не совсем благонадежном. Начались придирки. Одним из доказательств этому служит внезапная ревизия школы учительниц, которая, однако, ничего «крамольного» не обнаружила.

Высказывания и поступки Хардина дали городским властям повод считать его «определенно красным». Близко знавшие его (например, О. В. и В. О. Португаловы, Н. Самойлов, редактор «Самарской газеты») характеризуют Андрея Николаевича как человека неподкупной честности и твердых убеждений.

За свои убеждения, принципиальность и нелицеприятие он неоднократно расплачивался должностью и здоровьем. Так, по «высочайшему повелению» из Петербурга его отстранили от должности председателя Самарской земской управы, которую занимал ряд лет. Мотив: «Сомнительная благонадежность». Было, вероятно, учтено и то обстоятельство, что Хардин в молодости дружил с Верой Фигнер и разделял ее политические взгляды.

Можно с уверенностью сказать, что именно таких, как А. Н. Хардин и подобных ему деятелей, пытавшихся отстаивать элементарные права крестьян, имел в виду циркуляр Министерства внутренних дел от 3 августа 1882 г. об ограничении «вредной деятельности» поверенных по крестьянским делам. Конкретизируя понятие «зла», причиняемого этой деятельностью, авторы циркуляра негодующе отмечали, что мужицкие адвокаты объективно «подстрекают крестьян к возбуждению совершенно неосновательных споров и тяжб с их бывшими помещиками, а в последнее время даже ходатайствуют (подчеркнуто нами — *И. С.*) об увеличении наделов за счет помещичьих земель». Далее в цитируемом документе говорится, что подобное поведение поверенных вызывает нездоровые настроения у земледельцев. Оно «...не может не озабочивать серьезно правительство»[1].

Не только заступничеством за крестьян Хардин дал повод властям гневаться. Он усугубил свою «вину» и тем,

[1] ГАКО, ф. 3, оп. 169, ед. хр. 77, л. д. I.

что встречался на квартире у местного следователя Тейтеля с лицами «сомнительной нравственной репутации», а так же тем, что поддерживал дружбу с семьей Ульяновых.

Хардин уже с середины 70-х годов состоял под негласным надзором полиции. Поднадзорным он оставался до последних дней своей жизни. В «совершенно секретном» письме МВД от 23 мая 1903 г. за № 4985 директор департамента полиции делился с начальником Самарского ГЖУ[1] сведениями о доставляемых из-за границы в дома некоторых горожан революционных изданиях. В списке «горожан» против цифры 5 значится «Присяжный поверенный Андрей Николаевич Хардин».

В том же письме приводятся конкретные данные о Хардине и его семье, из которых можно заключить, что департамент полиции давно уже «знаком» с патроном Ульянова и зорко следит за ним.

«Среди судебного мира,— говорится в письме,— (Хардин — *И. С.*) пользуется репутацией знающего и влиятельного человека». Отмечается также, что его дочь, Нина Андреевна, начальница 5-классного женского училища, и сын, Владимир Андреевич, преподаватель коммерческого училища, водят, между прочим, знакомство с «неблагонадежными лицами».

Директор департамента полиции требовал усилить наблюдение за домом Хардина, имея в виду, что его посещают «лица, принадлежащие к социалистической рабочей партии»[2].

В. И. Ленин впервые познакомился с Хардиным еще зимой 1899 г. во время шахматной партии, сыгранной

[1] ГЖУ — Губернское жандармское управление.
[2] ГАКО, ф. 468, оп. 1, ед. хр. 239 а, л. д. 692.

с ним по почте. Личное же знакомство между ними состоялось весной того же года, вскоре после переезда семьи Ульяновых из Казани в Самару.

Владимир Ильич гордился своим новым знакомым и имел для этого серьезные основания. Хардин, оказывается, был соперником известного русского шахматиста Н. И. Чигорина; за свой прогрессивный образ мыслей и действий он был отстранен от руководства губернской земской управой; Хардин, наконец, известен в Поволжье как великолепный юрист, представитель левого крыла адвокатуры[1]. Нетрудно догадаться, что по этим причинам Ленин проникся к Хардину глубоким уважением. Хардин же, в свою очередь, узнав поближе семью Ульяновых, все, что ей пришлось пережить, отнесся с большим сочувствием и симпатией к своему юному коллеге по шахматам и образованию. По словам родных Владимира Ильича, знакомство с Хардиным, возникшее за шахматной доской, переросло в теплую и прочную дружбу.

Владимир Ильич находился в близких отношениях с Хардиным вплоть до его смерти, последовавшей в 1910 г., и с большим уважением относился к его памяти. Об их дружбе можно судить хотя бы по тому, что Владимир Ильич часто посещал дом своего шефа на Саратовской улице (ныне улица Венцека, 45), пользовался не только его личной библиотекой, но и абонементом Хардина в библиотеке «Благородного собрания». В свою очередь, Хардин частенько заходил к Ульяновым.

[1] Хардин начал практиковать при Самарском окружном суде в 1878 г. Он считался глубоким знатоком права, в особенности гражданского. Многие его кассационные жалобы служили руководством для других адвокатов, а некоторые из них ложились в основу сенатских разъяснений. Подр. о личности А. Н. Хардина см. в «Материалах к биографии присяжного поверенного А. Н. Хардина...», составленных *В. Н. Арнольдом* (рукопись).

Вернемся, однако, к вопросу о поступлении В. И. Ульянова в адвокатуру. При первой же встрече с Ульяновым, состоявшейся через несколько дней после приезда из Петербурга, Андрей Николаевич заявил, что согласен записать его к себе в помощники. Особым представлением Хардин довел об этом до сведения Самарского окружного суда.

Давала ли Владимиру Ильичу «запись» к Хардину право вести чужие дела в суде? На этот и некоторые другие вопросы поможет ответить сохранившееся архивное дело. Называется оно так: «Дело Самарского окружного суда по столу председателя о зачислении дворянина Владимира Ильича Ульянова помощником присяжного поверенного округа Саратовской судебной палаты А. Н. Хардина». Оно было начато 30 января 1892 и окончено 18 августа следующего года. Дело хранится в Центральном партархиве Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС[1].

В нем подшито около 15 документов, треть из которых написана рукой Ленина. На первом листе — рапорт А. Н. Хардина. Вот что он писал 4 января 1892 г. на имя Самарского окружного суда: «Дворянин Владимир Ильич Ульянов, признанный Юридической испытательной комиссией при С.-Петербургском университете имеющим право на диплом первой степени, заявил желание поступить ко мне в помощники присяжного поверенного.

Представляя при сем выданное Ульянову вышеозначенной комиссией временное свидетельство, я имею честь просить Самарский окружной суд зачислить его моим помощником».

Рапорт был зарегистрирован в книге «входящих документов» за № 559/199. На его оборотной стороне рукою

[1] ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС, ф. 2, оп. I, ед. хр. 24.

секретаря сделана пометка о том, что 30 января общее собрание отделений «сего суда» постановило принять рапорт Хардина «к сведению». Это и означало, что отныне Ульянов — член Самарской корпорации защитников. В списке помощников присяжных поверенных, опубликованном в «Адрес-календаре» Самарской губернии на 1892 год, появилась новая фамилия: Ульянов...

Самарская адвокатура в начале 90-х годов была немногочисленна. На 1 января 1892 г. в нее входило 12 присяжных и 5 частных поверенных и несколько помощников[1].

К началу 1893 г. число присяжных поверенных сократилось до 10. Шесть из них, как наиболее опытные, имели помощников из тех, кто недавно окончил юридические факультеты.

Что собой представляли коллеги В. И. Ульянова по адвокатуре? Почти половина из них по политическим мотивам находилась под негласным надзором полиции. Например, Г. А. Клеменц, автор широко известных воспоминаний о Владимире Ильиче. Он попал в «подозрительные» как лицо, привлекавшееся по делу «первомартовцев», а также еще и потому, что его брат, Дмитрий, являлся одним из организаторов общества «Земля и воля». Другой видный адвокат, К. К. Позерн, подвергся надзору за «прикосновенность к Нечаевскому делу»[2]. А. С. Лялин, О. Г. Гиршфельд — за участие в студенческих «беспорядках» в Петербургском университете, а последний еще и за произнесение подстрекательских

[1] См. «Адрес-календарь» и памятную книгу Самарской губернии на 1891 год, стр. 57.

[2] Полицейская слежка за К. К. Позерн продолжалась свыше 20 лет и прекратилась только в связи с его смертью (ГАКО, ф. 465, ед. хр. 95, л. д. 46).

«противоправительственных речей» на нелегальных вечеринках в Казани[1].

О нравах, царивших в самарской адвокатуре в 90-е годы, яркий рассказ оставила нам Ф. Ф. Вентцель, современница и знакомая Владимира Ильича в годы его жизни в Самаре. Она пишет: «Адвокатская среда, в которой оказался Ленин, став помощником присяжного поверенного, была далека от той действительности, о какой мечтал Владимир Ильич. Если не считать А. Н. Хардина и еще двух-трех юристов, то корпорация адвокатов отличалась всеми характерными чертами чиновничьей провинции: стяжательством, крючкотворством, моральной нечистоплотностью. На защиту уголовных и политических дел, большей частью проводившихся бесплатно и по назначению суда, эти толкователи закона смотрели как на тяжелую повинность. С гораздо большим интересом и горячностью они относились к ведению гражданских дел, которые на их языке назывались «хлебными»[2]. Такие дела, затрагивавшие интересы богатых купцов, приносили значительные гонорары.

Взгляды В. И. Ульянова на адвокатскую деятельность не имели ничего общего с отношением к ней большинства его старших коллег, которые видели в ней легальный способ разбогатеть или обрести дешевую популярность. Он презирал адвокатов, которые, по словам «Самарской газеты», ухитрялись получить у запуганных клиентов дополнительный гонорар за обещание добиться освобождения от ответственности на основании... «не подлежащих статей закона».

[1] См. «Политический обзор Казанской губ. за 1887 год», составленный нач. Каз. ГЖУ, Цит. по журн. «Каторга и ссылка», 1931 г., № 8 — 9. См. также ГАКО, ф. 3, оп. 169, ед. хр. 75.

[2] *Ф. Ф. Вентцель.* Таким я его помню. Сб. «Жизнь, не подвластная времени», «Сов. писатель», Л., 1965, стр. 11.

Владимир Ильич вступил в адвокатуру в ту пору, когда в российском правосудии особенно ярко проявлялись антагонизм между правом эксплуататоров и моралью трудящихся классов, между государством и обществом, государством и личностью. Основной заботой большинства защитников (впрочем, и остальных деятелей царской юстиции) было отыскание в деле не настоящей, а формальной, юридической истины. Мы имеем в виду тех адвокатов, которые «содрав гонорар неумеренный», согласовывали свою позицию в процессе не с материалами дела, а с суммой полученного или обещанного клиентом вознаграждения. Их девизом была «защита кого угодно и как угодно».

Убежденный противник нравственной нечистоплотности, Владимир Ильич не мог не возмутиться поведением своих коллег по адвокатуре, основанном на этом девизе. Доказательством тому может служить процесс «господина Венецианова», состоявшийся 14 марта 1893 г.

Внимание общественности города процесс привлек не только характером преступления: хозяин дрожжевого завода застрелил среди бела дня своего бывшего рабочего Ханина, посмевшего пожаловаться на него в суд, но и тем, что убийцу защищал не один, как обычно, а сразу три адвоката: Позерн, Брокмиллер и Венецианов — младший, сын подсудимого. Защиту не смутили ни гнусность преступления, ни очевидность вины, ни отсутствие каких-либо смягчающих обстоятельств. Владимира Ильича глубоко возмутили позиция и приемы защиты в этом деле. Адвокаты с пеной у рта доказывали, что в случившемся «во многом виноваты» как сам пострадавший, так и душевное нездоровье подсудимого. Исходя из приведенных соображений, защита устами Брокмиллера просила присяжных о вынесении оправдательного вердикта. И купцы-присяжные оправдали купца-убийцу.

Вместе с Хардиным и некоторыми другими адвокатами В. И. Ульянов настаивал на привлечении к дисциплинарной ответственности платного присяжного заступника убийцы — Брокмиллера за грубое нарушение кодекса адвокатской этики, за приемы, далекие от права и чести. Однако из этого ничего не получилось, так как Брокмиллера взял под защиту «сам» прокурор Самарского окружного суда А. Н. Львов[1].

В отличие от многих своих коллег, Ульянов шел в суд с другой целью: выяснить, что и почему случилось в действительности, указать суду на пути, ведущие к материальной истине. Установление последней, несмотря на специфику судебного исследования, он считал в данном случае вполне возможным. Важно лишь, чтобы суд х о т е л ее найти и искал там, где она лежит. Между тем самарские судейские (судьи, прокуроры и большинство адвокатов) заботились о другом; чтобы их решения и речи соответствовали бумагам и параграфам закона, а то, что они отражают неправду, беспокоило их меньше всего. Они редко говорили с убеждением, которое, по меткому выражению В. И. Ленина, сидело у них «не глубже, чем на кончике языка»[2].

Итак, с 30 января 1892 г. В. И. Ульянов был зачислен в помощники присяжных поверенных. Для получения звания «присяжного поверенного», то есть полноправного адвоката, лицо с высшим юридическим образованием обязано было пройти пятилетнюю подготовку по судебной части. Таково было требование закона. Практически это означало стажировку при одном из опытных адвока-

[1] «Самарская газета», 1893, № 57. См. также *В. Шалагинов*. Защита поручена Ульянову. Зап. Сиб. книжн. издательство, 1967, стр. 105 — 108.

[2] *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 16, стр. 65.

тов в качестве его помощника. Лицам, принятым помощниками, судебные уставы предоставляли неограниченное право заниматься практикой по уголовным делам. Что касается дел гражданских, то право ведения их принадлежало только присяжным и частным поверенным.

В конце первого десятилетия судебных реформ был издан закон, по которому это право получали и те помощники присяжных поверенных, которым суд выдал соответствующее разрешение («свидетельство»). Чтобы получить его, Владимир Ульянов 28 февраля составляет, а на следующий день подает в Самарский окружной суд прошение. В нем он сообщает, что для получения права быть поверенным нет ни одного из препятствий, предусмотренных в статье 246 Устава гражданского судопроизводства. Эта статья, между прочим, в числе других препятствий называла: отлучение от церкви, объявление несостоятельным, то есть безысходно бедным, состояние под следствием и т. д.

Просимое свидетельство Ульянов получил лишь спустя 5 месяцев. Столь большая затяжка в разрешении достаточно простого вопроса объясняется: во-первых, поздним внесением в местное казначейство предусмотренного законом 75-рублевого денежного сбора. Эту сумму Ульянов внес только 15 апреля, в доказательство чего предъявил суду форменную квитанцию. Очевидно, достать такие деньги сразу было нелегко. Во-вторых, необходимостью соблюдения некоторых формальностей: за 2 месяца до решения судом вопроса о выдаче свидетельства фамилии помощников присяжных поверенных заносились в особые списки, которые вывешивались для всеобщего обозрения. За это время каждый вправе был сообщить суду об известных ему препятствиях к удовлетворению ходатайства просителя. В-третьих, непредвиденной перепиской, завязавшейся между Ульяновым и судом, с одной

стороны, и департаментом полиции, с другой. Предмет переписки: мнение Петербурга о «благонадежности» помощника присяжного поверенного В. И. Ульянова. Волокита длилась почти два месяца.

Все началось с замечания судебного секретаря о том, что «...сведений о нравственных (!) качествах (Ульянова — *И. С.*) в деле не имеется». (Такая запись сохранилась на прошении Владимира Ильича от 28 февраля 1892 г.). Вопрос о рассмотрении прошения остался открытым. Зная, что выдавать такого рода документы правомочны полиция, либо университет (в отношении лиц, учившихся в нем), Ульянов обращается в департамент полиции.

В прошении В. Ульянова от 1 июня на имя директора департамента читаем: «Так как Самарский окружной суд затрудняется дать определенный ответ на мое прошение по отсутствию у него сведений о моей личности, то я имею честь покорнейше просить Ваше Превосходительство поставить в известность господина председателя Самарского окружного суда о неимении со стороны Департамента полиции препятствий к выдаче мне свидетельства на право быть поверенным»[1].

Вместо того, чтобы ответить непосредственно автору прошения по существу его просьбы, столичные полицейские затеяли волокиту. Отношением от 8 июня (№ 2924) они поручили Самарскому губернатору объявить адвокату Ульянову, что отзыв о нем будет дан лишь в ответ на специальный запрос судебного начальства Самары, а не на просьбу частных лиц.

Но ни губернатор, ни подчиненные ему полицейские чиновники не спешили выполнить предписание Петербурга. Вместо того чтобы, получив его (а это было не

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. I, стр. 558.

позже 10 июня), сразу же информировать лицо, коего оно касалось, местные власти, поступили иначе, чисто по-бюрократически. Сперва губернатор снесся с полицмейстером (16 июня), полицмейстер — с приставом, последний — с надзирателем 19-го участка. А время шло. Только глубокой осенью, 19 октября, от есть через 4,5 месяца, местная полиция соизволила известить В. Ульянова о том, что имеется ответ на его письмо из Петербурга[1].

В. Ульянов, вероятно, гораздо раньше узнал содержание ответа и потому уже 11 июня обратился к В. И. Анненкову с просьбой сделать соответствующий запрос. При этом он сослался на разъяснение Петербурга и на неправомочность столичного университета выдать требуемый судом отзыв.

Суд пошел навстречу «просителю» и 18 июня запросил необходимые сведения. Только 2 июля на отношении суда (№ 1556) появилась благоприятная для Владимира Ильича резолюция. В ней говорилось, что к выдаче просимого свидетельства «препятствий со стороны департамента не встречается». Рядом с этими словами была сделана странная оговорка: «Оставить Ульянова под негласным надзором». В спешке или по какой-либо другой причине автор письма забыл, что его распоряжение адресовано не жандармскому управлению, а суду...

И лишь 23 июля общее собрание отделений Самарского окружного суда постановило выдать помощнику присяжного поверенного В. Ульянову просимое им свидетельство. То же собрание признало необходимым информировать о своем решении Министра юстиции и объявить в газете. Действительно, 5 августа 1892 г. «Самарские

[1] ПЦА ИМЛ при ЦК КПСС, ф. 461, ед. хр. 26088, л. 35.

губернские ведомости» (№ 50) сообщили своим читателям о данном факте. «Председатель Самарского окружного суда,— говорилось в извещении,— объявляет, что им выдано свидетельство на право ведения чужих дел в Самарском окружном суде в течение 1892 г. помощнику присяжного поверенного, дворянину Владимиру Ульянову». О том же 9 августа говорилось и в разделе местной хроники «Самарской газеты» в заметке под заголовком: «Новый адвокат». В справке, подшитой к делу, упоминалось, что 27 июля В. Ульянову вручено свидетельство за № 1879.

Среди других документов, хранящихся в деле о зачислении В. И. Ульянова в адвокатуру, внимание привлекает еще одно прошение. Из него видно, что 9 сентября 1892 г. Владимир Ильич обратился в суд с просьбой возвратить ему излишне уплаченные 37 рублей 50 копеек. Чтобы было ясно, о какой переплате идет речь, надо иметь в виду следующее. Перед получением годового свидетельства каждый адвокат вносил в казну 75 рублей. Таково было требование закона. Ульянов, как мы уже знаем, сделал это 15 апреля. Свидетельство же получил лишь в конце июля, то есть уже во втором полугодии. Зная, что по закону за свидетельства, выданные после 1 июля, взыскивается сбор в половинном размере, он и обратился в суд (это еще одно доказательство того, что в семье Ульяновых каждый рубль был на учете). 24 сентября суд вынес постановление, обязывавшее казенную палату произвести с Ульяновым перерасчет.

Итак, формальное разрешение на ведение судебных дел без ограничения Владимир Ильич получил только летом 1892 г., через полгода после вступления в адвокатскую корпорацию.

Возникает вопрос, занимался ли В. И. Ульянов юридической практикой в период до получения судебного

свидетельства? Да, занимался, но только по уголовным делам. В этот период он все свое свободное время отдает работе в марксистских кружках.

Адвокатская практика Ленина в Самаре постоянно сочеталась, а точнее переплеталась с революционной деятельностью. В этом — ее характерная особенность. Но было бы неправильным утверждать, как это делают некоторые авторы, будто Ульянов лишь номинально числился в списках помощников присяжных поверенных и почти не выступал в суде. Архивные документы и воспоминания родных и друзей Ленина говорят о другом. В самарский период своей жизни, в частности, в первом полугодии 1892 г., он имел некоторую и, надо сказать, немалую для своего возраста (ему было тогда всего лишь 22 года) практику. По словам Анны Ильиничны Ульяновой-Елизаровой, в этот период Ленин «серьезно и с интересом относился к своей юридической деятельности»[1].

СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА В. И. УЛЬЯНОВА ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ

Адвокатской практикой в Самаре Владимир Ильич занимался, хотя и не регулярно, в течение полутора лет. Однако сказать абсолютно точно, сколько раз он выступал в судах или какое точно количество дел было рассмотрено с его участием, мы не можем. Ответить на эти вопросы абсолютно исчерпывающе нельзя хотя бы потому, что полностью не сохранились архивы судебно-административных учреждений, в которых мог выступать тогда Ульянов.

[1] *А. И. Ульянова-Елизарова.* Воспоминания об Ильиче. М., «Молодая Гвардия», 1925, стр. 43.

В литературе, освещающей самарский период жизни и деятельности Ульяновых, сообщаются различные данные о степени занятости Владимира Ильича на адвокатском поприще. Например, в научной биографии В. И. Ленина говорится, что за все время пребывания В. Ульянова в самарской адвокатуре им проведено около 15 процессов[1]. И. Блюменталь, А. Аросев, И. Крылов и А. Бланк[2], имея в виду только один 1892 г., указывали, что в этом году Владимир Ильич выступил в суде всего 10 раз; Б. Волин увеличивает эту цифру до 12.

Фактически же, как это видно из подлинных дел, хранящихся в Центральном партийном архиве Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС и личных воспоминаний Д. И. Ульянова, Владимир Ильич только в 1892 г. участвовал, по меньшей мере, в 14 судебных процессах.

Вот перечень дел, рассмотренных в 1892 г. в Самарском окружном суде с участием В. Ульянова:

1. Уголовное дело по обвинению В. Муленкова (5 марта);
2. Уголовное дело по обвинению М. Опарина и Т. Сахарова (11 марта);
3. Уголовное дело по обвинению И. Уждина и др. (16 апреля);
4. Уголовное дело по обвинению В. Муленкова (16 апреля);
5. Уголовное дело по обвинению Е. Тишкина (18 апреля);
6. Уголовное дело по обвинению М. Бамбурова (5 июня);

[1] Владимир Ильич Ленин. Биография, изд. второе, М., 1963, стр. 16.

[2] *И. Крылов, А. Бланк.* Деятельность В. И. Ленина в адвокатуре. По документам и воспоминаниям современников. «Советская юстиция», 1960 г., № 4, стр. 41.

7. Уголовное дело по обвинению И. Чинова и др. (9 июня);

8. Уголовное дело по обвинению В. Садлоха и др. (17 сентября);

9. Уголовное дело по обвинению И. Гусева (15 сентября);

10. Уголовное дело по обвинению В. Алашеева и др. (26 октября);

11. Уголовное дело по обвинению В. Красноселова (18 ноября);

12. Уголовное дело по обвинению Ф. Лаптева (19 декабря);

13. Уголовное дело по обвинению Н. Языкова (17—21 декабря).

Четырнадцатое дело было рассмотрено земским начальником. Мы имеем в виду процесс купца Арефьева, в котором Владимир Ильич выступал в качестве обвинителя[1].

Не исключено, однако, что в 1892 г. Ульянов провел и некоторые другие дела, ибо, как мы увидим ниже, преступность в приволжских городах, переполненных голодающими и безработными, была довольно высокая, а процессы о кражах шли обычно с участием сторон — обвинителя и защитника. К середине года Ульянов-защитник уже был, надо думать, известен как крестьянский правозаступник и потому к нему обращались чаще, чем к другим помощникам.

По всей вероятности, молва о новом адвокате проникла и в арестантские, в которых содержались сотни

[1] Обстоятельства данного дела подробно изложены в воспоминаниях Д. И. Ульянова (См. Воспоминания о В. И. Ленине, I, 1956, стр. 66—68). Дополнительные сведения о деле Арефьева, приводятся нами на стр. 186—192 настоящей работы.

крестьян в ожидании суда. Когда их спрашивали, желают ли они иметь адвоката и кого именно, то многие отвечали: «Хотим Ульянова» (см., например, дела Тишкина, Зорина, Уждина, Муленкова и др., о которых говорится ниже).

Этот факт говорит о том, что двадцатидвухлетний Ульянов быстро снискал себе популярность не только на поприще революционной борьбы, но и в судебных поединках.

Что касается адвокатской практики В. Ульянова в последнем году его пребывания в Самаре, то ее нельзя назвать большой. Она исчерпывается всего 6—7 делами, о которых пойдет речь ниже.

Чем же был занят Владимир Ильич в январе-августе 1893 г.? Главным образом, разумеется, пропагандой марксизма, разоблачением либеральных народников, разработкой насущных проблем социал-демократического движения. Зимой 1892—1893 гг. между В. Ульяновым и Н. К. Федосеевым завязалась оживленная переписка. Каждое из этих писем — это научный трактат, подготовка которого требовала немало времени и труда.

Готовясь к решительному сражению с народниками, В. Ульянов тщательно знакомится с их трудами, проверяет статистические данные, на которые они ссылаются. С помощью А. Скляренко, М. Елизарова, В. Ионова и других он собирает и анализирует сведения о положении в деревне, о неумолимо развивающемся в России капитализме. С той же целью весной 1893 г. Владимир Ильич обращается к книге народника В. Постникова «Южнорусское крестьянское хозяйство», а летом — к статье другого народника — Н. Карышева «Народнохозяйственные наброски». Книга Постникова произвела на Ульянова сильное впечатление насыщенностью фактическими данными, обоснованностью выводов, которые подчас расходились с мировоззрением ее автора. Высоко оценивая

труд В. Постникова, Ленин писал о ней: «В литературе о крестьянском разложении это сочинение должно быть поставлено на первое место...»[1].

Изучение книги В. Постникова завершилось написанием подробного реферата. К этому времени Владимир Ильич сформировал первый кружок самарских марксистов. Здесь-то впервые и был прочитан и обсужден ленинский реферат о книге Постникова.

Позднее основные положения названной книги были подробно рассмотрены в таких ленинских работах, как «Новые хозяйственные движения в крестьянской жизни», «По поводу так называемого вопроса о рынках» и «Развитие капитализма в России». Хотя это самые ранние ленинские произведения, но они поражают читателя глубиной и всесторонностью освещения излагаемых вопросов, подлинно марксистским подходом к их разрешению, железной логикой и революционным характером формулируемых автором выводов. Не случайно этими произведениями зачитывались единомышленники Ленина, интерес к ним проявили и власти. Известно, что, например, рукописью «Новые хозяйственные движения в крестьянской жизни» завладела Московская судебная палата, в архиве которой она и была обнаружена в 1923 г.

Если учесть и то обстоятельство, что почти все лето Владимир Ильич провел в Алакаевке, то станет ясным, почему у него не хватало времени на более частые выступления в самарских судах.

Это не значит, однако, что в 1893 г. он вообще не вел дел, как утверждает А. Аросев[2]. Против такого утверждения говорят по крайней мере следующие факты:

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 3, стр. 61.

[2] *А. Аросев.* Некоторые данные о деятельности Владимира Ильича как помощника присяжного поверенного в Самаре. Ленинский сборник, т. II, стр. 447.

1. Дела, хранящиеся в Центральном партийном архиве ИМЛ, свидетельствуют, что только в первой половине 1893 г. Владимир Ильич выступил в судах не менее шести раз.

2. 5 января 1893 г. В. Ульянов обратился в Самарский окружной суд с просьбой продлить ему право на ведение дел в новом году. 8 января ему было выдано свидетельство за № 82, в котором говорилось: «Согласно состоявшемуся седьмого января сего 1893 года постановлению общего собрания отделений Самарского окружного суда, выдано сие свидетельство сим судом помощнику присяжного поверенного, дворянину Владимиру Ильичу Ульянову, в том, что ему, Ульянову, на основании... (следует перечень статей законов — *И. С.*) разрешается ходатайствовать по чужим судебным делам в Самарском окружном суде в течение настоящего 1893 года».

3. 17 августа тот же суд выдал В. Ульянову другое свидетельство, где сказано, что он, помощник присяжного поверенного, в течение 1892 и 1893 гг. действительно вел дела в судах г. Самары[1].

Но самым неопровержимым доказательством являются, конечно, конкретные судебные дела. Вот одно из них: дело по иску купца Константинова, в котором Ульянов представлял интересы ответчика. Оно было рассмотрено в середине января. 12 марта Владимир Ильич участвовал в процессе отставного рядового В. П. Красноселова, первый приговор по которому был отменен Сенатом. Затем 24 апреля того же года он защищал в суде мещанина

[1] Свою просьбу о выдаче такого документа Владимир Ильич мотивировал тем, что собирается «перечислиться в помощники присяжного поверенного в округе С.-Петербургской судебной палаты». Справка суда, как и сам перевод в столичную адвокатуру, нужны были ему, главным образом, для легализации своего положения.

В. Г. Юдина, преданного суду за покушение на кражу, а 12 мая — мещанина В. Т. Крылова, обвинявшегося в краже белья[1]. Весной же В. И. Ульянов провел крупное гражданское дело по иску Мороченкова, заволокиченное по вине поверенного истца[2].

Из письма Владимира Ильича к матери (от 5 октября 1893 г.)[3] видно, что в этом же году он провел еще одно гражданское дело, в котором представлял интересы некоего Графова. В упоминаемом письме говорится и о том, что по этому «казанскому делу» ему был обещан гонорар в сумме 70 рублей. К сожалению, о деле Графова нам почти ничего не известно, если не считать отметки в журнале публичных заседаний Самарского окружного суда о том, что дело по иску конкурсного управления несостоятельного «Дома Зворыкин и сыновья» к Графову Алексею Петровичу рассматривалось в этом суде. О содержании же иска, о результатах его разрешения в журнале не сказано. Не оказалось и самого дела.

В Центральном партархиве находится гражданское дело за № 360, которое начал было вести Владимир Ильич. Оно было возбуждено по иску попечителя «несостоятельного должника» Кузнецова к мещанину Чекмареву о признании сделки, заключенной последним и Кузнецовым (о купле-продаже двух фруктовых садов), недействительной[4].

Итак, в 1893 г., до переезда в Петербург, Владимир Ильич в качестве адвоката провел по крайней мере 6 дел, в том числе три гражданских и три уголовных. Всего, таким образом, в 1892—1893 гг., то есть за последние

[1] См. ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС, ф. 461, ед. хр. 44181, 44182.
[2] См. ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС, ф. 461. ед. хр. 25978.
[3] См *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 55, стр. 1 — 2.
[4] См. ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС, ф. 461, ед. хр. 44771.

полтора года пребывания в Самаре, он участвовал в суде не менее чем в 20 делах[1].

Дела, в которых участвовал Ульянов в Самарском окружном суде, можно классифицировать следующим образом: 16 уголовных и 4 гражданских. Процессуальное положение В. Ульянова в перечисленных делах было неодинаковым: в 15 из них он выступал защитником, в одном (дело Арефьева) — в качестве обвинителя, в остальных — поверенным интересов ответной стороны.

Большой интерес представляет социальное положение клиентов Ульянова. Исчерпывающий ответ на это дают нам протоколы допросов, а равно — приговоры. Из этих документов явствует, что абсолютное большинство его подзащитных — всего их было 24 — составляли люди, которых сама бедность бросила «на дно». Среди них немало пострадавших от засухи крестьян, искавших места чернорабочих и мастеровых, вечно недоедавших мелких чиновников. Крайняя нужда, изнурительный труд, неустро-

[1] Издававшийся в 20-х годах в Москве журнал «Суд идет» доводит эту цифру до 29 (см. «Суд идет», 1924 г., № 1, стр. 4). К сожалению, источник, которым подтверждается эта цифра, журнал не приводит.

По словам бывшего сотрудника Самарского губернского архивного бюро М. Тарасова, дел, рассмотренных с участием Ленина в Самаре, было около 30 (газ. «Коммуна», № 21/2732 от 25 января 1928 г.).

О том же сообщал корреспондент РОСТА в «Правде». В № 26 (3860) газеты, он писал, что «наиболее ценной находкой (в Самарском архиве — *И. С.)* нужно считать выявление 26 дел Самарского окружного суда, характеризующих эпизоды судебной практики В. И. Ленина как защитника» («Правда» от 2 февраля 1928 г.).

Однако ни первое, ни второе свидетельства не получили подтверждения в Центральном партийном архиве, куда мы обратились за справкой.

енность быта, а отсюда и алкоголизм делали их нарушителями закона.

Об уровне жизни и культуры крестьян Самарской губернии в годы пребывания там Ленина можно судить по положению деревни Алакаевки. В конце 80 — начале 90-х годов в ней насчитывалось 34 двора со 197 душами. У крестьян было всего 65 десятин земли, тогда как в распоряжении 24 помещичьих хозяйств губернии — 23 тысячи десятин (958 десятин на одного помещика!); 13 процентов дворов вовсе не имели земли, а 26 процентов дворов не имели лошадей. Среди алакаевцев не было ни одного грамотного[1]. Самарская губерния в целом по уровню грамотности стояла на 33 месте в стране[2].

Темные, обездоленные крестьяне и ремесленники искали спасения или хотя бы временного облегчения своего положения в алкоголе. В тяжелые моменты жизни они шли в кабаки, двери которых были открыты чуть ли не круглые сутки. По данным отчета губернатора, в 1892 г. в Самарской губернии насчитывалось 2077 питейных заведений. Только в Самаре «отцы» города — купцы открыли вблизи промышленных предприятий, па бойких улицах и набережной, где работали грузчики, 196 кабаков и «казенок». Болея за «духовный рост» самарцев, они не пожалели денег на постройку в городе трех соборов, двух монастырей и 22 церквей.

Извечную нужду и нищету в деревне усугубляли частые неурожаи. В результате засухи и голода 1891 г. вспыхнули «холерные бунты», участились имущественные преступления. На кражи шли подчас открыто, группами, семьями. В зимние и весенние месяцы преступность в губернии заметно возрастала. Именно в эти месяцы,

[1] См. *И. Ерканов.* Ленинские места в Куйбышеве. 1964, стр. 7.
[2] *М. Величко.* Страницы большой жизни. 1964, стр. 256.

в связи с окончанием полевых работ и навигации на Волге, резко увеличивалась армия безработных и голодающих. У ночлежных домов, в подземельях набережной Волги можно было видеть огромные скопления обезумевших от голода нищих. Дрожа от голода и холода, они просили хлеба и работы.

«Армия нищих,— сообщала 9 января 1893 г. «Самарская газета»,— с каждым днем все более увеличивается. Контингент нищенства ежедневно пополняется из пришедших в Самару рабочих на работу, которой в Самаре положительно нет». Не улучшилось положение и к весне. 16 апреля та же газета отмечала, что в Самару «...стали приходить целые толпы крестьян для приискания каких-либо работ». Но найти работу было невозможно.

Что оставалось делать этим горемычным? Как они могли достать кусок хлеба себе и своим голодным детям? Путь у них был один — красть, совершать преступления.

Выразительную картину состояния преступления в Самарской губернии в то время рисует нам официальный документ, подписанный царским наместником А. С. Брайчаниновым,— Отчет Самарского губернатора за 1892 г., адресованный правительству[1]. За этот год по губернии было зарегистрировано 3646 преступлений, в том числе: случаев богохульства, отступления от веры и святотатств — 33, неуважения к «присутственным местам» и неповиновения чиновникам — 41, злоупотребления по службе — 49, нарушения общественного спокойствия — 38, «смертоубийства» — 84, краж и грабежей — 3070.

Таким образом, подавляющее большинство зарегистрированных преступлений составляли посягательства на «чужую собственность».

[1] См. «Всеподданнейший отчет Самарского губернатора за 1892 год», Самара, 1893 г.

По делам об этих преступлениях было привлечено к уголовной ответственности 4010 человек. Большинство обвиняемых (3117) составляли крестьяне.

В отчете губернатора сообщается, что арестованных по подозрению или обвинению в совершении тяжких преступлений так много, что они не помещаются в камерах девяти имеющихся тюрем и 46 других арестных помещений. Вследствие тесноты, жаловался губернатор, вместо 679 человек в «тюремных замках» фактически размещено 1953 человека[1].

О высоком и устойчивом уровне уголовной преступности в губернском центре можно судить хотя бы по тому, что почти в каждом номере «Самарской газеты» печатались сообщения о совершенных «вчера» или «в конце истекшей недели» криминальных случаях. Чаще всего в рубрике «Местная хроника» шла речь о кражах. В одной из заметок, помещенной в газете 17 февраля, говорилось о двух крупных кражах, происшедших «этой ночью». От одной из них пострадал крупный хлеботорговец В., а от второй — купец Илья Алексеевич Рытиков. Из подвала его дома, что на углу Почтовой и Сокольничьей улиц, воры унесли различные вещи стоимостью в 300 рублей. Напомним, что на втором этаже этого дома в те дни проживал помощник присяжного поверенного В. И. Ульянов.

Но вслед за недородом 1891 года появились не только дела о кражах хлеба, но и дела о мошенничестве. Правда, последние редко доходили до суда: преступников выручало их имущественное или служебное положение, их связи с деятелями самарской Фемиды. Именно по этим основаниям ушел от ответственности пойманный с поличным земский начальник Бугурусланского уезда Аксаков. Решив подзаработать, он продал местной земской

[1] Всеподданнейший отчет... Самара, 1893, стр. 81.

Управе совершенно гнилой хлеб для раздачи голодающим крестьянам. Каким-то чудом против Аксакова было возбуждено уголовное дело, которое вскоре, однако, почему-то застопорилось. Вот что не без возмущения писал об этом В. И. Ленин в письме к В. Водовозову 24 ноября 1892 г.: «Дело (Аксакова — *И. С.*) получило законный ход, к прокурору — начато было следствие: говорят теперь, что дело это замято»[1].

В борьбе с последствиями голода, в частности, с кражами, царское правительство прибегало к различным полумерам. Некоторые из них не улучшали, а ухудшали и без того тяжелое положение крестьян. Речь идет о законах, направленных якобы на трудоустройство и защиту от голодной смерти мужиков, пострадавших от неурожая. На самом же деле эти законоположения имели своей целью не столько интересы голодающих, сколько увеличение доходов богатых. Капиталисты и различные государственные ведомства (например, ведомство путей сообщения) получали отныне на «законном основании» почти даровую рабочую силу. Для тех, кто, не оценив «заботу» своих «благодетелей», уклонялся от работы, предусматривались жестокие меры взыскания.

С разоблачением одного из таких драконовских законов Владимир Ильич выступил в газете «Искра» (№ 10) в ноябре 1901 г. (в самарский период его жизни ни одна газета, разумеется, не поместила бы такую статью). Проанализировав содержание закона (речь шла об утвержденных царем 15 сентября 1901 года «Временных правилах об участии населения, пострадавшего от неурожая местностей, в работах...»), автор статьи называет его новым карательным актом, дополняющим Уложение о на-

[1] «Вопросы истории КПСС», 1966 г., № 3, стр. 3 — 4. Приведенное письмо впервые было обнаружено в конце 1965 г. Г. Е. Хаит.

казаниях. Основание для такой оценки дали ему те параграфы «Правил», которые допускали применение чисто уголовных санкций к лицам, не согласным с вводимым для них «новым крепостным правом» (лишение свободы передвижения, отправка по этапу вместе с разбойниками за «уклонение от работы», арест за «нарушение тишины» и т. д.[1]

Ясно, что подобные законы вызывали справедливые протесты трудящихся, протесты, зачастую расценивавшиеся властями как «выступления против существующего строя».

В этих условиях объективно облегчалась работа, ширилось влияние нелегальных кружков; они росли количественно и изменялись качественно, переходя один за другим на платформу марксизма. Охранка не могла, конечно, не заметить связи между положением в деревне и нарастающим революционным движением в городе. Вот почему департамент полиции, имея в виду не только Самару, доносил министру внутренних дел: «Неурожай и голод 1892 года оживили деятельность народовольцев»[2]. Но о том, что угрожающе поднялась кривая преступности, что суды бросают в тюрьмы тысячи людей, вынужденных поднять руку на «чужую собственность»,— об этом в доносе не говорилось.

Именно вот такие правонарушители и обращались за помощью к Ульянову. И он охотно оказывал ее. Материальное положение и причины, толкнувшие их на преступление, глубоко интересовали его как марксиста.

Нельзя попутно не отметить, что еще в детские годы Володя Ульянов наблюдал и глубоко переживал нищету

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 5, стр. 205.

[2] Цит. по книге *В. Чуева* «В. И. Ленин в Самаре (1889—1893 гг.)». Документально-исторический очерк. М., Госполитиздат, 1960, стр. 65.

и бесправие деревенской и городской бедноты. Непосредственно виденное дополнялось услышанным из источников, не вызывавших никакого сомнения в их достоверности. Ими были рассказы отца, возвратившегося из очередной командировки, беседы отца с крестьянами, во время которых он нередко присутствовал, наконец, его личные встречи с алакаевскими мужиками. Эти и некоторые другие формы познания жизни (напр. судебная практика) дали ему возможность понять, насколько унизительным и бесправным было положение трудящихся в царской России и почему многие из них становились на путь преступлений.

По социальному положению подзащитные Ульянова подразделялись следующим образом: чиновников — 1, чернорабочих — 4, батраков — 3, мастеровых — 6, крестьян-бедняков — 10. Их дела дополняли и подтверждали материалы, собранные В. И. Лениным для его будущих теоретических исследований.

Бывали случаи, когда к Ульянову-защитнику обращались и представители других социальных групп населения, включая и крупных купцов. Но он по моральным соображениям обычно отказывался брать на себя защиту лиц, совершивших преступления из низменных побуждений. Уклонялся он и от ведения гражданских дел, если клиент был явно неправ, или, бравируя капиталом, нагло требовал «выиграть» процесс.

Ярким примером может служить дело купца первой гильдии Ф. Ф. Красикова. Узнав, что Красиков — спекулянт и мошенник и что дело о нем возбуждено по жалобе ограбленных им крестьян, В. И. Ульянов наотрез отказался вести его тяжбу. Тогда купец (это было в марте 1892 г.), зная о предстоящем суде, пошел на квартиру к Владимиру Ильичу, чтобы узнать причину отказа и во что бы то ни стало уговорить адвоката.

«— Вот я к тебе и пришел, выгораживай меня!

— Не могу,— отвечает,— не мастер.

— То есть как,— говорит,— не мастер? Ты вот этого, прости господи, прохвоста обелил! Да ему, подлецу, на каторге бы гнить за такие его против царя поносные слова, а ты его вчистую высвободил (купец имел в виду первого клиента Ленина — В. Муленкова — *И. С.*). Я так полагаю, что ты за то его выручил, что мужик он, а ты, известно, горой за них стоишь. И у меня расчет простой: коли знать будут, что ты за мое дело взялся, значит не так уж я виноват против мужиков выхожу... Ну, берись, что ли! Я ведь — не даром прошу. Грабь, сколько хочешь!»[1].

Эти слова окончательно вывели из равновесия Владимира Ильича. Повторив свой отказ, он вышел из комнаты, дав этим понять, что презирает назойливого посетителя. А на другой день, вспоминает Вентцель, в адвокатской комнате при суде между Лениным и старым судебным «волком» Ященко состоялся примерно такой разговор. Ященко начал прямо с вопроса-упрека:

«За что же вы это дело Красикова отказались вести? Сухо, сухо клиентов принимаете. Зря человека обидели, да и себе большой урон сделали. Ведь за ним потянулись бы к вам с делами и другие такие же, дела-то у них под одну стать. Лопатой бы денежки загребали!

— Заведомого вора защищать не охота!— был ответ»[2].

Этот разговор, происходивший в присутствии третьих лиц, стал вскоре достоянием многих адвокатов. Последние восторгались смелыми и логичными ответами помощника Хардина. Но причиной их радости служило,

[1] *Ф. Ф. Вентцель.* Таким я его помню. (Сб. «Жизнь, не подвластная времени», «Советский писатель», Л., 1965, стр. 11—13)

[2] Там же.

оказывается, желание уколоть зазнавшегося Ященко, умудрявшегося на не совсем чистых делах «капитал нажить и невинность сохранить».

Что касается поступка В. Ульянова (отказ вести дело Красикова), то он поражал их только своей «непрактичностью»[1].

Из протоколов судебных заседаний видно, что В. И. Ульянов выступал в процессах, в основном, по назначению суда, в порядке так называемой «казенной защиты», на которую многие адвокаты смотрели как на повинность. Приходилось вести защиту и по приглашению самих обвиняемых или их родственников. В числе подсудимых, которые предпочли иметь в качестве защитника В. И. Ульянова, были: В. Красильников, В. Юдин, В. Крылов, В. Муленков, Е. Тишкин, И. Зорин, К. Зайцев, И. Уждин, В. Красноселов, А. Карташев, Ф. Лаптев, В. Алашеев, А. Перушкин, Н. Языков, М. Бамбуров, В. Садлох, М. Опарин, Т. Сахаров, И. Чинов, братья Ф. и Н. Куклевы, Н. Гусев, С. Репин, С. Лавров.

Судя по результатам процессов, в которых участвовал Владимир Ильич, к защите (платной и бесплатной) он готовился самым тщательным образом. Объективным доказательством этому могло бы служить его досье[2] по делам. Помимо изучения материалов дела, он, как правило, беседовал с подзащитными, сопоставлял содеянное ими с фактами, которые он нередко сам наблюдал в бес-

[1] Как сообщил нам писатель З. Дичаров, воспоминания Ф. Вентцель, которые готовились им к печати, находились «... на проверке в Институте марксизма-ленинизма» и что «никаких сомнений в достоверности фактов, приводимых в них, не возникло» (Из письма З. Дичарова к автору настоящей работы от 2 февраля 1966 года).

[2] «Досье»— папки с выписками из материалов дела, планами допросов, тезисами речей. Их вели многие адвокаты.

хлебной Самаре и которые, быть может, только вчера горячо обсуждались в нелегальном кружке...

Если к сказанному добавить, что Владимир Ильич всегда вел себя на процессе просто, но с достоинством, смело и принципиально, не прибегая к защите «чего угодно» и «как угодно», то станет ясной причина его широкой и все возраставшей известности как адвоката.

Были случаи, когда подсудимые, получив в порядке казенной защиты адвоката с именем, отказывались от него, требуя, чтобы их защищал работающий у Хардина помощник. Так было, например, по делу Уждина, Красильникова и других. Для их защиты в суде был назначен второй бывший помощник Хардина, темпераментный оратор, криминалист О. Г. Гиршфельд. Когда он явился на беседу к своим подзащитным, то трое из них заявили, что желали бы иметь другого защитника, а именно Ульянова. О содержании просьбы подсудимых Гиршфельд довел до сведения суда и просил об освобождении его от обязанностей защитника.

В деле имеется рапорт адвоката на имя председателя окружного суда, датированный 15 апреля 1892 г. Автор рапорта просит освободить его от ведения этого дела по достаточно веским основаниям. Во-первых, потому, что подсудимые, как и четверо других арестантов, которых он должен был защищать (Уждин, Зайцев, Красильников, Муленков) «выразили желание иметь своим защитником пом. прис. поверенного В. Ульянова»; во-вторых, ввиду занятости его в гражданском отделении суда. Он просит, наконец, учесть, что В. Ульянов не возражает против принятия на себя защиты означенных крестьян.

О желании подсудимых Ульянову сообщил названный адвокат, либо кто-нибудь из судебных чиновников. Владимир Ильич согласился, о чем свидетельствует

сделанная им приписка на рапорте Гиршфельда: «Обязанность защиты подсудимых Тишкина, Зорина, Уждина, Зайцева, Красильникова, Гайсинского, Муленкова принять на себя согласен. Пом. прис. пов. В. Ульянов»[1].

Незначительный, на первый взгляд, факт. Но он лишний раз подтверждает популярность Ульянова-защитника в Самаре.

Что нам известно о линии поведения Владимира Ильича, о степени его активности в судебных процессах? К сожалению, очень мало. Надо иметь в виду, что тогдашние журналы судебных заседаний не имели ничего общего с протоколами, которые ведутся сейчас в советском суде. Роль секретаря в то время сводилась к даче кратких ответов на несколько десятков вопросов (пунктов), содержащихся в журналах. По этим скупым записям вышестоящие судебные инстанции должны были определить степень законности и полноты разбирательства дела. Характер и мотивировка ходатайств и речей сторон отражены в них предельно лаконично. Обычно, касаясь прений сторон, секретарь отмечал: «Прокурор и защитник произнесли речи». Или: «Стороны обменялись репликами». Встречаются, правда, как исключение, более подробные записи, представляющие несомненный интерес для читателя и, во всяком случае, для исследователей юридической деятельности молодого Ленина. (См. например, дело по обвинению Н. Языкова).

В большинстве же случаев в протоколах отсутствуют следы аргументации, которые приводил Ульянов, нет в них и изложения показаний свидетелей и подсудимых.

[1] Фотокопия этого документа экспонируется ныне в первом зале Центрального музея В. И. Ленина.

Интересно выяснить дату первой судебной защиты, проведенной Лениным. По мнению А. Аросева и А. Шефера, В. И. Ульянов впервые в качестве защитника выступил 11 марта 1892 г. И в этот день он, якобы, защищал крестьян Опарина и Сахарова. Другой автор, Л. Ковалев, относит первую ленинскую защиту к 8 марта.

В действительности же «боевое крещение» на судебном поприще Ульянов-юрист получил несколько раньше, а именно 5 марта того же года. И подзащитным у него тогда было совсем другое лицо.

В этот день он защищал В. Ф. Муленкова, портного по профессии, 34 лет. Его клиент обвинялся в тяжком по тем временам преступлении — «богохулении»[1]. Подсудимому, как это видно из обвинительного акта, вменялось в вину то, что он 12 апреля 1891 г., будучи в нетрезвом виде, в публичном месте (в бакалейной лавке с. Шиланский Ключ), «матерно обругал бога, пресвятую богородицу и пресвятую троицу». Затем, по словам свидетелей, он удостоил своим вниманием императора и его наследников, заключив, что «государь неправильно распоряжается...». Эти действия были квалифицированы по ст. 180 Уложения о наказаниях, согласно которой преступным признавалось произнесение в публичном месте слов, имеющих вид богохульства, или же поношение святых господних, или порицание веры и церкви православной, учиненных без умысла оскорбить святыню, а по невежеству или пьянству. Та же хула, но «с умыслом совершенная», влекла за собой назначение виновному каторги сроком до 15 лет (ст. 176 Уложения).

Дело слушалось в Самарском окружном суде в коллегии из трех коронных членов присутствия, без присяжных заседателей и при закрытых дверях (по предложению

[1] См. ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС, ф. 461, ед. хр. 25952.

прокурора). От права просить суд об оставлении в зале заседания не более трех родственников Муленков отказался.

В журнале судебного заседания окружного суда по уголовному отделению «марта 5 дня» отмечено, что «защитником подсудимого был помощник присяжного поверенного Ульянов, избранный самим подсудимым» (д. № 68, л. д. 40). Там же далее указано, что подсудимый от дачи объяснений отказался.

Стали давать показания свидетели. Каждый из них уличал подсудимого. Первым дал показания лавочник, который якобы сам слышал, как Муленков «выражался разными неприличными словами и обругал царя и бога скверно, матерно...». Следующий свидетель, Михаил Борисов (сын лавочника), уточнил обстоятельства, при которых он лично «все слышал». В это время, по его словам, он читал книжку про убийство Александра II. В ответ на его вопрос, узнает ли Муленков портрет царя, нарисованный на обложке книги, подсудимый «стал ругать царскую фамилию».

Свидетели, подтвердив ранее данные показания, решили «уточнить» лишь одну деталь — степень опьянения Муленкова. Словно сговорившись, они стали убеждать суд в том, что «богохульственные слова» Муленков произносил, не будучи сильно пьян. Они только теперь вспомнили, что тогда он «довольно твердо стоял на ногах» (л. д. 41 об.). Такое «уточнение» было на руку и прокурору Радковскому и полицейскому уряднику Ралдугину, производившему дознание. В справке об окончании дознания Ралдугин, в противоречии с показаниями свидетелей-очевидцев и объяснениями обвиняемого, написал, что последний «во время богохуления был трезв». Разумеется, это обстоятельство было отнесено судом отнюдь не к числу смягчающих вину Муленкова...

Аналогичные, но еще более убийственные для подсудимого показания дал полицейский урядник II участка Самарского уезда.

Трудность защиты в этом деле обусловливалась не только характером и доказанностью обвинения, отсутствием присяжных заседателей и «упрямством» подсудимого. Она становилась по существу бесполезной, поскольку ее противником, помимо прокурора, было лицо, именем которого вершилось «правосудие» в тогдашней России. Не всякий адвокат согласился бы выступить в таком процессе. Ведь защита в царском суде человека, подобного Муленкову, могла серьезно отразиться на официальной репутации, а следовательно, и на карьере адвоката.

Когда же обратились к помощнику Хардина, В. И. Ульянову, он включился в процесс и мужественно провел его до конца. По вопросу о том, почему выбор защитника пал на В. И. Ульянова, существует ряд версий. Согласно одной из них, Муленков знал Владимира Ильича еще до процесса. Он мог знать его благодаря следующим двум обстоятельствам.

Первое: Ленин, бывая на прогулках, захаживал в соседние с Алакаевским хутором деревни. Заглянул он, быть может, и в родное Муленкову село, Шиланский Ключ. Общительный по натуре, Владимир Ильич заводил разговоры с тамошними мужиками, среди которых мог находиться и его будущий подзащитный.

Второе: в юношеские годы, живя в деревне Большие Манадыши Симбирской губернии, Муленков мог слышать много хорошего о «главном учителе» — Ульянове-старшем, тогдашнем инспекторе, а позже — директоре народных училищ.

Разузнав, что помощник присяжного поверенного из Алакаевки — сын Ильи Николаевича Ульянова, Муленков

захотел иметь своим адвокатом только его[1]. Эта версия, построенная на логике фактов, представляется нам более правдоподобной.

Чрезвычайно интересно знать содержание защитительной речи по этому делу. Слышать ее довелось немногим: составу суда, прокурору, Муленкову, да конвоирам (процесс был негласный). И все же главное из этой речи дошло до нас, дошло через приговор суда.

Хорошо и верно сказал о защите в деле Муленкова В. Шалагинов: «Слова этой защиты, надо думать, действительно потеряны и для истории, и для права. Но мысль? Разве мысль гения когда-нибудь уходила, ничего не оставив. Она, без сомнения, оставила себя и в этом суде, в этом деле. Но в чем же конкретно? Очевидно, прежде всего в результате»[2].

Ленинскую мысль, доводы и оценки Ульянова-защитника донесла до судей его речь, а до нас, потомков, их донесли приговоры по делам, рассмотренным с его участием. Приговор по делу Муленкова оказался сравнительно мягким. Перед логикой В. Ульянова не могли устоять чиновники, решавшие судьбу обвиняемого.

Об основных тезисах защитительной речи в этом процессе можно судить по обстоятельствам дела. По ним нетрудно понять душевное состояние и мысли «преступника» до и в момент совершения им «преступления». Более того, обстоятельства дела помогают воссоздать образ Муленкова, портрет которого запечатлен художником Б. И. Лебедевым в широкоизвестной картине «Выступление помощника присяжного поверенного В. И. Ульянова по делу Муленкова».

[1] См. *Г. Самарин.* Шиланская быль. «Медицинская газета», 22 апреля 1966 г.

[2] *В. Шалагинов.* Помощник присяжного поверенного Ульянов. Самара. «Сибирские огни», 1965, № 4, стр. 114.

Да, такие, как Муленков, могли сказать больше и резче о религии и о союзнике ее — царском правительстве. Муленков, оказывается, давнишний «знакомый» полиции. Он еще до случая в лавке был подчинен надзору. Трудная, полная мытарств, жизнь, неурожай 1891 г. и связанные с ним картины народного бедствия давали ему богатую пищу для размышлений и выводов. Важнейший из них: все, что он слышал в церкви о боге и царе и чему верил с детства — насмешка над верующими. Враждебное отношение к религии сочеталось у Муленкова со столь же враждебным отношением к самодержавию и его представителям.

Потеряв веру и уважение к святым, Муленков, будучи «навеселе», и высказал то, за что он сел на скамью подсудимых. Ведь по его разумению сказанные им слова — чистая правда. Поэтому ему было странно и непонятно, за что его взяли под стражу и повели в суд.

Обо всем этом мог сказать (а может быть и пытался сказать) смелый защитник Муленкова. Мог... Но дело-то в том, что в условиях царской юстиции адвоката ограничивали и закон и суд. Как только он переходил границы дозволенного, его тут же прерывали или совсем лишали слова.

Если бы не мешали судьи, Владимир Ильич, разумеется, поспорил бы с самим законом. Для него не составляло особого труда доказать, что не только ст. 180, но и все остальные 65 статей второго раздела Уложения, трактующего «о преступлениях против веры и о нарушении ограждающих оную постановлений», совершенно не совместимы с принципом свободы совести. Защитнику легко было показать, что все нормы этого раздела демонстрируют «священный союз» буржуазно-помещичьего государства с религией и объясняют, почему царское правительство защищает церковь, а церковь прославляет

правительство. Анализируя поступок Муленкова, защитник мог легко доказать его ненаказуемость, ибо он совершен без умысла. Что касается произнесения «крамольных» слов, то в этом виноват, прежде всего, ...«царь-голод».

Несомненно, помощник присяжного поверенного отверг попытки прокурора доказать, будто, ругаясь, Муленков хотел осквернить святыню или поколебать веру в бога у свидетелей, находившихся в бакалейной лавке; он имел основание убеждать судей в том, что непотребные слова его подзащитный произнес исключительно под влиянием опьянения[1] и нахлынувших на него воспоминаний о поведении служителей церкви, в которой он (Муленков) был хористом...

Не мог защитник обойти молчанием те листы дела, в которых говорилось о нанесении обиды царю и его фамилии. С формально-юридической стороны об этом обвинении защита могла и не упоминать: оно не фигурировало в обвинительном акте. Но Владимир Ильич как юрист допускал, что судьи, читавшие показания свидетелей обвинения, непременно заметят это и постараются учесть. И это естественно, поскольку слова мужика-бунтаря будут оценивать его прирожденные враги, верные слуги царя. У защиты были поэтому основания считать, что там, в совещательной комнате, судьи непременно поступят так, как велит им их верноподданническое буржуазно-помещичье правосознание. Учитывая эти обстоятельства, защита, несомненно, должна была обратить внима-

[1] Бесспорно, фиксируя внимание суда на факте опьянения Муленкова в момент «преступления», защита не могла не добиваться придания ему значения смягчающего вину обстоятельства. Такой образ действия адвоката диктовался одним из разъяснений Сената к ст. 106 Уложения о наказаниях.

ние «высоких судей» на закон (ст. 752 Устава уголовного судопроизводства), который обязывал их при решении судьбы подсудимого не выходить за рамки первоначально предъявленного ему обвинения.

Благодаря активности Ульянова в судебном следствии, его искусству допрашивать, сводить на нет значение показаний пресмыкающихся перед властями свидетелей, суд не рискнул выйти за рамки обвинительного акта и признал Муленкова виновным только в богохульстве. Это была серьезная победа защиты.

Оправдать подсудимого значило бы осудить законодателя, сотворившего эту нелепую норму. По понятным причинам, отважиться на это суд не мог.

Приговор, вынесенный по этому делу,— заключение в тюрьму на один год — неопровержимо свидетельствует о том, что защитник сделал для Муленкова больше того, что можно было сделать в тех условиях.

Следует заметить, что при описании процесса Муленкова некоторые авторы допускают неточные утверждения. Так, например, Б. Волин[1], Т. Барковская[2], В. Шалагинов[3] пишут, что в рассмотрении дела Муленкова участвовали присяжные заседатели. Это неверно. Дело его рассматривалось тремя членами уголовного отделения Самарского окружного суда.

Современник В. И. Ленина по Самаре Ф. Ф. Вентцель[4] в своих воспоминаниях ошибочно заявляет, будто Муленкова приговорили к полутора годам лишения свободы.

[1] *Б. Волин.* В. И. Ленин в Самаре (экстернат и адвокатура). «Исторический журнал», 1943, № 1, стр. 57.

[2] *Т. Барковская.* Начало большого пути. Куйбышевск. кн. изд., 1964, стр. 221.

[3] *В. Шалагинов.* Помощник присяжного поверенного В. И. Ульянов, «Сибирские огни», 1965, № 4, стр. 113.

[4] *Ф. Вентцель,* цит. соч., стр. 11.

Этого не могло быть, так как максимальный срок тюремного заключения по ст. 180 не превышал 1 года и 4-х месяцев.

Надуманным следует считать описание А. Романовым беседы прокурора, выступавшего по делу Муленкова, с защитником. Автор пытается уверить читателей, будто после процесса «товарищ прокурора» наговорил Ульянову кучу комплиментов, в частности, якобы сказал, что несколькими своими выступлениями Владимир Ильич уже завоевал себе славу Марата[1]. Сказать нечто подобное прокурор не мог, хотя бы потому, что выступление Ульянова в суде 5 марта было пока единственным в его адвокатской практике.

В Куйбышевском государственном архиве нам показали еще несколько десятков дел о богохульстве. Знакомимся, прежде всего, с обвинительными актами и приговорами. Читая их, лишний раз убеждаешься в том, что в конце XIX и даже еще в начале XX века в России людей судили и бросали в тюрьму за... неверие в бога, за непризнание евангелия, за непочтительное отношение к особе всевышнего и окружавших его святых и ангелов.

Не эти ли законы, не процессы ли несчастного Муленкова, Князева и других имел в виду Владимир Ильич, когда спустя 13 лет в статье «Социализм и религия» писал, что это были «...средневековые, инквизиторские законы (по сю пору остающиеся в наших уголовных уложениях и уставах), преследовавшие за веру или за неверие, насиловавшие совесть человека...»[2]

Туго приходилось в царском суде подсудимым и их защитникам, если объектом преступления была частная

[1] *А. Романов.* Над Шиланом солнце. Журн. «Наука и религия», № 1, 1964, стр. 6.

[2] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 12, стр. 144.

собственность, а потерпевшими являлись представители имущих классов. Это легко показать на делах о кражах, рассмотренных Самарским окружным судом в 1891—1893 гг.

Вот одно из таких дел. Обвинялась по нему группа крестьян (И. Уждин, К. Зайцев, И. Красильников) в покушении на кражу хлеба из амбара кулака-хуторянина Ф. Кривякова. По просьбе подсудимых их защищал В. Ульянов. Дело слушалось 16 апреля 1892 г. с участием присяжных.

Спорить против доказанности обвинения и правильности юридической квалификации было невозможно. Характер заявленного Ульяновым ходатайства о понижении наказания дает основание предполагать, что защита по этому делу велась в направлении объяснения мотивов, толкнувших подсудимых на преступление, и указания на смягчающие их вину обстоятельства.

Вот что показали сами обвиняемые о причине совершенной ими кражи: чернорабочий Игнатий Красильников на допросе у следователя подробно и чистосердечно рассказал, при каких обстоятельствах он сделался вором. Будучи в Самаре, он зашел навестить знакомого крестьянина Кузьму Зайцева. В квартире последнего застал неизвестного ему человека по имени Илья (это был Уждин). Незаметно разговор у них зашел «про нужду и хлеб». Затем Красильников, которого дома дожидались голодные жена и двое детей, предложил забраться в амбар Кривякова, у которого, как ему было известно, «много хлеба» (л. д. 39—40 об.).

Кузьма Федорович Зайцев, тоже чернорабочий, обремененный двумя детьми-полусиротами, дал аналогичные показания. Мысль о краже, сказал он, возникла в ходе печального разговора «о голоде, о том, что работы нет и хлеба достать негде» (л. д. 37—38 об.).

В том же духе дал объяснения и сапожник Илья Уждин. На вопрос следователя он ответил коротко и ясно: «Положительно есть нечего и взять негде, а между тем — семья и кормить ее нужно». У него на иждивении, кроме больной жены, было трое детей.

Подстрекаемые печальными взглядами изголодавшихся детей хозяина комнаты и словами Красильникова, они пошли на хутор, к Кривякову. Это было в ночь на 28 сентября 1891 г. Не успели они открыть амбар, как были схвачены, не воспользовавшись ни одним зернышком.

Адвокат, разумеется, не мог обойти молчанием столь красноречивые объяснения своих подзащитных.

И все же царский суд — страж «священной собственности», признал виновными всех троих. Каждого из них он приговорил к заключению в исправительно-арестантские отделения сроком на три года[1].

Отдача осужденного в исправительно-арестантские отделения считалось более строгим наказанием, чем тюремное заключение. Лица, попавшие в эти места заключения, использовались на очень тяжелых работах; за нарушение дисциплины их можно было бить розгами, брить наголо, заключать в оковы. В годы работы В. И. Ленина защитником суды часто прибегали к этой мере, особенно по делам об имущественных преступлениях. Ежегодно в 32 арестантские отделения России направлялось не менее 10 000 человек[2].

Приговор по этому делу был сверхжестоким, бесчеловечным. Другого мнения о нем были члены окружного суда и присяжные заседатели. Ведь в их глазах Уждин, Зайцев и Красильников — это не доведенные до отчаяния

[1] ЦПА ИМЛ, ф. 461, ед. хр. 25956.

[2] *Н. Таганцев.* Русское уголовное право. Лекции. Часть общая. СПб. 1902, стр. 1024.

отцы, а шайка грабителей, место которой за решеткой. Оставшись на свободе, рассуждали про себя судьи, они еще заберутся и в их погреба...

Несмотря на несправедливость наказания, кассации не последовало. Почему же? Представляется, потому что защите была ясна бесполезность этого шага. Ведь по закону Сенат — высший кассационный суд России — не входил в существо дела, его интересовали лишь кассационные поводы, которых в этом деле как раз и не было...

В тот же день (т. е. 16 апреля) Ульянов вторично защищал уже знакомого нам В. Ф. Муленкова, месяцем раньше осужденного за богохульство. Теперь он привлекался по обвинению в четырех кражах. Каждому из четырех эпизодов следователь посвятил отдельный том. В первом из них шла речь о покушении на кражу имущества у некоего А. Селичева. Содержание второго тома составляло описание и обоснование кражи Муленковым денег (2 р. 60 к.) у знакомого нам по делу о богохульстве лавочника А. Борисова; о краже пальто у крестьянина Е. Желтухина говорилось в томе третьем. Наконец, последний том был наполнен предположениями следователя и подозрениями потерпевшей Афимьи Прокаевой о том, что Муленков похитил у нее несколько штук рубашек...

Чтобы представить себе позицию защиты в данном деле, необходимо ознакомиться с тем материалом, которым следователь пытался обосновать вину Муленкова. При поверхностном обозрении может показаться, что все четыре пункта обвинения доказаны. Но таково лишь первое впечатление.

Возьмем, к примеру, обвинение Муленкова в похищении из незапертой бакалейной лавчонки Борисова портмоне, в котором находилось 2 руб. 60 коп. На чем оно базируется? По мнению следователя, на трех «серьезных» уликах: во-первых, на подозрении, высказанном

лавочником в том смысле, что Муленков уже несколько раз судился за кражи, следовательно, это «его работа...»; во-вторых, на показаниях свидетеля Клементьева, видевшего, как Муленков входил в лавку, и, наконец, на результатах обыска, во время которого в чулке, снятом с ноги обвиняемого, были, якобы, обнаружены 2 рубля. То, что Муленков отрицал последнее обстоятельство, пояснив, что при обыске у него нашли всего 4 копейки, о чем знает односельчанин — очевидец его задержания Макар Лазарев, не смутило следователя. Он просто обошел эти показания обвиняемого, не считая необходимым реагировать на них.

Доказательств же, уличающих Муленкова в краже у Желтухина, вообще не было, если не считать показаний потерпевшего о том, что подозреваемый им человек несколько раз судился за кражу... В этот же день похищенные вещи Желтухина, стоимостью в 17 рублей, были обнаружены на берегу речки самим потерпевшим.

Обвинение в краже у Прокаевой «обосновывалось» подозрением потерпевшей и показаниями свидетеля П. Стекольникова, уверявшего, что обокрасть Прокаеву «никто, кроме Муленкова, не мог» ...ибо он «страшный вор и все его боятся» (из протокола допроса от 23/XI—1891 г.).

Обвиняемый ни по одному из предъявленных ему обвинений как на предварительном следствии, так и на судебном виновным себя не признал, хотя причастность его ко второму эпизоду кое-чем подтверждалась.

Что касается остальных трех эпизодов, то с точки зрения защиты их следовало из формулы обвинения исключить. Этого следователь не сделал. А судебная палата, закрыв глаза на факт полнейшей недоказанности названных эпизодов, в своем определении от 22 января 1892 г. безоговорочно признала «следствие (по делу Муленко-

ва — *И. С.*) достаточно полным..., а собранные по делу улики достаточными для предания суду».

Но то, чего не сделали следователь и надзорная судебная инстанция, должен был сделать суд, рассматривавший дело по существу. Убедить в этом суд — важная и трудная задача, которая стояла перед защитой. И, как мы сейчас увидим, помощник присяжного поверенного В. И. Ульянов решил ее успешно.

В своей защитительной речи он не мог не раскритиковать обвинение и его опору — улики. Кроме того, в интересах защиты было дать подробную характеристику личности подсудимого, без знания и учета которой суд может ошибиться как при решении вопроса о виновности, так и при выборе меры наказания. Поэтому, апеллируя к материалам дела (показаниям свидетелей, личным объяснениям подсудимого), Ульянов показал, что его подзащитный — бедняк из бедняков, что у него «ни кола, ни двора». Да, он портной, но портняжное ремесло не кормит его из-за отсутствия заказов. Поэтому, как заявил свидетель Михаил Курняков, чтобы не умереть с голода, Муленкову приходилось просить милостыню...

Ответы присяжных заседателей на вопросы, поставленные перед ними судом, на редкость лаконичны, они не содержат никакой мотивировки. Из них явствует, что Муленков признан виновным только в одной из 4-х приписанных ему краж — краже у лавочника Борисова.

Излишне говорить, что вердиктом присяжных защита была вполне удовлетворена. Но оставалось еще высказать несколько соображений, относящихся к юридической квалификации действий Муленкова. Эти соображения небезразличны ни подсудимому, ни суду, который вот-вот удалится в совещательную комнату для вынесения приговора.

По делу возникло три вопроса чисто правового характера. Первый: какой по счету следует считать кражу у Борисова, признанную присяжными доказанной,— второй или третьей? От решения данного вопроса зависела правовая оценка действий подсудимого.

Что могла сказать защита о приговоре, вынесенном Самарским окружным судом о Муленкове 10 ноября 1887 г.? Используя свои знания об институте давности, защитник, надо полагать, напомнил суду, что кража, за которую Муленков осужден осенью 1887 г., покрыта давностью, ибо от времени отбытия наказания по названному приговору до времени совершения кражи у Борисова истек восьмимесячный давностный срок, предусмотренный ст. 132 Уложения о наказаниях.

Второй вопрос, по которому защита должна была определить свою точку зрения, касался юридической природы кражи у Борисова: является ли она простой или квалифицированной? Доказать, что рассматриваемая кража относится к числу простых и потому подлежит квалификации по ст. 169 Устава о наказаниях, налагаемых мировыми судьями, защите было легко.

Наконец, нельзя было обойти и третий юридический вопрос — вопрос о возможности определения подсудимому наказания по совокупности, имея в виду приговор по делу о богохульстве от 5 марта, который остался не приведенным в исполнение. И вот, наконец, оглашается приговор. Муленков признан виновным в одной лишь краже. В качестве наказания за нее суд назначил 8 месяцев лишения свободы. По тем временам, с учетом характера преступления и прежней многократной судимости подсудимого, это было достаточно умеренным наказанием. По совокупности же суд признал «справедливым» ограничиться мерой наказания, определенной Муленкову за богохульство, то есть одним годом тюремного заключения.

Это была еще одна победа защиты, еще один приговор, содействовавший популяризации имени Ульянова.

Однако «мягкий» приговор разгневал государственного обвинителя. Вскоре в Петербург полетел кассационный протест, и Сенат удовлетворил его. Указом от 18 июня 1892 г. (№ 4885) приговор был отменен. Свое решение Сенат обосновывал тем, что суд первой инстанции неправильно квалифицировал действия подсудимого, вследствие чего и определил ему «чрезмерно мягкое» наказание.

При новом рассмотрении этого дела, проходившего с участием адвоката Гиршфельда[1], Муленкова наказали строже: его осудили к полутора годам заключения в исправительно-арестантские отделения.

Приговор по делу № 160 (о конокрадстве) был, пожалуй, самым строгим, если сравнить его с судебными решениями, вынесенными по другим делам, защиту в которых осуществлял В. И. Ульянов. Присяжные, большинство которых по этому делу составляли богатые крестьяне, решили примерно наказать («чтоб другим неповадно было!») пойманных конокрадов. Ненависть к этой категории преступников у царских судей была настолько велика, что в вердиктах по их делам почти не встречались оговорки «заслуживает снисхождения».

Какое же преступление совершили подсудимые 29-летний «запасной канонир» Егор Тишкин и его 22-летний товарищ, плотник по профессии, Иван Зорин? Согласно обвинительному акту их обвиняли в том, что вечером 7 января 1892 г. они угнали лошадь с упряжью, стоявшую у подъезда одного из публичных домов Самары, с целью продажи. Одной своей особенностью рассматриваемое

[1] В. И. Ульянова в это время в Самаре не было.

дело перекликается с процессом Алашеева и Перушкина, о котором речь пойдет ниже. В обоих делах роковую роль сыграли бедность подсудимых и подстрекательство лиц, связанных с полицией. В обоих делах перспектива хоть немного «заработать» толкнула голодных молодых людей на преступление. Не будь подстрекательства и содействия со стороны Абрамова и Червякова (во втором деле), Маштакова и Комаровского (в первом) Тишкин и Зорин, возможно, не оказались бы на скамье подсудимых.

Протоколы допросов, составленные дознавателем и следователем, а также журнал судебного заседания позволяют с относительной полнотой восстановить картину, предшествовавшую краже лошади, и того, что случилось с предметом кражи и ее похитителями после преступления.

Агенты полиции Комаровский и Маштаков давно уже заметили в чайных и просто на улице плохо одетых, праздношатающихся Тишкина и Зорина. Они решили познакомиться с молодыми людьми и «прощупать» их. Убедившись в том, что «запасной канонир» ни военной, ни гражданской службы не имеет, а топор плотника начал ржаветь и что поэтому они очень нуждаются в деньгах, агенты приступили к реализации своего гнусного плана. В одном из трактиров они угостили спиртным и накормили завтрашних конокрадов. Выдав себя за покупателей краденых лошадей, полицейские сыщики стали уговаривать Тишкина и Зорина отправиться за добычей. Договорились, что угнанные лошади будут доставлены в условленное место на набережной Волги. Только в положении, в котором находились будущие подзащитные В. И. Ульянова, можно было согласиться на предложение подстрекателей. Высмотрев и похитив безнадзорную лошадь извозчика Горшкова, Тишкин и Зорин увели ее в место, где

их уже ждала и, конечно задержала полиция, присланная подстрекателями.

Трудно было защищать конокрадов в царском суде. Положение подсудимых и защиты ухудшалось, в частности, тем, что в городе в тот период участились случаи угона чужих лошадей. Присяжные, глядя на подсудимых, видели в них возможных похитителей своих собственных рысаков. Плохую услугу оказала подсудимому Тишкину справка о его прежних судимостях, оглашенная секретарем судебного заседания.

Защите было бы гораздо легче бороться с обвинением, будь преступление, приписанное подсудимым, слабо доказано, а подзащитные не пойманы с поличным. Но против очевидности обвинения нельзя было спорить, тем более, что Тишкин и Зорин во всем чистосердечно признались. О чем же мог говорить в данном случае защитник? О многом и в особенности о подстрекательстве и провокациях полицейских агентов, толкнувших бедных людей на преступление. Наверняка он указал и на то, что полиция нарочно не приняла мер к предотвращению преступления, сознательно дала конокрадам сделать все, чтобы иметь «осязательный corpus delicti»[1]. Он не мог не говорить о бедственном положении, в котором очутились в голодном и холодном 1892 г. (дело было в январе) его подзащитные.

Но по причинам, о которых мы упоминали выше, судьи оказались глухими к доводам и аргументам защиты. Присяжные не усмотрели в деле смягчающих вину «конокрадов» обстоятельств. Они отказали защите присовокупить к своему ответу о виновности слова «заслуживают снисхождения». 18 апреля был оглашен приговор,

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 6, стр. 101.
Corpus delicti — состав преступления.

на основании которого Тишкин лишился свободы на 3,5 года, а 22-летний Зорин — на 9 месяцев.

Много времени и сил потребовало у защиты дело № 180. Оно было групповым и многоэпизодным. Привлекались по нему крестьяне П. Чинов (он же Ганин), братья Федор и Николай Куклевы и «незаконнорожденный солдатский сын» Семен Лавров.

Согласно обвинительному акту, перечисленные лица «по предварительному между собой уговору» в ночь на 14 декабря 1891 г., сломав замки, обокрали амбары трех «зажиточных крестьян» (кулаков): Борисова, Никитина и Чибисова. У первого они, якобы, похитили два пуда гороха и хомут, у второго — около 40 пудов пшеницы; наконец, у третьего — тоже некоторое количество зерна. Следует отметить, что кража у Чибисова случилась давно, еще летом (12 июня) 1889 г. Значилась она нераскрытой, но как только были задержаны Чинов и его товарищи, то им, с легкой руки урядника Рандуллина, производившего дознание, приписали и чибисовскую кражу.

Подсудимые виновными себя не признали и дали убедительные и правдоподобные показания о своей непричастности к делу. Но, поскольку все они (кроме Куклева-младшего) в прошлом были судимы за кражи, а главное потому, что они — бедняки, следователь не придал их объяснениям серьезного значения. Задача защиты и сводилась к тому, чтобы внушить судьям доверие к показаниям подсудимых, убедить их в том, что они правдоподобны. И, как мы увидим, В. И. Ульянову несмотря на все трудности удалось это сделать.

Каким же образом?

Тщательно изучив материалы и обстоятельства дела, защитник увидел, что собранные следствием улики недостаточны и в значительной мере шатки. Он, конечно, об-

ратил внимание на грубые процессуальные нарушения, на ряд неопровержимых фактов ущемления права обвиняемых на защиту. Так, следователь, а затем и суд необоснованно отклонили просьбу Чинова о допросе в качестве свидетеля Даниила Шипова, могущего подтвердить факт покупки соподсудимым Лавровым пшеницы, с которой его задержали. Защитник, по-видимому, задел и «мотивы» отклонения этого ходатайства. Первый из них сводился к тому, что Шипов не допрашивался на предварительном следствии. Второй мотив выглядел еще более наивно и тенденциозно: показания Шипова могут служить к оправданию Лаврова, а не автора ходатайства. Так черным по белому было написано в определении, находящемся на листе 21—21 об. сохранившегося подлинного судебного дела.

Совершенно безмотивно следователь отверг оправдывающие Чинова показания свидетелей Петра и Григория Пруссаковых, его односельчан. Эти свидетели, в частности, подтвердили, что у Чинова была своя пшеница, которая временно (до свадьбы сына) хранилась у них ввиду отсутствия у подсудимого своего амбара.

Резкой критики защиты заслужила «экспертиза», установившая идентичность зерна, изъятого при обыске у обвиняемых, с зерном, взятым в качестве пробы у потерпевших. В роли эксперта выступали не специалисты, а свидетель по делу Рогожин и заинтересованные в исходе дела потерпевшие. Непосредственным процессом сличения образцов пшеницы руководил судебный следователь. Во избежание нежелательных «придирок», он пригласил двух мужиков, которые в качестве понятых присутствовали при сличении. По словам Рогожина, сотский вручил ему пробу из пшеницы, отобранной якобы у обвиняемых, и велел сходить с ней к потерпевшим. Взяв из амбаров последних вторую пробу, он, Рогожин, в присутствии

«уважаемых хозяев» приступил к сличению, после чего оказалось, что... «пшеница (из первой пробы — *И. С.*) краденая»...

Притом, протокола об изъятии проб пшеницы у потерпевшего Никитина и у Лаврова в деле нет; нет никаких следов и о том, что и мешочки с зерном, отобранным для сличения, были опечатаны.

На таком же, с позволения сказать, «научном уровне» проводилась «экспертиза» двух проб пшеницы и на суде. Факт тождественности проб удостоверили... судьи с помощью... потерпевших.

Можно себе представить, какой уничтожающей критике была подвергнута эта так называемая «экспертиза» со стороны защитника!

Не могла защита пройти и мимо обстоятельств, связанных с привлечением к ответственности Куклева-младшего. Как мог оказаться на скамье подсудимых этот 13-летний паренек[1], в отношении которого не было собрано решительно никаких доказательств виновности и не было вынесено даже решения о предании его суду? О нем нет почти ни слова ни в обвинительном акте, ни в определении судебной палаты от 27 марта.

Личность подсудимых, условия их жизни до совершения преступления должны быть всегда предметом пристального внимания суда, который должен учитывать их при вынесении приговора. Особенно важно было иметь в виду это при решении вопроса о судьбе Куклева. И можно представить себе, с какой убежденностью и яростью говорил адвокат об ужасающей бедности Куклевых, которых часто видели собирающими милостыню, как

[1] Согласно ст. 137 Уложения о наказаниях уголовное преследование правонарушителей допускалось по достижении ими 10-летнего возраста.

просил он не забывать слов, сказанных старшим из братьев на предварительном следствии: «на воровство пошел... по нужде, семья большая, а хлеба не было» (т. I, л. 65). Защитник просил суд иметь в виду, что его клиенты — многодетные отцы, имеющие каждый по трое-четверо детей. Прочность и убедительность доводов, содержавшихся в речи защитника, не могли не повлиять на вердикт присяжных, а затем и на приговор суда.

Коронный состав суда поставил на разрешение заседателей 11 вопросов. Большинство их ответов было благоприятным для защиты. На первый вопрос — о виновности Чинова и его соучастников в краже у Чибисова и Никитина — присяжные хотя и ответили утвердительно, но тут же сделали две весьма существенные оговорки: во-первых, что кража эта была осуществлена «без взлома замков», а во-вторых, что подсудимые «заслуживают снисхождения».

«Нет, не виновен»,— был их ответ на вопрос о виновности в кражах Николая Куклева. Невиновным признали они и Чинова по обвинению его в краже у Чибисова.

Отрицательно («нет, не виновен») ответили присяжные на 9-й и 11-й вопросы, в которых выяснялось их мнение по поводу виновности Куклева-старшего и С. Лаврова в совершении кражи у Борисова.

После оглашения старшиной присяжных вердикта защите тотчас же стало ясно, каким будет приговор. В окончательной форме он был объявлен 15 июля 1892 г. Чинов, Ф. Куклев и Лавров были признаны виновными только в двух кражах (у Чибисова и Никитина) и подвергнуты за это направлению в исправительно-арестантские отделения сроком на 2 года (первый из них) и заключению на год в тюрьму (второй и третий).

По обвинению в совершении кражи у Борисова суд решил считать всех этих лиц оправданными. Полностью

оправданным вышел из зала суда Куклев-младший. Совершенно очевидно, что исходом этого дела защита могла быть вполне довольна.

Относительно мягким приговором закончился и процесс трех мастеровых В. Алашеева, А. Карташева и Д. Перушкина, которых также защищал В. И. Ульянов. Эти совсем еще молодые люди обвинялись в том, что в течение зимы 1891 г. по предварительному между собой уговору тайно похитили у купца Духинова 20 стальных рельсов и, кроме того, в начале января 1892 г. украли у купчихи Бахаревой чугунное колесо, лежавшее возле ее лавки.

На скамье подсудимых оказались также и подстрекатели преступления и покупатели заведомо для них краденого Абрамов и Червяков.

Дело по обвинению этих лиц разбиралось в Самарском окружном суде, его уголовном отделении, 26 октября 1892 г. с участием присяжных заседателей.

Как отмечено на листе дела 84, защитником первых трех подсудимых был избранный ими В. Ульянов. Его подзащитные Алашеев и Карташев признали себя виновными полностью, Перушкин — частично: он отрицал свое участие в похищении колеса у Бахаревой.

Подробные показания подсудимых были ценны для защиты тем, что в них содержалось не только чистосердечное признание и осуждение содеянного, но и подробное и откровенное объяснение условий, при которых они совершили вмененные им преступления. Правильность изложенных ими фактов получила подтверждение в показаниях других лиц, допрошенных следователем и судом.

Что же было установлено в ходе предварительного следствия и в суде? О характере и результатах судебного следствия поведал нам приговор, объявленный в окончательном (т. е. мотивированном) виде.

Из этого документа мы узнаем, что подсудимые пошли на преступление, поддавшись искушению, возбужденному в них Абрамовым и Червяковым. Последние знали, в каком положении находятся, как живут эти трое парней, самому старшему из которых (Карташев) едва исполнилось 22 года. Им было известно, что Алашеев, Карташев и Перушкин ведут полуголодный образ жизни, так как являются безработными. Не имея никакого имущества, им нечем было поддержать ни себя, ни тем более своих матерей. Чернорабочий Карташев прямо заявил следователю: «На кражи я решился вследствие неимения средств к жизни» (т. I, л. 18). Аналогичные объяснения дали и его товарищи.

Вот этих-то горемычных и решили использовать в своих корыстных целях приказчики купца Рассадина — Абрамов и Червяков. Им удалось уговорить Алашеева и его друзей пойти на «выгодное дельце». При этом они обещали свое содействие — помощь в процессе совершения преступлений. Абрамов не только указал место хранения рельсов, не только вручил ворам веревку для вытаскивания рельсов из-под снега, но и дал лошадь и сани для перевозки краденого в пункты, указанные подстрекателями.

Заплатив ничтожную сумму за кражу рельсов и колеса, приказчики Рассадина втридорога перепродали их торговцу железом Наумову.

В этом процессе адвокат В. И. Ульянов имел против себя двух обвинителей: официального прокурора Д. Микулина, и частного поверенного Михайлова, защищавшего в суде Абрамова. Отнюдь не в пользу подсудимых, а следовательно, и защиты было настроение купцов-присяжных, видевших в подзащитных Ульянова закоренелых воров: в прошлом они уже не раз судились за кражи. И все же он одержал победу и в этом деле: его подзащитных

наказали «в низшей степени», то есть подвергли самому минимальному наказанию, какое только можно было назначить. Адвокату удалось доказать присяжным, что «по обстоятельствам дела» (молодость подсудимых, бедность, подстрекательство со стороны, чистосердечное признание) его подзащитные заслуживают снисхождения, а самый младший из них — Перушкин, подлежит оправданию по обвинению его в краже чугунного колеса, ибо он не участвовал в этом преступлении. В конечном счете Алашеев и Карташев были направлены в исправительно-арестантские отделения сроком на один год каждый, а Перушкин заключен в тюрьму на 8 месяцев.

Ярким отголоском неурожайного 1891 г. является дело по обвинению крестьянина-бедняка Максима Бамбурова. Приговором Самарского окружного суда от 5 июня 1892 г. он признан виновным в том, что украл у отставного коллежского регистратора П. Васильева потертый форменный сюртук, мешок и 3 горбушки хлеба, а у крестьянина Холомина — рубашку.

Поскольку подсудимый чистосердечно признал свою вину, суд, соглашаясь с защитой, от судебного следствия отказался. Было решено выслушать лишь объяснения подсудимого.

Из следственных протоколов допроса и подробных объяснений самого Бамбурова на суде отчетливо вырисовывалась причина преступления. Можно представить себе состояние судейских чиновников, когда они в ответ на свой же вопрос услышали слова Бамбурова: «На воровство я пошел... по крайности и неимению средств к пропитанию и работы» (л. д. 27 об.). В этих словах простого неграмотного мужика были названы истинные виновники кражи — голод и безработица. По этой причине тысячи таких же, как и он,— Алашеевы, Муленковы, Куклевы, Красноселовы — лишались свободы, «всех

особенных прав», а их семьи — отцов и кормильцев.

Подсудимый не запирался, не старался уйти от ответственности. Он во всем сознался и рассказал о причинах и других обстоятельствах совершенного преступления. Признав, что объяснения подсудимого полностью согласуются с обстоятельствами дела, изложенными в обвинительном акте, суд с санкции прокурора и согласия защитника отказался от судебного следствия. Начались судебные прения. Краткий смысл речи прокурора сводился к тому, что Бамбурова надо во что бы то ни стало строго наказать. Затем, как отмечено в протоколе, защитительную речь произнес адвокат В. Ульянов. К сожалению, протокол на этом обрывается, а других данных о характере и особенностях выступления адвоката в материалах дела нет. Мы все же знаем, о ч е м мог и должен был говорить помощник присяжного поверенного в защиту Бамбурова. Нам помогают в этом материалы уголовного дела, которые мы, как и другие исследователи, внимательно изучили.

Перед адвокатом стояла задача и была возможность показать, что не низменные побуждения, а объективные условия толкнули Бамбурова на совершение того, за что он теперь привлечен к уголовной ответственности. Судя по характеру вопросов, поставленных на разрешение присяжных, в их составлении принял участие В. И. Ульянов. Его «почерк» явно чувствуется, в частности, в следующем вопросе: «Если Бамбуров виноват, ...то не совершил ли он содеянное по крайности и неимении никаких средств к пропитанию и работы».

Поскольку в ходе допросов были все же вскрыты истинные причины и условия, заставившие подсудимого пойти на преступление, присяжные ответили на приведенный вопрос благоприятно для защиты (л. д. 32 об.).

И хотя все эти обстоятельства были установлены на суде, Бамбурова все же лишили свободы[1].

А за что оказались на скамье подсудимых неграмотный чернорабочий В. Х. Садлох и его приятель, «незаконнорожденный солдатский сын» — 13-летний Степан Репин? За то, оказывается, что они по предварительному сговору проникли на кухню самарского купца Коршунова, где пытались похитить разные вещи стоимостью около 9 рублей. Вскоре они попали в дом предварительного заключения, где провели в ожидании суда ...3 года.

Изучение материалов дела и беседа с подзащитными заставили В. И. Ульянова серьезно усомниться в правильности привлечения Репина к уголовной ответственности вообще. Если следователь сделал это, то только с одной целью — создать видимость шайки. Следственные органы опирались, в сущности, на одно лишь признание, сделанное перепуганным подростком в полиции. Адвокату не стоило больших усилий разрушить следственную версию. Согласившись с аргументами помощника присяжного поверенного, говорится в журнале судебного заседания от 17 сентября 1892 г., суд постановил: Репина оправдать, Садлоха осудить[2].

Не от хорошей жизни пошли на преступление М. В. Опарин и его земляк Т. И. Сахаров. Оба они — выходцы из одной деревни — Березовый Гай Самарской губернии. Решением уголовного департамента Саратовской судебной палаты их предали суду по ст. 1647 Уложения за то, что они «с применением технических средств» украли из чулана местного богатея Мурзина 146 руб. кредитными билетами. Дело рассматривалось 11 марта 1892 г. с уча-

[1] ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС, ф. 461, ед. хр. 25960.
[2] Там же, ед. хр. 25961.

стием присяжных заседателей. Подсудимых должен был защищать «по назначению суда» Хардин. Однако вместо него, как видно из протокола судебного заседания, в суд явился его помощник, избранный самими подсудимыми[1].

На вопрос председательствующего подсудимые заявили, что они полностью признают себя виновными. Учитывая это обстоятельство, защитник, как и в других аналогичных по характеру процессах, не настаивал на проведении полного судебного следствия. Он считал возможным ограничиться уточнением биографических данных, касающихся его клиентов, и мотивов совершенного ими преступления.

Опарин и Сахаров — крестьяне-бедняки, сильно пострадавшие от недавней засухи. Их многодетные семьи жили в мазанках, влача — особенно в тот голодный 1891 г. — полунищенский образ жизни.

О том, как жили в те годы многие односельчане подсудимых, рассказывает нам потомок первого обвиняемого, И. О. Сахаров. «Зимой, — говорит он, — мы пустыми ложками гремели в нетопленой избе. У ребятишек животы пухли от лебеды да от мякины. И год от года все туже затягивалась петля кабалы на батрацкой шее Сахаровых»[2]. Не случайно Сахаров вынужден был

[1] О том, что защита по этому делу поручена В. Ульянову, обвиняемых известили почти за неделю до процесса. 5 марта из уст помощника начальника тюремного замка узнал об этом арестант Опарин, а через три дня о том же объявил подсудимому Сахарову член Дубовоуметского волостного правления. Каждому из них было сообщено, что «назначенный от суда» адвокат А. Хардин передал защиту по их делу своему помощнику, г. Ульянову, с которым они и могут побеседовать «наедине» (л. д. 32).

[2] Цит. по кн. «История СССР», изд. ВПШ при ЦК КПСС, М., 1963, стр. 286.

батрачить. По словам самого Мурзина, одежда, которую до кражи носили обвиняемые, была «вся в заплатах».

А кто такой потерпевший Мурзин? Судя по тому, что у него батрачили местные крестьяне, в том числе и Сахаров, следует заключить, что Мурзин — типичный кулак, богатей, эксплуатировавший труд местной крестьянской бедноты.

Лишенный возможности оспаривать доказанность обвинения и квалификацию действий подсудимых, Ульянов вынужден был ограничиться выяснением обстоятельств, смягчающих вину его подзащитных и влияющих на размер грозившего им наказания. По всей вероятности, результаты исследования этих обстоятельств произвели сильное впечатление на судей. Присяжных, с ненавистью смотревших на «обидчиков» своего собрата по классу, речь защитника, должно быть, тронула. Ничем другим нельзя объяснить их слова в вердикте: «Виновны, но заслуживают снисхождения» (л. д. 48).

Между тем прокурор настаивал на назначении подсудимым наказания по 4 степени ст. 31 Уложения, защитник — по 5 степени этой же статьи. Как же поступил суд? В совещательной комнате он решил так, как рекомендовал помощник присяжного поверенного В. Ульянов: определил наказание по 5 степени ст. 31 Уложения, да еще «в низшей мере»[1]. Опарин и Сахаров по приговору суда были отданы в исправительно-арестантские отделения на один год каждый, «с лишением всех особенных прав и преимуществ...»[2]. Скажем прямо, приговор был вынесен не столь уж суровый, если учесть, что кража отягчалась такими квалифицирующими признаками, как

[1] ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС, ф. 461, ед. хр. 25954.

[2] Семья Сахарова так и не дождалась кормильца: 26 января 1893 г. он умер в тюрьме.

совершение ее с применением техническх средств и группой лиц. При этом ведь нельзя забывать, что судьбу подзащитных Ульянова решали царские судьи.

Среди дел, принятых В. Ульяновым к своему производству, было два дела так называемого «частного обвинения».

Первое из них касалось мещанина Н. И. Гусева. Он обвинялся в систематическом избиении своей жены. Подсудимого должен был защищать адвокат К. Позерн, но из-за занятости последнего суд поручил выступить в процессе В. Ульянову.

Судебным следствием, как видно из протокола от 15 сентября 1892 г., было установлено, что потерпевшая была выдана замуж за обвиняемого своей матерью, которая до этого сама жила с ним в течение пяти лет. Подсудимый-садист систематически и беспричинно истязал свою молодую жену. Это обстоятельство не могло не сказаться на линии поведения защитника: последний даже не нашел возможным просить суд о малейшем снисхождении. В протоколе в этой связи отмечено: «Частная обвинительница просит наказать подсудимого по закону. Защитник ничего не заявил» (л. д. 61 об.).

Суд приговорил Гусева к содержанию сроком на один год в исправительных арестантских отделениях и лишению «всех особенных, лично и по состоянию присвоенных ему прав и преимуществ»[1].

Второе дело частного обвинения, защитником по которому был В. И. Ульянов, возникло по жалобе Евграфа

---

[1] ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС, ф. 461, ед. хр. 25953. Однако приведенная протокольная запись не дает основания заключить, как это делает А. Иванский (цит. раб., стр. 732), будто Ленин отказался защищать Гусева.

Лаптева. На скамье подсудимых оказался сын обвинителя, Филипп Лаптев, за «нанесение отцу оскорблений и побоев». На заявлении, поданном подсудимым в Самарский окружной суд, имеется надпись: «Защиту Лаптева принимаю. Пом. присяжного поверенного В. И. Ульянов» (л. д. 13).

Обвиняемый, признавая себя виновным и осуждая свой поступок, в то же время просил понять и учесть обстоятельства, заставившие его поднять руку на отца. В своих объяснениях, данных на допросе у следователя, он рассказал об ужасном характере отца, который буквально издевался не только над ним, родным сыном, но и над его, Филиппа, женой. Старик, оказывается, распускал руки всякий раз, когда ему перечили или грозили пожаловаться. Однажды сын был избит только за то, что собирался поехать к земскому начальнику и рассказать ему об избиении жены отцом. О взаимоотношениях между потерпевшим с сыном и снохой знали соседи обвиняемого, и потому Ф. Лаптев попросил суд вызвать двух из них в качестве свидетелей.

Как же реагировал суд на это вполне правомерное ходатайство? Увы, отрицательно. Мотивы отказа, изложенные в определении от 18 ноября 1892 г., не выдерживают серьезной критики. Они сводятся к тому, что незачем-де вызывать в суд свидетелей, показания которых «не имеют существенного для дела значения» (л. д. 16). Совершенно очевидно, что если бы названные Ф. Лаптевым свидетели явились и подтвердили его объяснения, суду пришлось бы вынести оправдательный приговор, или по крайней мере, значительно смягчить меру наказания.

Судебное заседание по делу Лаптева открылось 19 ноября. Ищем в протоколе место, где обычно делается отметка о явке сторон и их представителей. И вот на

листе дела 46 читаем: «Защитником подсудимого явился, избранный им, пом. прис. пов. Ульянов»[1].

Вступив в процесс, Владимир Ильич сделал все, что было необходимо. Ознакомившись с материалами дела, в частности, с объяснениями и ходатайством своего подзащитного, В. И. Ульянов понял, что Лаптев-старший во многом сам виноват в происшедшем инциденте. Кроме того, защиту не могло не удивить явно незаконное судебное определение, коим Лаптеву отказано в вызове просимых им свидетелей.

Из материалов дела явствовало, что против Ф. Лаптева отцом возбуждено еще одно частное обвинение. Следовало ожидать от суда вопросов, как, по мнению защиты, поступить с этим дополнительным обвинением. Поэтому защита обязана была подготовить основанный на законе ответ. И действительно, как только началось судебное разбирательство, председательствующий спросил Ульянова: не считает ли он целесообразным рассмотреть каждое из этих обвинений в отдельности? Защитник заявил, что «...в интересах правосудия необходимо оба дела рассмотреть одновременно» (л. д. 46 об.), как тесно связанные между собой характером обвинения и единством субъекта преступления.

Вслед за этим Ульянов обратился к суду с ходатайством, которое ранее было заявлено его подзащитным и странным образом отклонено. Имея в виду и то, что

[1] Думается, что автор этой записи, секретарь суда, на сей раз погрешил против истины. Ульянов пришел в суд не по соглашению с клиентом, а обязанный к тому распоряжением председателя окружного суда. В том, что по делу Лаптева Ленин выступил по назначению суда, а не по соглашению, убеждает нас запись, сделанная на листе дела 17. На этом листе запечатлена расписка Лаптева, из которой следует, что он извещен о назначении ему «защитника от суда», помощника присяжного поверенного Ульянова.

подсудимый обязуется, в порядке ст. 576 Устава Уголовного судопроизводства, представить двух свидетелей за свой счет. Защитник просил дело слушанием отложить.

Аргументация ответа на вопрос суда и ходатайства была настолько убедительной, что суд поступил так, как рекомендовала защита.

Немало хлопот доставило Владимиру Ильичу уголовное дело № 272 по обвинению «лишенного права отставного рядового» В. П. Красноселова. Это дело почему-то привлекло внимание судебного репортера. В № 255 «Самарской газеты» он поместил заметку следующего содержания: «18 ноября в Самарском окружном суде слушалось дело по обвинению уже лишенного всех прав состояния отставного рядового из мещан г. Костромы... Василия Петровича Красноселова, 67 лет, в краже. ...Обвинял товарищ прокурора г. Прохоров, защищал Красноселова пом. присяжного поверенного г. Ульянов».

Подсудимый обвинялся в тайном похищении из незапертой квартиры торговца квашеной капустой Степана Сурошникова 113 рублей, то есть в преступлении, предусмотренном ч. 2, ст. 1655 Уложения.

Какими же доказательствами располагали обвинительная власть, а затем и суд? Надо прямо сказать: весьма скудными.

Рассмотрим каждое из них в отдельности.

Первой важной уликой следственные и судебные органы считали донос, сделанный свидетелем Вильгельмом Мникелем[1] городовому 2-й полицейской части Арсентьеву

[1] В. Мникель — повар одной из дешевых кухмистерских в Самаре. А вот и другие свидетели обвинения: сам С. В. Сурошников (потерпевший). В. Арсентьев (городовой). А. Антиохин (ключник арестного помещения 2-й полицейской части). Только эти свидетели и допрашивались судом при первом рассмотрении дела 18 ноября 1892 г.

о том, что у посетителя кухмистерской «голодранца Красноселова» появились «откуда-то деньги», каковых прежде у него не было; второй «уликой», ставшей для обвинения опорной, явилось показание Арсентьева о том, что при обыске у доставленного «в часть» Красноселова «в сапоге за чулком» он обнаружил и изъял кредитный билет сторублевого достоинства.

Значение улики власти придали также дерзкому, с их точки зрения, ответу задержанного («Тебе какое дело? Заря мне дала!») на вопрос любопытствующего ключника арестного помещения Антиохина. Таков характер свидетельских показаний по этому делу.

Придерживаясь такой же логики, автор обвинительного акта, товарищ прокурора Мясников, и составители приговора усмотрели серьезную улику в справке о нескольких прежних судимостях Красноселова за кражу. Не случайно, как в обвинительном акте, так и приговоре встречается фраза:

«Красноселов обвиняется (или признан виновным) в том, что он «...вновь (!) похитил...»

Нельзя без улыбки читать описание следующей, также опорной для следствия и суда улики: категорическое утверждение потерпевшего Сурошникова о том, что обвиняемый несколько раз покупал у него капусту, «так что больше сделать кражу некому». И еще: поскольку билет найден при Красноселове, то «нечего тут и думать, что деньги украл не он» (т. I, л. 14).

И, наконец, последняя «неотразимая» улика — ответ начальника городской тюрьмы на запрос следователя. Согласно ответу от 31 июля 1892 г., разъяснение, которое дал Красноселов относительно денег, изъятых у него при обыске, не соответствует действительности. Оказывается, если верить тюремщику, находясь в заключении, арестант Красноселов «никакими работами не занимался» и

при освобождении «ни копейки денег не имел», и вообще «все сказанное им — неправда».

Несмотря на очевидную тенденциозность процитированного документа, суд чиновников принял его как бесспорное доказательство вины подсудимого. Утруждать себя проверкой его суд не стал. Других каких-либо доказательств ни следствие, ни суд не собрали. И тем не менее, игнорируя неоднократные объяснения обвиняемого о трудовом источнике приобретения обнаруженных у него денег, прокурор Мясников счел возможным 10 августа составить по делу обвинительный акт, который затем безоговорочно был утвержден уголовным департаментом Саратовской судебной палаты. В ее определении от 1 сентября, в противоречии с правдой, сказано, что по убеждению (!) палаты предварительное следствие является «достаточно полным и произведенным без нарушений существенных форм и обрядов судопроизводства» и потому она единогласно решила «предать суду лишенного всех особенных прав Василия Петрова Красноселова».

Дело «безродного слесаря» было назначено к слушанию на 18 ноября. Немногим более чем за месяц до процесса подсудимый просил назначить ему защитника «от суда». Затем в протоколе судебного заседания появляется запись: «Защитником подсудимого явился, избранный им, помощник присяжного поверенного Ульянов» (т. 2, л. 37)[1].

Перед судом прошли уже известные нам свидетели — почти все полицейские, которых не раз подкармливал

[1] Вероятно, как и в других случаях назначения дел к рассмотрению с участием сторон, окружной суд и на этот раз обратился к Хардину. Последний же, заботясь о «производственной практике» своего помощника, перепоручил защиту В. И. Ульянову.

торговец капустой — потерпевший по настоящему делу. Прокурор, связанный наказом своего начальства, добивался — и добился! — осуждения подсудимого. Ценность доказательств, использованных обвинителем, нам уже известна. Его речь могла состоять из пересказа лаконичных и однотипных показаний полицейских и потерпевшего, а также из ссылок на прежние судимости Красноселова за кражи.

По ознакомлении с делом, защитнику стало очевидным, что Красноселов привлечен к ответственности зря, без достаточных к тому оснований. Материалы дела давали большие возможности для критики действий и выводов обвинительной власти. Как можно было приклеить 67-летнему старику ярлык вора только на том основании, что он был постоянным покупателем в лавчонке потерпевшего и что, видите ли, «больше сделать кражу некому»?

Важно отметить и то обстоятельство, что никто из представителей власти (ни полиция, ни следователь) не удосужился выяснить, была ли вообще кража у торговца капустой; имел ли торговец в тот день деньги перечисленных им купюр; почему он сообщил полиции о случившемся со значительным опозданием? Но все эти вопросы мало интересовали полицейских. Отмахнулись они и от версии, выдвинутой обвиняемым, согласно которой деньги, найденные у него, заработаны им честно, хотя и в ...тюрьме. Здесь он лудил самовары, делал чайники, которые продавал арестантам, проходившим по этапу дальше.

Защита вскрыла приведенные и многие другие нарушения элементарной логики и закона на предварительном следствии и говорила о них на суде.

Материалы дела, нарушения процессуального закона, допущенные следователем и судом, давали защите

достаточные основания требовать направления дела на доследование. У нее были также основания просить суд об оправдании Красноселова за недоказанностью его вины.

Прежде всего, защите предстояло обратить внимание суда на явно незаконный отказ в ходатайстве, заявленном обвиняемым во время «приготовительных к суду распоряжений» о вызове новых свидетелей — служащих тюрьмы[1]. Последние могли бы подтвердить его объяснение о честном происхождении отобранных у него денег и одновременно опровергнуть справку начальника острога. Тем более, что ни один из этих свидетелей ранее, то есть до суда, не допрашивался, ввиду чего следствие обрело односторонне-обвинительный характер.

Защита не могла не реагировать на мотивировку судебного определения от 16 октября об отказе, которая не только не основывалась на законе, но и прямо противоречила ему. Ведь суд, отклоняя обоснованное ходатайство Красноселова, исходил из того, что обстоятельства, которые подсудимый желает выяснить через названных свидетелей, «не имеют существенного для дела значения», а кроме того, «вполне опровергаются имеющимся в деле сообщением начальника тюрьмы». И, наконец, еще одно основание отказа, на которое бесспорно должна была обрушиться защита. Считая справку тюремного начальства непогрешимой и не подлежащей критике, суд, априори, не увидев и не допросив свидетелей защиты, признал, что последние, якобы, не в состоянии будут доказать новые или опровергнуть имеющиеся в деле данные, вполне (!) изобличающие Красноселова.

[1] Красноселов просил, в частности, допросить старшего надзирателя С. Борисова, завед. тюремной мастерской А. Иванова и стоящих у ворот Васильева и Егорова.

Последовательно проанализировав и оценив причины отказа, защитник, апеллируя к Уставу уголовного судопроизводства, назвал вещи своими именами. Он просил суд, рассматривающий дело по существу, иметь в виду, что определение распорядительного заседания от 16 октября явно несогласно не только с точным смыслом, но и буквальным содержанием ст. 575 названного Устава. Затем по инициативе защитника была истребована и приобщена к делу справка, а точнее — выписка из тюремной книги учета заработков заключенных. Обозрев ее, суд мог бы установить, занимался ли Красноселов каким-либо ремеслом в период нахождения в тюрьме и сколько денег заработано им. Основанием для высказанного нами предположения служит факт появления такой справки в деле (л. 80) незадолго до вторичного судебного его разбирательства.

Предметом внимания защитника не могли не стать и другие, бившие в глаза, погрешности предварительного следствия, в том числе: непроведение очной ставки между Красноселовым и Сурошниковым, хотя необходимость в ней прямо диктовалась противоречивостью их показаний. Оказывается, потерпевший в разговоре с Красноселовым сообщил, что кража была у него давно и что в совершении ее он подозревает своего квартиранта, и что при первом предъявлении ему 100-рублевки он за свою не опознал. То же самое он якобы повторил в присутствии свидетелей Арсентьева и Александрова. Однако очной ставки между этими лицами и потерпевшим также проведено не было.

Важную часть защитительной речи бесспорно составляло обоснование правдоподобности версии, выдвинутой подсудимым, его слов о том, что найденные у него при обыске деньги есть лишь часть заработанных им в период 4-летнего пребывания в Самарской тюрьме.

И еще: защитник имел основание обратиться к присяжным с просьбой, чтобы они при решении вопроса о виновности Красноселова не приняли во внимание оглашенной председательствующим справки о прежних судимостях его подзащитного, так как никакой связи между ними и тем, за что привлечен ныне Красноселов, не имеется.

И отказом в ходатайстве подсудимого, и нежеланием подвергнуть тщательному исследованию справку из тюрьмы суд продемонстрировал свою предубежденность в виновности несчастного старика. Предубежденными оказались и присяжные заседатели, близкие «потерпевшему» по социальному положению и по психологии. Признав Красноселова виновным, они как могли, защитили Сурошникова, а заодно и свою собственность.

Перед удалением коронного суда в совещательную комнату вторично с речами выступили стороны. Прокурор, вопреки своей совести (ведь он также не был убежден в виновности Красноселова), потребовал отдать «вора-рецидивиста» в исправительно-арестантские отделения сроком на 3 года. Защитник же, связанный наличием обвинительного вердикта, вынужден был ограничиться просьбой о смягчении наказания[1], предложенного прокурором. После всего, что было в процессе, приговор суда, коим подзащитный Ульянова отдавался в исправительно-арестантские отделения на 2 года и 9 месяцев, никого не удивил. Пожалуй, недоумевал лишь один Красноселов; его последняя надежда («суд разберется») рухнула. Вещественное доказательство по делу — «сторублевый би-

[1] Такой образ действий адвоката диктовался законом: ст. 820 Устава уголовного судопроизводства в этот момент процесса требовала от сторон дачи «заключения относительно наказания и других последствий виновности».

лет», изъятый у подсудимого, суд приказал вернуть «пострадавшему».

Побеседовав со своим подзащитным, Ульянов решил обжаловать приговор. С этой целью он посоветовал Красноселову заявить ходатайство о выдаче ему копии приговора, что тот и сделал в день оглашения решения в окончательном виде. 27 ноября осужденному вручили копию приговора. Судя по тому, что 4 декабря прокурор препроводил жалобу в суд, следует прийти к выводу, что кассационная жалоба была написана в последние дни ноября или в первые три дня декабря. Не ранее 21 декабря она вместе с делом была направлена в Сенат. Менее чем через месяц (14 января 1893 года) жалобу рассмотрел уголовно-кассационный департамент Сената. Хотя самой жалобы в деле не оказалось (отсутствует она и в архиве Сената), имеются достаточные основания считать автором ее В. И. Ленина.

В правильности такого вывода убеждает нас прежде всего содержание, обоснованность той критики приговора, перед которой, как мы увидим ниже, не смогли устоять даже сенаторы. Следует также учесть, что, кроме как защитнику, некому было позаботиться о судьбе невинно осужденного Красноселова, человека «безродного» и неграмотного. Логичность нашего предположения следует также из того, что и в первом и во втором (после отмены приговора) рассмотрении дела Красноселова защитником выступал Владимир Ильич Ульянов.

Кассационная жалоба, судя по ее результатам, произвела на сенаторов должное впечатление. Указом уголовно-кассационного департамента Сената от 14 января 1893 г. приговор по делу был отменен[1]. Особое место

[1] Интересно отметить, что из 31 жалоб и протестов, поступивших в 1893 г. на приговоры Самарского окружного суда в Сенат,

в определении Сената заняла критика самарских судей за их ошибочное толкование понятия «существенности свидетельских показаний». Как видно из решения Сената, состав суда, рассматривавший дело Красноселова, не уяснил себе, что понятие существенности свидетельских показаний «определяется важностью обстоятельств, подлежащих разъяснению, то есть значением их, как для установления отдельных признаков преступления и обстоятельств особо увеличивающих или особо уменьшающих вину, так и для разрешения главного вопроса о виновности, и не имеет ничего общего с предположениями, хотя бы и весьма вероятными, о том, что указанные свидетели не в состоянии будут доказать новые или опровергнуть имеющиеся, хотя и существенные для дела данные, но уже установленные другими доказательствами».

Соглашаясь с доводами кассатора, Сенат признал, что данное Самарским окружным судом толкование ст. 575 У. У. С.[1] (по делу Красноселова — *И. С.*) является в корне ошибочным. Оно, как подчеркивается в решении, привело бы к совершенному отрицанию принадлежащего подсудимому по закону права представления новых доказательств к своему оправданию, как имеющих неизбежно целью опровергнуть установленные предварительным следствием изобличающие данные.

29 были оставлены без последствий. Только по одному делу, именно по делу Красноселова, приговор был кассирован по жалобе защиты. По второму же делу отмена приговора была вызвана протестом прокурора. (ЦГИАЛ, ф. 1363, оп. 8, д. 301).

[1] Ст. 575 Устава уголовного судопроизводства предусматривала обязанность суда вызвать и допросить свидетелей, чьи показания имеют существенное для дела значение, и вынести обоснованное определение в случае отклонения ходатайства сторон по этому вопросу.

Отменив приговор, кассационный суд направил дело на новое рассмотрение. О дне повторного судебного разбирательства суд известил В. И. Ульянова 25 февраля.

При вторичном судебном разбирательстве, 12 марта 1893 г., суд по настоянию защиты и во исполнение указаний Сената вызвал и допросил четырех служителей тюремного замка, которые подтвердили объяснения подсудимого и отвергли «справку» начальника острога. Были осмотрены книги (записи) тюремного эконома. Разумеется, самое активное участие в судебном следствии, как и в первом заседании, принял защитник подсудимого, В. И. Ульянов. Благодаря этому обстоятельству обвинение на сей раз рухнуло. И тогда суд вынужден был признать правду в словах подсудимого и заведомую ложь в документах дознания и «справке» шефа тюремного замка.

Присяжные, после короткого совещания, объявили: «Нет, не виновен». Казалось, говорить было больше не о чем. Но иначе считал защитник. Еще надо обменяться соображениями о судьбе вещественного доказательства, то есть о незаконно отобранных у Красноселова деньгах. Там, в совещательной комнате, коронный состав суда должен обсудить и этот вопрос. И не только обсудить, но и решить в пользу защиты. Как и следовало ожидать, суд реабилитировал «безродного слесаря», возвратив ему вместе со злосчастным кредитным билетом его доброе имя. Привычным канцелярским языком суд написал в приговоре: «Красноселова... признать по суду оправданным и по вступлении приговора в законную силу, возвратить ему отобранный у него в качестве вещественного доказательства 100-рублевый кредитный билет».

Так, благодаря Владимиру Ильичу, его активности, настойчивости и принципиальности истина восторжествовала.

Среди 16 уголовных дел, защитником в которых выступал В. Ульянов в Самаре, особое место занимает дело А. Н. Языкова. Пожалуй, оно было самым крупным. Процесс состоялся 17 декабря 1892 г. Приговор в окончательном виде был объявлен 21 декабря[1].

Следует прямо сказать, что тяжелые последствия преступления, в совершении которого обвинялся Языков, и полная его доказанность, делали защиту нелегкой. Протокольные записи по настоящему делу, в отличие от записей по другим делам, связанным с именем помощника присяжного поверенного В. И. Ульянова, дают возможность судить о позиции каждой из сторон, о доводах и силе логики в речах прокурора и защитника.

Как явствует из обвинительного акта, по вине отставного прапорщика А. Н. Языкова, бывшего начальника станции Безенчук Оренбургской железной дороги и стрелочника той же станции И. Кузнецова 8 мая 1891 г. на рассвете (в 4 часа 30 минут «по петербургскому времени») на территории станции произошла железнодорожная авария: 5 пустых вагонов, гонимых поднявшимся ветром, столкнулись с ручным вагончиком, на котором ремонт-

[1] До этого заседания по делу открывались и закрывались дважды: 19 сентября и 9 ноября. В качестве защитника оба раза являлся уже знакомый нам адвокат Гиршфельд. И только в последнем (декабрьском) судебном разбирательстве участвовал Владимир Ильич. В чем же здесь дело? Поскольку процесс Языкова дважды откладывался, Гиршфельд, занятый, видимо, в другом деле, вышел из процесса. Надо думать, что именно он, в недавнем прошлом помощник Хардина, а теперь хорошо знакомый с новым помощником Андрея Николаевича, и рекомендовал Языкову пригласить для своей защиты В. И. Ульянова. Все это, конечно, наши предположения, а фактом является то, что 17 декабря, как сказано в протоколе судебного заседания, «защитником подсудимого Языкова явился избранный им помощник присяжного поверенного Ульянов» (л. д. 114).

ный рабочий Наурсков возил воду. В результате столкновения Наурсков получил легкое телесное повреждение, а бывший при нем девятилетний мальчик, Андрей Коротин — смертельно ранен.

Действия подсудимых были подведены под ст. 1085 часть вторую Уложения о наказаниях, предусматривавшую в качестве наказания тюремное заключение. Изучив обстоятельства дела и сопоставив ст. 1085 со ст. 411, трактующей о служебном нерадении, защитник пришел к обоснованному выводу, что правовая оценка действий его подзащитного (т. е. Языкова) является неправильной.

Главным предметом спора между сторонами и стал вопрос о юридической квалификации действий Языкова. Прокурор В. Богданович категорически требовал применения ст. 1085 ч. 2 Уложения. Защитник же решительно отвергал оценку, данную обвинителем, и настаивал на переквалификации поведения своего подзащитного на часть третью той же статьи.

Познакомимся и мы со ст. 1085. Ее вторая часть предусматривала ответственность лиц, принадлежащих к управлению железными дорогами, за неправильные действия или неисполнение обязанностей, допущенных по неосторожности или небрежности, в результате чего последовала чья-либо смерть или повреждение здоровья.

В следующей, третьей части той же статьи шла речь об ответственности за те же последствия, причиненные в результате «недостаточного надзора» за лицами, принадлежащими к составу эксплуатационной службы...

Если по второй части рассматриваемой статьи суд мог приговорить виновного к тюремному заключению на срок от 2-х месяцев до одного года, то по третьей части — подвергнуть осужденного аресту на время не свыше 3 месяцев или штрафу в размере не более 300 рублей.

В чем же, конкретно, состоит различие между приведенными частями статьи? Очевидно, доказывал Ульянов, в том, что по третьей части могут отвечать те железнодорожные служащие, которые виновны лишь в слабом надзоре за исполнением их подчиненными своих прямых обязанностей, в то время как часть вторая имеет в виду неисполнение обязанностей, лежащих лично на данном работнике.

Несмотря на очевидную обоснованность позиции защиты, прокурор продолжал упорствовать. Охраняя честь мундира, он и не думал отказываться от обвинения по части второй ст. 1085.

Тогда Владимир Ильич, обращаясь к составу суда, попросил обсудить следующий (дополнительный) вопрос: имеются ли, по мнению суда, в действиях Языкова признаки, обозначенные третьей частью той же статьи?

О том, как реагировали на ходатайство защитника прокурор и судья, свидетельствуют записи в протоколе судебного заседания за 17 декабря. Они настолько любопытны, что часть их необходимо воспроизвести.

«Суд,— говорится в протоколе,— не удаляясь из зала заседания, постановил подлежащие его рассмотрению вопросы, против редакции которых товарищ прокурора и Кузнецов не возражали, защитник же Языкова просил поставить дополнительный вопрос по признакам преступления, предусмотренного 3 ч. 1085 ст. Уложения. Товарищ прокурора против дополнительного вопроса возразил, что Языков и Кузнецов обвиняются в одном и том же преступлении — в неисполнении своих прямых обязанностей, последствием коих была смерть ребенка, обязанность стрелочника Кузнецова состояла в том, чтобы подложить под колеса поленья или брусья, а *обязанность начальника состояла в том, чтобы своевременно осмотреть*, чтобы вагоны были

заторможены, поэтому и виновность их одинакова, состоящая в неисполнении своих обязанностей. Председательствующий объявил защитнику, что суд имеет право обсудить заявление защитника без постановки требуемого им дополнительного вопроса, на что защитник сказал, что он отказывается от требования дополнительного вопроса, но просит, чтобы заявление его было записано в протокол. Суд определил: не постановляя дополнительного вопроса, записать заявление защитника в протокол, обсудив его заявление при постановлении приговора» (л. д. 177—178 — разрядка наша — *И. С.*).

Как видим, суд ответил на вопрос защиты в благоприятном для нее смысле.

Дав четкий юридический анализ ст. 1085 Уложения, В. Ульянов убедительно доказал необходимость переквалификации действий своего подзащитного. Совершенно очевидно, подчеркивал Ульянов, что закрепление колес товарных вагонов подпорками не входило и не может входить в круг прямых обязанностей начальника станции. Эта обязанность, как было установлено по делу, лежала на стрелочнике Кузнецове. Именно в этом духе и дал заключение участвовавший в процессе эксперт А. Бонди. Иначе говоря, вина Языкова состоит в том, что он, как резюмировал защитник, «проявил недостаточный надзор за подчиненным ему стрелочником Кузнецовым (л. д. 117).

Защита использовала показания ряда свидетелей, удостоверивших тот факт, что Кузнецова в то утро они не видели ни в будке, ни около нее. Интересам защиты Языкова служили и показания самого Кузнецова, признавшего свою халатность по службе.

Важным козырем в руках защиты были установленные судом факты преступной халатности и безответствен-

ности в работе начальника первой дистанции и подчиненных ему дорожных мастеров. Несчастный случай, за который сел на скамью подсудимых Языков, не произошел бы, если бы не самоуправство мастера И. Волгунцева. Без ведома и тем более без разрешения начальника станции Волгунцев отцепил и бросил без надзора 4 балластных вагона, а под оставшиеся 5 порожних вагонов не подложил подкладок и, никому ничего не сказав, ушел. А вскоре поднялся сильный ветер...

Был установлен также факт безответственного отношения к эксплуатации вагончика — дрезины. Использование его для перевозки воды начальству (рабочим вода доставлялась вручную — ведрами) допускалось не иначе как с письменного разрешения Ленкевича, начальника первой дистанции. Языков вагончиком не распоряжался. Однако из-за халатности Ленкевича мастера, у которых случайно или правомерно находились ключи от хранилища вагончика, использовали последний по своему усмотрению. И эти факты, надо полагать, были учтены защитой.

Исходя из всей совокупности обстоятельств, Владимир Ильич просил о полном оправдании Языкова. Не будучи, однако, уверенным в солидарности с ним состава суда, он в просительной части своей речи поставил вопрос альтернативно: если суд не сочтет возможным согласиться с мнением защиты, то последняя просила бы избрать Языкову меру наказания, не связанную с лишением свободы.

Противоположный взгляд на позицию В. Ульянова в деле Языкова высказал В. Шалагинов. С его точки зрения, в ней не было альтернативы. Ее «по ошибке» приписал защитнику судебный секретарь. Свой взгляд В. Шалагинов пытается обосновать следующими четырьмя доводами:

1. Просьба Ульянова о нестрогом наказании подзащитного, якобы, исключает его же предложение об оправдании Языкова; ходатайство перед судом о первом или втором противоречит-де бескомпромиссной натуре Ильича. Исходя из ст. 775 Устава уголовного судопроизводства защитник мог просить только «о помиловании».

2. При обряде заполнения вопросного листа для судей, уходящих на совещание, защитник заботился не об оправдании бывшего начальника станции, а лишь о переквалификации его действий.

3. Сам подсудимый, признав себя виновным, не просил о реабилитации.

4. Поскольку суд не согласился с защитой и вынес обвинительный приговор, постольку Ульянов обязан (!) был жаловаться. Но «где же в таком случае,— спрашивает В. Шалагинов,— кассационная жалоба?»

На первый взгляд, приведенные соображения кажутся достаточно вескими. Однако при ближайшем их рассмотрении выявляется их несостоятельность.

Что следует сказать о первом аргументе?

Высокая принципиальность и бескомпромиссность Владимира Ильича общеизвестны. Но мы знаем и другое: он никогда не был метафизиком. Ленинский подход к решению спорных вопросов всегда был конкретен, индивидуален, всегда основывался на учете обстоятельств места и времени. Доказательства и обстоятельства дела о несчастном случае на ст. Безенчук убедили защитника в полной невиновности Языкова. И не только по второй, но и по третьей части ст. 1085 Уложения. В том, что в тот злополучный день Языков не проконтролировал исправность несения службы стрелочником, можно было усмотреть не больше, чем дисциплинарный проступок. Поэтому логичной и обоснованной представляется просьба защитника о полном оправдании его подзащитного.

Однако В. Ульянов прекрасно понимал, что судьи могли рассуждать иначе, что под впечатлением только что выслушанной обвинительной речи они могли присоединиться к позиции прокурора. Кроме того, защитник, хорошо знакомый с царским судом, вправе был допустить, что и в настоящем процессе судьба подсудимого будет решена по формально-бюрократическому принципу: дескать, нарушено правило, так и отвечай.

Таким образом, как мы видим, у В. Ульянова были достаточные основания для альтернативной постановки вопроса.

Стремясь подкрепить свою версию, В. Шалагинов ссылается на ст. 775 Устава уголовного судопроизводства. Но, как видно из содержания этой статьи, она ничем не усиливает позицию автора. Согласно данной статье, суд «в чрезвычайном случае» вправе был просить царя о помиловании подсудимого при условии, что последний вовлечен в преступление «...несчастным для него стечением обстоятельств».

В деле же Языкова отсутствовали условия, которые по смыслу цитируемого закона позволяли бы защитнику, а затем суду ходатайствовать о помиловании. Поэтому защита и не апеллировала к ст. 775-й, а исходя из соображений, которые приведены выше, воспользовалась правом альтернативы.

По меньшей мере недоумение вызывает второй аргумент В. Шалагинова: будто при обряде заполнения вопросного листа В. Ульянов заботился только о переквалификации действий своего подзащитного.

Откуда это видно? Во всяком случае, не из материалов дела.

Доказательством того, что В. И. Ульянов не просил об оправдании, продолжает автор, служит и то, что Языков признал себя виновным. Кому из юристов не известны

случаи признания своей вины лицами в действительности невиновными! Языков, будучи в юридическом отношении невежественным, признал свою вину потому, что считал себя ответственным за случай, происшедший на вверенной ему станции. Защитник не обязан был поддерживать ошибочную позицию своего подзащитного.

Наконец, в обоснование того, что в деле Языкова не было альтернативы, В. Шалагинов ссылается на отсутствие кассационной жалобы, которую-де обязан (!) был подать Ульянов в ответ на вынесение обвинительного, а не оправдательного приговора. Почему же обязан! Ведь приговор вполне устраивал защиту. Зачем же надо было его обжаловать? Даже прокурор не решился на принесение протеста.

Таким образом, доводы, приводимые В. Шалагиновым в защиту своего тезиса, представляются неубедительными. Чем же тогда в самом деле объяснить наличие в протоколе записи, оспариваемой В. Шалагиновым? С его точки зрения в этой «нелепой истории» виноват... судебный секретарь, Я. Н. Дивногорский. Его «невежественное в праве перо» вместо ходатайства о помиловании почему-то приписало Ульянову просьбу об оправдании...[1].

С этим объяснением вряд ли можно согласиться. Но допустим, секретарь, позволив себе вольность, исказил просительный пункт в речи защитника. Но тогда возникает вопрос: как и почему эту ошибку не заметил ни один из трех судей (особенно председательствующий), которые в силу ст. 840 Устава, до подписания протокола, прочитывали его.

Если бы такая описка имела место, на нее, во всяком случае, обратил бы внимание В. И. Ульянов, который

[1] *В. Шалагинов.* Защита поручена Ульянову. Зап.-Сиб. книжн. издат., 1967, стр. 92—96.

дважды (при и после объявления приговора) имел право ознакомиться с протоколом судебного заседания. Добросовестность и внимательность защитника не вызывает сомнений.

Заметив описку, он непременно бы принес свои замечания. Но в деле отсутствуют какие-либо следы исправлений или оговорок, сделанных в протоколе рукой секретаря или председательствующего в связи с «опиской» Дивногорского.

Все сказанное дает нам право прийти к категорическому выводу: секретарь не ошибся, защитник действительно воспользовался правом альтернативы.

Какое же наказание следует применить к его подзащитному в случае признания его виновным? На этот вопрос ответит в приговоре суд. Но сначала должен был решить его для себя адвокат Ульянов. Решить, чтобы предложить такую рекомендацию, с которой суду трудно было бы не согласиться.

Тщательно изученные им материалы предварительного и судебного следствия давали ясное и четкое представление о личности подсудимого. Среди данных, исследованных судом, он нашел немало таких, которые характеризовали Языкова только с положительной стороны. Надо привлечь к ним внимание суда, чтобы они были учтены при вынесении приговора.

По крайней мере три важных обстоятельства, по мнению защиты, говорили в пользу Языкова. Это, во-первых, его безупречная служба в прошлом. Это, во-вторых, присущая ему, как честному человеку, доверчивость к сослуживцам. Это, наконец, наличие у подзащитного военных заслуг.

Характеризуя личность своего подзащитного, Ульянов, безусловно, привел данные о его боевых наградах. О них говорилось в приобщенной к делу копии царского Указа.

В этом документе удостоверялось, что бывший прапорщик 94 пехотного Енисейского полка удостоен Военного ордена 4-й степени «За оборону Шипкинского перевала» и серебряной медали «В память войны 1877—78 гг.» и личного участия «в походах и делах противу турок» в те же годы (л. д. 39 об.). Чтобы лишний раз подчеркнуть случайный характер поступка, за который Языков отвечает перед судом, защитник должен был апеллировать и к его послужному списку. Обозрев его, судьи смогут убедиться в исключительной добросовестности и добропорядочности подсудимого в период его 10-летней непрерывной работы на железной дороге. Судьи должны учесть и поощрения по службе, полученные Языковым, в частности, последнюю его премию в сумме 45 рублей, дававшую ему право на приобретение «серебряного знака» (т. 1, л. 40).

Ратуя за наказание, соразмерное с виной и личностью подсудимого, Владимир Ильич не мог не затронуть факта недавнего (после возбуждения дела) увольнения Языкова от должности. Ясно, что эта мера сильно подействовала — морально и материально — на подзащитного и его семью. О его душевном состоянии догадаться нетрудно. Дирекция общества Оренбургской дороги в порядке перестраховки, не дожидаясь приговора, загнала его на глухую станцию Батраки. Здесь он стал «исправлять должность» конторщика по движению. Суду следовало бы учесть и это обстоятельство, чувствительно ранившее его клиента.

Таким образом, выступление В. И. Ленина в процессе об аварии на ст. Безенчук представляет собой замечательный образец тонкого анализа как фактической, так и, в особенности, юридической, сторон дела.

После того как суд и присутствовавшая в зале заседаний публика выслушали защитительную речь 22-летнего

адвоката, с «последним словом» выступили подсудимые. Наконец, суд удалился в совещательную комнату.

Чью позицию — прокурора или защитника — разделит суд? С величайшим удовлетворением мы читали строки, в которых формулируется согласие суда с защитой по обоим коренным вопросам дела — и по вопросу квалификации и по поводу меры наказания. Признав в действиях Языкова проявление недостаточного надзора за работой стрелочника, суд указал: «Это (т. е. поведение Языкова — *И. С.*) заключает в себе все признаки преступления, предусмотренного не 2-й, а 3-й ч. 1085 ст. Уложения о наказаниях». Переквалифицировав действия Языкова, суд решил подвергнуть подсудимого денежному взысканию — штрафу в размере 100 рублей. Любопытна оговорка, сделанная при этом в приговоре: в случае «несостоятельности подсудимого Языкова к платежу, его следует... выдержать под арестом один месяц» (л. д. 182 об.)[1].

Может возникнуть вопрос, почему в приговоре ничего не сказано о гражданско-правовых последствиях преступления? Ведь по делу был заявлен гражданский иск. Оказывается, что потерпевшие (отец погибшего, станционный сторож Коротин, и ремонтный рабочий Наурсков) отказались от своих прав на возмещение ущерба, причиненного им преступлением. Мотивы отказа станут ясными, если мы ознакомимся с протоколом допроса Наурскова.

На вопрос следователя он заявил: «С железной дороги ничего не ищу — люди мы неграмотные, ничего не знаем, боюсь только как бы меня не уволили...» (т. 1,

[1] Этот очевидный успех защиты необоснованно отрицается А. Аросевым. По его мнению, и дело Языкова В. Ульянову «не удалось выиграть». (См. цит. раб., стр. 447).

л. 32). Этим же соображением, по-видимому, руководствовался и Коротин-старший (т. 2, л. 117).

Среди дел, в рассмотрении которых пришлось участвовать Владимиру Ильичу, были дела почти курьезные. По одному из них двое молодых людей обвинялись в краже, «неизвестно где совершенной», и попытке присвоить имущество стоимостью в 10 копеек. Мы имеем в виду дело чернорабочих В. Н. Китаева и В. Т. Крылова, привлеченных к ответственности за кражу изношенного белья.

В. Ульянов, назначенный «от суда», защищал 22-летнего Крылова. Второго обвиняемого защищал адвокат Яковлев. Никаких доказательств кражи и участия в ней Крылова ни следователь, ни суд не добыли. Вину свою он категорически отрицал. В этих условиях защите легко было опровергнуть и, больше того, высмеять публично обвинение, представитель которого и в суде продолжал настаивать на том, что в ночь на 8 ноября 1892 г. обвиняемый со двора, «который остался не обнаруженным», тайно похитил белье, «неизвестно кому принадлежащее». Логично обоснованная просьба В. Ульянова о полной реабилитации его подзащитного была уважена как присяжными заседателями, так и судом.

В приговоре, вынесенном 12 мая 1893 г., мы читаем: Крылова, как признанного присяжными невиновным, «считать по суду оправданным» (л. д. 49 об.). Второй подсудимый по делу, Китаев, несмотря на приведенную выше формулировку обвинения и на отсутствие сколько-нибудь серьезных улик, был осужден.

Мы рассмотрели почти все уголовные дела, защита в которых была представлена В. Ульяновым. Подведем теперь некоторые итоги, попытаемся конкретно ответить на вопрос, к а к защищал своих клиентов в царском суде помощник присяжного поверенного В. И. Ульянов?

Ясно, что ответить на этот вопрос было бы намного легче, будь в нашем распоряжении тексты его защитительных речей. И тем не менее мы вправе сказать, что знаем — пусть приблизительно, но знаем, — о чем говорил или, выражаясь точнее, *мог* говорить, выступая в суде, молодой Ленин. Содержание его речей, почему он просил об оправдании одних или о смягчении участи других подсудимых, можно определить в результате анализа процессов.

Ведь это были речи *Ленина* и потому в них не могли не воплотиться черты *его* характера, принципы *его* мировоззрения, *его* классовые симпатии и антипатии, *его* эрудиция в области права. Поскольку речь идет о судебных речах Ленина, постольку можно быть уверенным, что в них получила отражение свойственная ему нетерпимость к фактам нарушения закона и подтасовки улик, имевшим место по делам его клиентов. Ясно поэтому, что защитник Ульянов никак не мог пройти мимо выявленных им процессуальных нарушений, явно незаконных приемов судопроизводства и не использовать судебную трибуну для ослабления силы или значения опорных для обвинения доказательств.

О чем еще шла, или, во всяком случае, *могла* идти речь в судебных выступлениях Ленина? Хорошо зная, почему подзащитные Ульянова очутились на скамье подсудимых, можно, рассуждая, логично, заключить, что в своих выступлениях в суде Ленин обязательно говорил о *мотивах*, побуждавших его клиентов пойти на преступления, называл и выдавал «с головой» суду истинных подстрекателей, которыми, как видно из протоколов допросов, являлись: бедность, долги, голод. Во всяком случае, о характере просительной части судебных речей Ульянова во многих случаях можно судить по итогам процессов, по приговорам.

С учетом того, что большинство дел касалось посягательств на «священную частную собственность», что виновность обвиняемых, как правило, не вызывала сомнения (лишь 6 из них отрицали свою вину), что участь их определяли судьи — прирожденные враги трудящихся, результаты процессов, с точки зрения защиты, следует признать вполне удовлетворительными.

Цифры, приводимые ниже, подтверждают наш вывод. Всего В. И. Ульянов защищал в суде интересы 24-х подсудимых. Возраст большинства из них не превышал 18—23-х лет.

Большинство царских следователей и судей еще до приговора смотрело на этих людей как на преступников. Защита же видела в них жертв современной им действительности. И несмотря на резкое расхождение с позицией обвинения и суда, В. Ульянов сумел многое сделать для своих подзащитных. Для четырех из них ему удалось добиться изменения юридической квалификации их действий на более мягкий закон; для пятерых — сокращения объема первоначально предъявленного обвинения; смягчения наказания — для восьми и оправдания — для пяти подзащитных. Дело в отношении одного из подсудимых (Лаптева) прекращено в силу примирения сторон.

По справедливому замечанию В. Шалагинова, «почти по каждому уголовному делу (В. Ульянов — *И. С.*) что-то «выигрывал»: либо у самого обвинения — против обвинительного акта, либо у представителя обвинения — против его требований о размере наказаний»[1].

Вердикты (решения) присяжных заседателей по делам, рассмотренным с участием В. И. Ленина, подобно лакмусовой бумаге, обнаруживают классовую принадлежность так называемого народного элемента в царском суде.

[1] *В. Шалагинов.* Указ. раб., «Сибирские огни», 1965, №4, стр. 119.

Не удивительно, что в большинстве случаев присяжные признавали подзащитных Ульянова виновными, а по ряду дел отказывались даже отметить, что они заслуживают снисхождения.

Нами подсчитано, что 17 подзащитных В. Ульянова были признаны виновными. В отношении семи из них, осужденных за более или менее серьезные имущественные преступления, присяжные не сделали оговорки о возможности смягчения для них наказания. Только 5 из 24 подсудимых, которых защищал Владимир Ильич, суд полностью или частично оправдал.

И все же эти итоги говорят об успехах молодого адвоката. Добиться других результатов в условиях царской юстиции, да еще по делам о посягательствах на частную собственность, едва ли было возможно.

Немалую роль в обеспечении таких итогов сыграла, думается, тактика, которой придерживался Ульянов-защитник. Сущность ее, как нам представляется, изложена в известном письме В. И. Ленина к «Абсолюту» — Е. Д. Стасовой. Из этого письма, в котором, несомненно, отражены личный опыт судебной практики автора и приемы защиты его замечательных шефов (Хардина и Волькенштейна) следует, что выбор тактики защиты зависит от особенностей дела. Он обусловлен, в частности, степенью состоятельности обвинения, количеством и качеством доказательств. лежащих в его основе, тем, наконец, насколько законными и нравственными были приемы собирания и закрепления улик, к которым прибегали полицейские и следственные органы.

Так, например, в процессах с явно сфальсифицированным или необоснованным обвинением, с ущербными доказательствами надо непременно участвовать в судебном следствии. Долг защитника в таких делах «...исключительно критиковать и «ловить» свидетелей и прокурора на

вопросе проверки фактов и подстроенности обвинения...»[1], разоблачать «шемякинские» стороны следствия и суда.

Наоборот, в тех случаях, когда подсудимые вполне изобличены, а обвинение опирается на несомненные документы и свидетелей, которые говорят правду, адвокату, как правило, следует воздержаться от участия в исследовании доказательств. В таких процессах ему лучше «...все внимание уделять защитительной речи»[2]. Так именно и поступал сам Ленин, выступая в Самарском окружном суде.

Да, приговоры по большинству дел, рассмотренных с участием В. Ульянова, являются обвинительными. Часть их даже чрезмерно сурова. Это верно. Но при оценке их нельзя забывать, что это были решения, на которые только и способно было буржуазно-помещичье правосудие, вынужденное, в известной мере, считаться с защитой. Кроме того, при их оценке (и оценке роли защитника В. И. Ульянова) необходимо учесть и такой факт, как прямое давление сверху на суды периферии.

Как известно, в конце 80-х и в начале 90-х годов, то есть в период адвокатской практики Ленина, окружные суды подверглись резкой критике со стороны правительства за якобы проявляемый ими либерализм. Вскоре под влиянием мер, принятых министерством юстиции, названные суды заметно «перестроились». В числе этих мер — предложение судьям, председательствующим в процессах, изменить характер так называемого резюме, то есть напутственного слова, с которыми они обращаются к присяжным заседателям. Реализуя данное предложение, судьи в своих заключениях все чаще стали склонять весы правосудия в сторону Сибири и каторги... Не случайно

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 9, стр. 171.
[2] Там же, стр. 172.

в указанные годы наблюдается усиление уголовной репрессии по делам, рассмотренным с участием «народного элемента».

Что касается Самарского окружного суда, то он прославился как один из самых строгих в империи. В справке Сената прямо говорится, что этот суд по силе наказания и количеству осужденных занял первое место среди одноименных судебных учреждений страны[1].

Оценивая результаты судебных процессов, прошедших с участием В. И. Ульянова, следует подчеркнуть, что достижению их в немалой степени содействовало участие его в так называемых судебных прениях. В этой части судебного разбирательства адвокат опровергал или доказывал слабость предъявленного его подзащитному обвинения, оспаривал юридическую квалификацию, предлагал суду свой проект будущего приговора.

Как того требовал закон, В. Ульянов как защитник выступал в суде с речью дважды: первый раз — сразу же по окончании судебного следствия и второй — после объявления присяжными заседателями обвинительного вердикта — решения о виновности подсудимого.

Содержание первых, так называемых заключительных прений, составляли характеристика и оценка (с позиций обвинения и защиты) доказательств, прошедших перед судом. Адвокат, в частности, мог говорить о всех тех обстоятельствах и доводах, которыми опровергалось или ослаблялось обвинение, о нарушении прокурором запрета закона представлять дело в одностороннем виде, преувеличивать значение имеющихся в деле улик и важность преступления, приписываемого подсудимому.

Предметом последующих прений (речей) являлось изложение обвинителем и защитником соображений относи-

[1] ЦГАОР, ф. 564, оп. 1, ед. хр. 265, л. 2.

тельно юридических последствий признания присяжными виновности подсудимого. Адвокат, например, в этот момент судебного разбирательства мог доказывать ненаказуемость действий, вмененных его подзащитному, неприменимость закона за истечением давности уголовного преследования, или просить суд о смягчении наказания, требуемого прокурором.

Следует особо подчеркнуть право, а вернее обязанность суда, прервать речь защитника, если в ней, по мнению судей, проявлялось неуважение к «...религии, закону и установленным властям...» (ст. 745 Устава уголовного судопроизводства).

В одном из разъяснений к приведенной статье Сенат дал понять, какие неприятности ждут адвоката, посмевшего в суде критиковать существующий государственный строй или действующие в империи законы. В другом своем решении Уголовно-кассационный департамент Сената обязывал суды принять «решительные меры» к ослаблению «вредных для правосудия» рассуждений адвоката...

Против «дерзкого» адвоката суд мог возбудить дисциплинарное преследование, им могло «заинтересоваться» губернское жандармское управление. Ведь это был период реакции, время, когда, по словам В. И. Ленина, в России за всякое открытое и честное слово могли «...схватить человека по простому приказу полиции, бросить его, без суда и следствия, в тюрьму или сослать в Сибирь»[1]. Могли, ибо ничего похожего на законность в России не было и следа[2].

И тем не менее смелости выражений Ульянова, остроте его реплик вероятно поражались все, кому доводилось слушать его судебные речи или обоснование заявленных

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 4, стр. 286.
[2] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 25, стр. 64.

им ходатайств. Судя по характеру дел (вспомним, например, процесс В. Муленкова, обвинявшегося в «богохульстве», или дело Красноселова), Ульянов не мог не касаться обстоятельств, которые присяга адвокатов считала крамольными и поэтому не подлежащими критике. Заботясь о вынесении справедливого приговора, он должен был говорить о том, чего страшно боялись судьи и многие его коллеги,— о причинах совершения преступления его подзащитными, об условиях, способствовавших созреванию у них решимости поднять руку на закон и порядок, о судьбе детей и родителей лиц, лишенных свободы.

В условиях тогдашней России В. Ульянову-защитнику было невероятно трудно выполнять свои профессиональные обязанности. И, прежде всего, потому, что суды смотрели на его подзащитных в большинстве случаев предвзято. Во-вторых, и главным образом, потому, что его клиентам и ему самому противостояла могущественная и злая сила в лице: потерпевших (кулаки и купцы), вершителей дела (царские суды), несправедливых законов.

Несомненно, адвокатская практика, его неоднократное и довольно активное участие в судебном следствии и в прениях сторон помогли Владимиру Ильичу выработать свое отношение к сложной проблеме истины в правосудии. Свои теоретические выводы по вопросу, как доискаться до правды в условиях противоречащих друг другу мнений и утверждений (что характерно для судебного процесса), он сформулировал позднее, уже в более зрелые годы. В замечательной статье «Спорные вопросы» он советует для установления истины «...не ограничиваться заявлениями спорящих, а самому проверять *факты* и *документы*, самому разбирать, есть ли показания *свидетелей* и достоверны ли эти показания»[1].

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 23, стр. 67.

Этим положением, подчеркивающим важность принципа непосредственности в исследовании доказательств, и руководствовался помощник присяжного поверенного В. Ульянов.

Юридическая деятельность помогла Владимиру Ильичу указать и на другие принципы (условия), гарантирующие исследователя от ошибок, от неверных выводов. К числу их он относит: 1) оперирование объективными и бесспорными фактами; 2) взаимосвязанность этих фактов; 3) совокупность фактов (доказательств) как фундамент, источник правильного вывода.

Вот как говорит об этом сам Владимир Ильич в работе «Статистика и социология»:

«Точные факты, бесспорные факты...— вот что особенно необходимо, если хотеть серьезно разобраться в сложном и трудном вопросе, сплошь да рядом умышленно запутываемом. Но как собрать факты? Как установить их связь и взаимозависимость? ...все дело в исторической конкретной обстановке отдельных случаев. Факты, если взять их в их *целом,* в их *связи,* не только «упрямая», но и безусловно доказательная вещь. Фактики, если они берутся вне целого, вне связи, если они отрывочны и произвольны, являются именно только игрушкой или кое-чем еще похуже...» И далее, объясняя задачу и образ действий исследователя, Ленин продолжает: «Вывод отсюда ясен: надо попытаться установить такой фундамент из точных и бесспорных фактов, на который можно было бы опираться... Чтобы это был действительно фундамент, необходимо брать не отдельные факты, а *всю совокупность* относящихся к рассматриваемому вопросу фактов, *без единого* исключения, ибо иначе неизбежно возникает подозрение, и вполне законное подозрение в том, что факты выбраны или подобраны произвольно, что вместо объективной связи и взаимозависимости исторических

явлений в их целом преподносится «субъективная» стряпня для оправдания, может быть, грязного дела. Это ведь бывает... чаще, чем кажется»[1].

Легко заметить, что приведенные положения имеют прямое и непосредственное отношение к судебному исследованию, являющемуся разновидностью научного познания истины.

В свете сказанного, с учетом позиции, которую занимал В. И. Ленин в уголовных процессах, и результатов последних, попытаемся выявить особенности ленинского стиля ведения защиты в суде.

При этом необходимо еще раз оговорить необычайную трудность решения этой задачи. Трудность эта обусловлена отсутствием текстов судебных речей В. Ульянова. И тем не менее обстоятельства уголовных дел, которые многократно и по возможности тщательно изучены многими исследователями, скупые секретарские записи вопросов и ходатайств Владимира Ильича, высказанных им мнений о предложениях своих процессуальных противников, наконец, итоги процессов, в которых он участвовал, позволяют указать на характерные черты ленинских судебных защит.

Последние отличаются во-первых, высокой принципиальностью и в то же время гибкостью; во-вторых, настойчивостью в поисках объективной истины по делу; в-третьих, смелостью в критике «шемякинских» сторон судопроизводства; в-четвертых, железной логикой; в-пя-

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 30, стр. 350—351. Аналогичную мысль высказал Владимир Ильич и в другой работе «Еще раз о профсоюзах». «Чтобы действительно знать предмет,—подчеркивает Ленин,—надо охватить, изучить все его стороны, все связи и «опосредствования» ...требование всесторонности предостережет нас от ошибок...» (*В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 42, стр. 290).

тых, страстностью и внутренней убежденностью; и, наконец, в-шестых, высоким ораторским мастерством защитительных речей.

По рассказам современников, Владимир Ильич блестяще выступал в самарском кружке, на диспутах с видавшими виды народниками. Вот что в этой связи сообщает М. Семенов (Блан), которому посчастливилось не раз слушать молодого Ленина в Самаре. «Говорил Владимир Ильич просто, необычайно убедительно, но при этом филигранно отделывая каждую фразу». Его умение выступать публично, продолжает М. Семенов... «еще тогда (т. е. в самарский период — *И. С.*) обнаруживало в нем великолепного оратора»[1].

Распространяя приведенную оценку ораторского мастерства Ленина на его судебные (защитительные) речи, можно с уверенностью сказать, что все судебные «выигрыши» Ленина обусловлены были также его стилем защиты, его умением воздействовать на судей и присяжных заседателей силой своей необыкновенно ясной мысли, впечатляемостью живого слова, искусством аргументации. Один из «секретов» успеха ленинских судебных защит — это соблюдение им же сформулированного принципа — требования критиковать и «ловить» свидетелей и прокурора на вопросе проверки фактов и подстроенности обвинения.

Характеристика судебных выступлений В. Ульянова предполагает указание на их двоякую роль: с одной стороны, они служили защите бедняков, ставших преступниками отнюдь не по своей вине; с другой стороны, они обвиняли и осуждали царизм, капитализм — прямых виновников положения, в котором очутились его подзащитные.

[1] *М. И. Семенов (Блан).* Цит. раб., стр. 50—52.

СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА В. И. УЛЬЯНОВА ПО ГРАЖДАНСКИМ ДЕЛАМ

Участие адвоката в дореволюционном русском гражданском процессе имело известные особенности. Поэтому мы сочли целесообразным рассмотреть практику Владимира Ильича по гражданским делам отдельно. Как уже отмечалось, в Самаре он провел, по крайней мере, четыре таких процесса, в том числе дела Мороченковых, Константинова-Брискера, Графова и Чекмарова (последнее не до конца).

Остановимся прежде всего на деле № 239 по иску С. И. Мороченкова к Мелекесской посадской управе по поводу имущества умершей жены «запасного солдата» А. К. Мороченковой-Головиной о признании за истцом права собственности на усадебную землю[1].

Дело слушалось в Самарском окружном суде неоднократно: 24—25 августа, 13 ноября 1892 г., а затем в марте и мае 1893 г. В процессе наряду с Ульяновым участвовал и адвокат Хардин. Интересы крестьянина А. К. Палалеева, брата покойной Головиной, защищал Ульянов. Хардин представлял интересы Мелекесской управы. Дело это было достаточно запутано и осложнено не столько его обстоятельствами, сколько поведением опытного адвоката А. Лялина — поверенного истца. Но это не смутило молодого юриста В. Ульянова[2].

История вступления В. Ульянова в процесс такова. В начале января 1893 г. к Хардину обратился А. Палалеев, опекун над имуществом его покойной сестры А. Го-

[1] ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС, ф. 461, ед. хр. 25978.

[2] О сложности дела по иску С. Мороченкова свидетельствует в частности и то, что решение суда по нему едва уместилось на 14 страницах, исписанных убористым почерком.

ловиной, с просьбой взять на себя защиту его интересов в деле, возбужденном Степаном Мороченковым. Хардин, приняв предложение, тут же оговорился, что он намерен представлять в суде интересы посадской управы, а для защиты интересов обратившегося он рекомендует своего помощника, В. Ульянова. Доверенность, скрепленная печатью нотариуса 19 января, от имени А. Палалеева, начиналась словами: «Милостивый государь, Владимир Ильич! В качестве опекуна над имуществом умершей моей сестры... и лично за себя прошу Вас принять на себя ведение дел... в общих судебных установлениях...» (л. д. 31).

Побеседовав со своим доверителем и изучив дело, Владимир Ильич узнал следующее. За несколько лет до возбуждения настоящего иска брат истца, Павел Мороченков, решил перечислить на имя своей жены, Анастасии Кирилловны, принадлежащее ему на праве собственности «усадебное место». На основании его нотариально удостоверенного заявления Мелекесская посадская управа выдала жене специальное удостоверение.

Вскоре, однако, супруги Мороченковы скончались. Спорный участок унаследовал брат Анастасии, А. К. Палалеев. Считая, что действия Управы неправильны и что единственным законным наследником является брат Павла Мороченкова Степан (истец по делу), поверенный последнего, Лялин, требовал: 1) признать купчую крепость[1], выданную А. К. Головиной, недействительной; 2) признать право собственности на спорный участок за истцом.

Ознакомившись с исковым заявлением, датированным 17 августа 1892 г., и остальными материалами дела,

[1] Купчая крепость — нотариально удостоверенный договор купли — продажи недвижимого имущества.

Ульянов представил в суд свои возражения. В деле хранится документ с возражениями против доводов Лялина, написанный рукой Владимира Ильича 13 марта 1893 г. (см. л. 28—30). Он поражает нас точным и тонким анализом действующего гражданского законодательства, глубоким мышлением цивилиста, логичностью обоснования критики позиции истца.

Прежде всего, автор возражений выявляет свое отношение к акту перечисления (перевода) спорного участка на имя Анастасии Мороченковой. «Перечисление это,— пишет Ульянов,— совершенно законное, так как уплата выкупа Павлом Мороченковым сама по себе отнюдь не переносила права собственности на усадьбу от Управы на Павла Мороченкова (ибо по закону переход недвижимой собственности происходит лишь по крепостным документам — и притом с момента утверждения их старшим нотариусом), а только давала Павлу Мороченкову право требовать от Управы или выдачи ему крепостного документа за землю, или возвращения уплаченных денег. Само собой разумеется, заявление Управы, что «право собственности с 30 декабря 1892 г. переходит к нему, Мороченкову», никакой силы не имеет, ибо домашними документами право собственности на недвижимость не переносится.

До выдачи крепости усадебное место было в собственности Управы. Последняя, перечислив его по просьбе Павла Мороченкова на имя его жены, совершила потом купчую крепость на продажу этого места Анастасии Кирилловой-Мороченковой (по второму мужу — Головиной)».

Исходя из этих соображений, Владимир Ильич приходит к логическому выводу об отпадении первого искового требования истца о признании этой купчей недействительной. Вместе с тем, лишилось основания и вто-

рое исковое требование о признании права собственности на плановый участок № 60 за Степаном Мороченковым.

Таким образом, в данном деле В. Ульянов исходил из следующих правообразующих обстоятельств: во-первых, из факта подачи П. Мороченковым в Мелекесскую посадскую управу заявления о перечислении принадлежащего ему усадебного места на имя жены, и, во-вторых, из наличия решения Управы, коим просьба покойного была удовлетворена.

Юридическим последствием названных обстоятельств было то, что после смерти Анастасии право наследования перешло к ее единственному правопреемнику — брату, Антону Палалееву.

Убежденный в том, что спорным усадебным участком совершенно законно владеет ныне А. Палалеев, родной брат и единственный наследник А. Мороченковой и учитывая приведенные выше мотивы, Владимир Ильич просил суд в иске отказать, «возложив на истца судебные и за ведение дела издержки».

Не будучи в состоянии опровергнуть пункты-доводы, изложенные поверенным ответчика, Лялин решил взять суд «измором». С этой целью он стал заявлять самые различные ходатайства, не основанные на законе и рассчитанные на затяжку дела.

Ввиду препятствий, чинимых поверенным истца нормальному движению процесса, Ульянову пришлось 24 апреля заявить в порядке ст. 320 Устава гражданского судопроизводства ходатайство о назначении дела к слушанию по существу.

Однако и после этого Лялин не давал суду покоя. 18 мая он решил вдруг сделать Палалеева «третьим лицом» в процессе, поскольку-де он владеет имуществом умершей на правах собственника.

Как видно из протокола судебного заседания, Ульянов не согласился с подобной постановкой вопроса. Возражая против предложения Лялина, он резонно заметил: «Палалеев есть его доверитель и участвует в настоящем деле как опекун, так что надобность в привлечении его к настоящему делу в качестве третьего лица излишняя» (л. д. 36 об.).

Как и следовало ожидать, суд отклонил ходатайство Лялина. Но Лялин не успокоился. Он придумал новый «козырь» в защиту интересов своего клиента. С его точки зрения, посадская управа, допуская отчуждение земельных участков частным лицам, грубо нарушила закон. Это во-первых. Во-вторых, с момента получения выкупа за место она потеряла на него всякое право.

Возражая своему процессуальному противнику, Ульянов, имея в виду интересующий стороны и суд вопрос, заявил: «Крепостного документа на спорное место совершено не было, а следовательно, управа имела полное право распорядиться таким местом; что же касается внесенного за то место выкупа, то Мороченков имел полное право требовать о возврате ему такового» (из протокола судебного заседания 18 мая, л. д. 37-об.). Вслед за Ульяновым слово попросил Хардин, полностью поддержавший точку зрения своего юного коллеги.

1 июня, после длительного совещания судей, было объявлено решение. На 14 страницах суд подробно изложил сущность спора, позиции и доводы сторон и аргументацию вывода суда о необоснованности и ошибочности притязаний истца и его поверенного.

Мы вновь и вновь, чтобы не ошибиться, перечитываем эту часть судебного решения. И убеждаемся, что авторы его полностью, в сущности дословно, восприняли соображения, высказанные Владимиром Ильичем в суде в письменной и устной форме.

Не процессы ли, подобные вышеописанному, не судьбы ли Палалеевых и Степанов Мороченковых имел в виду В. И. Ленин, когда в работе «По поводу так называемого вопроса о рынках», написанной в том же 1893 г., отмечал: «С одной стороны, крестьяне бросают землю, продают наделы, сдают их в аренду,— с другой стороны, крестьяне же арендуют наделы и с жадностью покупают частновладельческие земли»[1].

20 ноября 1892 г. в гражданском отделении Самарского окружного суда было заведено дело № 360 по иску присяжного поверенного Подбельского, являвшегося присяжным попечителем по делам несостоятельного должника И. Кузнецова к самарскому мещанину И. С. Чекмареву[2].

Из искового прошения явствует, что Кузнецов в целях сокрытия имущества от своих кредиторов 18 марта 1891 г. заключил с Чекмаревым сделку о продаже последнему за 9000 рублей двух фруктовых садов.

Присяжный попечитель просил суд признать сделку недействительной, сады же из содержания ответчика изъять и передать в конкурсную массу несостоятельного должника Кузнецова.

Анализ материалов дела и окончательного решения по нему суда, занявшего 12 страниц, и определения Саратовской судебной палаты на 7 страницах убеждает, что это дело довольно запутанное и сложное. Не случайно стороны избрали для защиты своих интересов в суде довольно известных в городе адвокатов: Подбельского (представитель истца) и Хардина (представитель ответчика).

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч.. т. I, стр. 104.
[2] ЦПА ИМЛ, ф. 461, ед. хр. 74771.

Судебное разбирательство было назначено на 8 декабря. Случилось так, что выступить в этот и ближайшие дни Хардин не имел возможности, и потому он за 4 дня до процесса поручил ведение дела В. И. Ульянову, против чего доверитель Чекмарев не возражал.

Факт передоверия был надлежаще юридически оформлен у нотариуса. В своей доверенности Хардин писал: «Милостивый государь, Владимир Ильич! На основании доверенности, данной мне с правом передоверия самарским купцом Иваном Семеновичем Чекмаревым... , сим уполномочиваю Вас на ведение всех гражданских и уголовных дел его во всех судебных установлениях».

Доверенность заканчивалась словами, выражавшими глубокую убежденность патрона в способностях и успехах своего помощника, беспредельное доверие к нему: «Всему, что Вы по этой доверенности законно сделаете,— пишет Хардин,— я вам верю, спорить и прекословить не буду...»

В открывшееся 8 декабря судебное заседание явились поверенные сторон, в том числе Ульянов. Проверив и признав законно оформленной доверенность, представленную Ульяновым, суд допустил его к участию в процессе.

Однако довести его до конца Владимиру Ильичу все же не пришлось. Дело в том, что вскоре после открытия судебного заседания Подбельский (поверенный истца) представил в обоснование своего требования 7 дополнительных документов. Обозрев их, В. Ульянов заявил ходатайство об отложении дела слушанием на какой-либо другой день, так как для изучения новых бумаг истца необходимо время (л. д. 14). Суд, признав просьбу помощника присяжного поверенного обоснованной, удовлетворил ее. Очередное судебное разбирательство было назначено на 19 января 1893 г. По причинам, выяснить которые нам не удалось, оно проходило без участия

В. Ульянова. В дальнейшем дело повел и довольно успешно закончил сам Хардин.

Последним гражданским делом (из числа известных нам), в рассмотрении которого принял участие В. И. Ленин, было дело № 365 по иску купца А. Константинова к Б. Шимковичу и Л. Брискеру[1]. И к этому делу Владимира Ильича привлек А. Н. Хардин.

Слушалось оно 12—13 января 1893 г. в том же Самарском окружном суде, затем по второй инстанции — в Саратовской судебной палате. Обстоятельства дела, согласно исковому заявлению, рисуются в следующем виде. Ответчики получили у купца по договору 62 тысячи рублей на заготовку шпал. Отчитались же они лишь за израсходование 50 тысяч рублей. Истец просил суд взыскать в его пользу с Шимковича и Брискера остальную сумму. Интересы первого ответчика представлял адвокат Г. Клеменц, интересы второго — В. И. Ульянов.

О позиции Владимира Ильича и Г. Клеменца можно судить преимущественно по секретарским записям в протоколе судебного заседания (л. д. 18—19).

Возражая против иска, поверенные ответчиков заявили, что с их точки зрения требование Константинова является не только преждевременным, но и не доказанным и потому не подлежит удовлетворению. Чтобы обосновать иск, утверждали они, купец должен сначала доказать получение ответчиками названной в исковом заявлении суммы. Кроме того, продолжали в своих выступлениях Ульянов и Клеменц, необходимо также разрешить так называемый преюдициальный вопрос[2], без чего немыслимо

[1] ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС, ф. 461, ед. хр. 44772.

[2] Правовой вопрос, без предварительного разрешения которого нельзя решить другие вопросы или даже все дело в целом.

правильно рассмотреть дело. Они имели в виду вопрос о сущности договора, заключенного в свое время между истцом и ответчиками по делу, то есть является ли он договором личного найма или договором подряда, а также, в каком качестве выступали в этой сделке Брискер и Шимкович: приказчиками или подрядчиками?

Установление этих обстоятельств имело решающее значение для определения способа доказывания характера взаимоотношений между сторонами и претензий истца. Ведь по закону договор личного найма можно было заключить в устной форме и доказывать его условия свидетельскими показаниями. Что касается договора подряда, то его юридическая сила зависела от того, заключен ли он в письменной или другой форме. Доказывание условий, предусмотренных в нем, с помощью свидетелей не допускалось. Поскольку этот важный вопрос не был ясен, Ульянов, опираясь на закон и разъяснения правительствующего Сената, заявил, что иск Константинова следует считать преждевременным и недоказанным.

Утверждение истца, будто Саратовская судебная палата, рассматривавшая данное дело, сочла получение ответчиками 62 тысяч рублей фактом, поверенные последних отвергли. Наоборот, отметили они, «из решения Палаты видно, что она не только не признала доказанным получение этих денег, но отстранила от своего рассмотрения этот вопрос». На самом деле, продолжал Ульянов, «Палата, не входя в рассмотрение количества полученных денег и считая доказанным получение лишь 12 тыс. рублей, решила вопрос только о квалификации договора. Необходимость особого выделения этого вопроса (т. е. о роде договора между спорящими сторонами — *И. С.*) и разрешения его отдельно от вопроса о количестве полученных денег вызывалась, во-первых, той постановкой, которую получило дело в первой инстанции, а во-вторых,

невозможностью перейти к оценке доказательств ранее решения вопроса, приказчиками или подрядчиками были Брискер и Шимкович, так как законы о доказательствах различны для подряда и для найма (см. л. л. 20-об, 21).

В свете приведенных фактов и соображений, ответчики и их поверенные были уверены, что иск будет отклонен. Однако Самарский окружной суд почему-то не посчитался с безупречной в правовом отношении аргументацией адвокатов ответной стороны. Купец Константинов торжествовал, но недолго.

Убежденные в своей правоте, поверенные ответчиков апеллировали в Саратовскую судебную палату. И добились своего: гражданский департамент палаты в качестве суда второй инстанции 19 мая 1893 г. отменил решение Самарского окружного суда, чем полностью подтвердил правильность позиции, отстаиваемой молодым помощником Хардина и Клеменцом.

Участвовал ли Владимир Ильич в разбирательстве этого дела в апелляционном порядке, сказать трудно. По всей вероятности, нет, ибо еще 18 мая был занят в Самаре в процессе Мороченкова — Палалеева.

Есть основания предполагать, что в качестве поверенного сторон в гражданском процессе Владимир Ильич выступал и в Самарском уездном съезде — учреждении, заменившем по закону от 12 июня 1889 г. съезд мировых судей. Поддерживать жалобы в этой инстанции должен был Хардин, но нередко за него это делали его помощники, в том числе, по-видимому, и В. Ульянов.

Неоднократные совместные выступления с Ульяновым, специальные прослушивания его речей дали А. Н. Хардину основание восторгаться способностями своего помощника. При встрече с коллегами, Андрей Николаевич подчеркивал его не по возрасту высокую эрудицию,

называл Владимира Ильича крупным знатоком действующего законодательства, в особенности гражданского.

По свидетельству Н. Самойлова, современника и приятеля Хардина, последний выражал сожаление, что Ульянов не хочет специализироваться в области цивилистики, которую знал в совершенстве[1].

Таковы некоторые факты из адвокатской практики помощника присяжного поверенного В. И. Ульянова в Самаре. Надо полагать, что при дальнейшем исследовании самарского периода жизни Владимира Ильича, после еще более тщательного изучения архивов самарских судов, Саратовской судебной палаты будут обнаружены новые ценные материалы о его деятельности в качестве защитника и адвоката[2].

ВЫСТУПЛЕНИЯ В. И. УЛЬЯНОВА В КАЧЕСТВЕ ОБВИНИТЕЛЯ

В самарский период своей жизни Владимир Ильич выступал и в качестве обвинителя. Правда, всего один раз. Имеется в виду случай столкновения 22-летнего В. Ульянова сперва на переправе через Волгу, а затем в суде с купцом-самодуром А. Н. Арефьевым.

Об этом случае рассказывает в своих воспоминаниях младший брат Ленина, Дмитрий Ильич Ульянов.

[1] *Н. Самойлов.* Некоторые указания для исследования биографии тов. Ленина в период бытности его пом. присяжного поверенного. «Пролетарский суд», 1925, №3, стр. 12.

[2] Возможно, отыщется и дело рабочего Ф. Ермишина, по иску которого суд взыскал с подрядчика А. И. Юрина 20 рублей. Наш интерес к этому простому делу обусловлен тем, что исковое прошение от имени Ермишина, по словам последнего, было составлено В. Ульяновым... *(М. Ермишин.* Прошение, «Гудок», 22 апреля 1941 г.)

«Летом 1892 г. Владимир Ильич вместе с Елизаровым был в Сызрани. Оттуда они собрались проехать на несколько дней в деревню Бестужевку, где брат Марка Елизарова крестьянствовал. Для этого надо было проехать на левый берег Волги.

В то время в Сызрани переправу через Волгу монопольно арендовал богатый купец Арефьев. У него был небольшой пароходик с баржей, на которых перевозились и люди, и лошади, и повозки. Купец запрещал лодочникам заниматься переправой, ревниво оберегая свои монопольные права. Поэтому каждый раз, когда лодочник набирал пассажиров, его лодку, по распоряжению Арефьева, нагонял пароходик и отвозил всех обратно.

Владимиру Ильичу не хотелось ждать перевоза, и он уговорил Марка Елизарова ехать на лодке. Лодочники не соглашались везти, боясь купца и заявляя, что все равно он воротит их обратно. Однако Владимиру Ильичу удалось-таки уговорить одного из них поехать, причем он энергично доказывал, что если Арефьев вернет лодку, то будет предан суду за самоуправство.

Сели в лодку и двинулись на перевал. Арефьев, увидев с пристани, где он сидел за самоваром на балконе, крикнул Марку, с которым был знаком как земляк:

— Бросьте, Марк Тимофеевич, эту затею. Ведь вы знаете, что я за переправу аренду плачу и не позволяю лодочникам перевозить на ту сторону. Идите лучше со мной чай пить и знакомого вашего ведите. Все равно поедете на пароходе, велю вас воротить.

Владимир Ильич стал настаивать, теперь еще более решительно, продолжать путь и не слушать самодура. Лодочник уныло говорил:

— Все равно воротит, зря едем, сейчас пароход нагонит, баграми нас к борту и вас ссадят на пароход.

«Да поймите вы,— сказал Владимир Ильич,— что он не имеет права этого делать. Если он лодку задержит и силой заставит нас вернуться, будет сидеть в тюрьме за самоуправство».

— Сколько раз он так проделывал, и никакого суда не бывало. Да и кто станет с ним судиться, очень большую силу забрал в Сызрани, и судьи-то у него, должно быть, все свои...

Лодка, по настоянию Владимира Ильича, продолжала свой путь на левый берег, хотя было совершенно ясно, что Арефьев приведет свою угрозу в исполнение. Едва лодка достигла середины реки, послышался свисток пароходика, который, отцепив баржу, быстро погнался за лодкой.

— Ну, вот вам и переехали,— произнес лодочник.— Сейчас обратно поедете. И никакой суд ничего сделать не может, он всегда правый будет.

Пароход, догнав лодку, остановил машину. Два-три матроса, привычно работая баграми, подтянули лодку к борту и предложили пассажирам перебраться на пароход.

Владимир Ильич стал разъяснять служащим, что они не имеют права задерживать их и будут преданы суду за самоуправство, за что грозит тюрьма.

— Никакого значения,— доказывал он,— не имеет то обстоятельство, что Арефьев арендовал переправу через реку, это его дело, а не наше, и это ни в каком случае не дает права ни ему, ни вам бесчинствовать на Волге и силой задерживать людей.

На это капитан возразил:

— Ничего мы не знаем, нам приказал хозяин парохода, и мы обязаны слушаться и исполнять его распоряжения. Пожалуйста, пересаживайтесь, мы не дадим вам ехать дальше.

Пришлось подчиниться. Но Владимир Ильич сейчас же записал имена и фамилии всех служащих, принимавших участие в задержке лодки, а также лодочника и других свидетелей...

По возвращении через несколько дней в Самару Владимир Ильич подал жалобу на Арефьева, обвиняя его в самоуправстве...

Однако добиться (осуждения купца — *И. С.*)... Владимиру Ильичу стоило еще немало хлопот...

Арефьев, зная о безнадежности своего положения и грозившей ему каре, пустил в ход все свои связи, чтобы оттянуть по возможности дело. Ему и его защитникам казалось, что бросит же, наконец, этот беспокойный человек ездить за сотню верст без всякой для себя выгоды, без всякой пользы, с их точки зрения...

На третий разбор дела Владимир Ильич получил повестку уже зимой, в конце 1892 г.[1] Он стал собираться в путь. Поезд отходил что-то очень рано утром или даже ночью, предстояла бессонная ночь, скучнейшие ожидания в камере земского начальника, на вокзалах и т. д. Хорошо помню, как мать всячески уговаривала брата не ехать.

— Брось ты этого купца, они опять отложат дело, и ты напрасно проездишь, только мучить себя будешь. Кроме того, имей в виду, они там злы на тебя.

— Нет, раз уж я начал дело, должен довести его до конца. На этот раз им не удастся еще оттягивать.

И он стал успокаивать мать...»[2].

[1] Здесь в рассказе Дмитрия Ильича вкралась неточность: второй и последний разбор дела состоялся 25 сентября 1892 г. (см. «Самарская газета», 3 октября 1892 г.).

[2] Воспоминания о В. И. Ленине, ч. 1. Госполитиздат, 1956, стр. 66—68.

К сожалению, в приведенных воспоминаниях не получили отражения обстоятельства, связанные с судебным процессом, с позицией сторон и председательствующего, которые, разумеется, представляют большой интерес. В самом деле, что и как доказывал обвинитель В. И. Ульянов? Как выгораживал своего подзащитного адвокат-крючкотвор Н. А. Ильин? Как вел себя А. Д. Ребровский, земский начальник 2-го участка Сызрани, руководивший разбирательством?

Характер настоящего исследования обязывал нас побывать в Куйбышеве, посетить места, связанные с жизнью и деятельностью В. И. Ленина в старой купеческой Самаре. Как и В. К. Шалагинову, автору замечательных очерков «Судья», «Старая Самара о Ленине-юристе» и др., нам пришлось обратиться к архивным фондам Самарского окружного суда и земских начальников Самарской губернии. Мы внимательно ознакомились с десятками дел, рассмотренных в 1892—1893 гг. в судебном и административном порядке. Надеялись разыскать дополнительные данные об адвокатской деятельности молодого Ленина или какие-нибудь материалы, способные хоть немного разъяснить обстоятельства, связанные с делами Графова и Арефьева.

С чего начать? Правильнее всего, очевидно, с просмотра местных газет. По календарям-справочникам Самары за 1892—1893 гг. мы легко установили, что издавалось в те годы в Поволжье и, в частности, в Самарской губернии. И вот перед нами на столе кипы пожелтевших от времени и достаточно потрепанных по виду газет. Среди них и «Волжский вестник», и «Губернские ведомости», и, наконец, «Самарская газета».

Нам было известно, что дореволюционная столичная пресса широко, почти стенографически, освещала мало-мальски интересные (особенно скандальные) процессы.

Самарские издатели не могли не подражать своим столичным коллегам. Наши предположения оправдались. Особенно часто репортажи «из судебного зала» или краткие заметки в отделе уголовной хроники публиковала «Самарская газета». Но в какой из названных газет может быть опубликовано сообщение об интересующих нас делах?

Зная из воспоминаний Д. И. Ульянова, что нашумевший случай самоуправства произошел в начале лета 1892 г., мы внимательно просмотрели комплекты газет последовательно за июнь, июль, август и сентябрь месяцы этого года.

И лишь при повторном просмотре № 173 «Волжского вестника» за 4 июня 1892 г. мы обратили внимание на небольшую заметку. Прочесть ее заставила фигурировавшая в ней фамилия «Елизаров». Не о Марке ли Тимофеевиче идет речь? Да, именно о нем. «Недавно,— говорилось в заметке,— некто г. Елизаров с братом близ Сызрани переезжали Волгу на нанятой им лодке. Едва они успели отъехать от берега, как заметили, что наперерез им идет перевозочный пароход, принадлежавший А. Н. Арефьеву. Оказалось, что г. Арефьев считает Волгу своей монополией и никому, кроме его парохода, не позволяет перевозить через нее пассажиров». Все в этой заметке, как говорится, соответствовало действительности, за исключением двух моментов: спутником Елизарова на лодке был Владимир Ильич, брат жены Марка Тимофеевича. И вторая неточность: уголовное дело против купца-самодура возбудил не «...г-н Елизаров», а Владимир Ильич.

Обращаемся затем к «Самарской газете». В номере за 3 октября, на третьей странице мы увидели заголовок: «Финал арефьевского дела». Под ним следовал отчет о разбирательстве дела купца Арефьева. Подписи нет: автор, видимо, имел основания остаться неизвестным.

Чем привлекает и подкупает информация в «Самарской газете»? Прежде всего своей объективностью, последовательностью и скрупулезностью изложения хода и исхода процесса Арефьева. Читая о нем, ясно видишь участников дела, их позиции, силу приведенной аргументации. Чувствуется, что автор далек от пассивного созерцательного отношения к тому, что он видел и слышал в процессе. Он выявляет свое отношение к поступку Арефьева, к позиции сторон и, наконец, к решению земского начальника. Причем его оценка процесса и финала дела является исключительно острой и принципиальной. Подчеркнув большое общественное значение маленького дела о самоуправстве, автор горячо одобряет образ действий обвинителя, решившего потягаться с влиятельным арендатором переправы.

По всей вероятности, человек, написавший отчет об арефьевском деле, лично присутствовал при его разбирательстве и был достаточно эрудирован в вопросах права и действовавшего в то время законодательства.

В начале газетной корреспонденции приводится справка о том, когда и в связи с чем возникло дело Арефьева. В ней указывается, что оно возбуждено по жалобе «потерпевших Е. и У.». (Елизарова и Ульянова — *И. С.*) и слушалось дважды: 15 июня и 25 сентября. Подсудимых двое: Арефьев и штурман его парохода А. Семенов. Затем самым детальным образом живописуется картина самоуправства, допущенного в отношении потерпевших подсудимыми.

Пожалуй, самой интересной является та часть газетного отчета, в которой освещаются содержание и результаты первого заседания, состоявшегося 15 июня. Оно проходило очень бурно. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что Арефьев, стремясь сорвать процесс, не явился на заседание. Вместо него пришел частный

поверенный Н. А. Ильин, который, как свидетельствует автор отчета, «всякими способами и изворотами старался выгородить своего клиента».

Поняв, что представляет собой обвинитель, адвокат перестал надеяться на последствия знакомства своего подзащитного с земским начальником. Стремясь отразить атаки Ульянова-обвинителя, Ильин пустил в ход четыре возражения.

Сначала он утверждал, что матросы сами изловили лодку, и, дескать, их шеф — арендатор перевоза — тут ни при чем. В подтверждение своего тезиса Ильин сослался на обвиняемого Семенова (штурмана), который, выгораживая хозяина, принял вину на себя. Запутавшись (не без помощи защитника), штурман заявил, что «хозяин (т. е. Арефьев — *И. С.*) завсегда так велит...» Попав впросак, адвокат решил пуститься на другую хитрость: верно, что приказ изловить и вернуть к берегу лодку дал Арефьев. Но какой Арефьев? Суду должно быть известно, что у его подзащитного, Александра Николаевича, имеется брат, Сергей Николаевич, который, якобы, и дал ту злополучную команду...

Поскольку обвинение, опираясь на свидетелей-очевидцев, опровергло и это утверждение защиты, следовало ожидать, что Ильин перестанет отрицать виновность купца. Но, «содрав гонорар неумеренный», адвокат решил не отступать. Он хватается за новую, шитую белыми нитками, версию: за все случившееся должна быть в ответе полиция, которая будто бы «сама велела излавливать» лодочников. Обвинению не стоило большого труда доказать несостоятельность и этой версии.

Факт самоуправства стал очевидным для всех, кто был в зале заседания. Не могла его больше отрицать и защита. Однако и теперь она продолжала изворачиваться. Ей хотелось доказать недоказуемое: убедить суд в том, что

Арефьев имел право сделать то, в чем его сегодня зря (!) обвиняют, ибо ему принадлежит монополия перевоза в районе деревни Батраки.

Рассмотрение дела приближалось к концу, уже можно было перейти к прениям сторон. Всем присутствующим в процессе стало ясно, что, скрестив шпаги с защитником Арефьева, обвинитель Ульянов легко выйдет победителем. Но судебные прения открыты не были. Их сорвала защита, поддерживаемая земским начальником. Неожиданно поступило ходатайство Ильина. Он «покорнейше» просил об отложении разбора дела ввиду необходимости представления в суд «важных» документов. Как пояснил защитник, он имеет в виду документы, доказывающие право Арефьева на монополию перевоза.

В ответ на этот трюк защиты с резкими возражениями выступил обвинитель. К великому сожалению, о характере их в газетном отчете сказано предельно скупо. Автор корреспонденции ограничился лишь указанием на то, что В. Ульянов, настаивая на отклонении ходатайства своего процессуального противника, заявил: «Все эти документы (о монополии на перевоз — *И. С.*) не идут к делу, так как суть дела не изменится, потому что самовольная защита и своих действительных прав признается законом за самоуправство»[1]. Председательствующий, однако, не внял логичным и юридически обоснованным доводам обвинения. Откровенно симпатизируя защите, он удовлетворил ее ходатайство.

Вторичное рассмотрение дела было назначено на 25 сентября. Наступил день заседания. К указанному в

[1] *Т. Н. Барковская,* автор книги о самарском периоде жизни В. И. Ленина, допустила неточность, указав, что предложение о представлении защитой упомянутых материалов внес будто бы Ульянов (см. «Начало большого пути». Куйбышев, 1964, стр. 228).

повестках времени из Самары в Сызрань приехал Владимир Ильич[1]. Что касается подсудимого, то он и на этот раз уклонился от явки. Не явился также и его защитник Ильин, который не позаботился даже о представлении обещанных доказательств. И поступил он так только потому, что испугался обвинения и не хотел окончательно оскандалиться.

По настоянию потерпевшего-обвинителя дело в отношении Арефьева было рассмотрено заочно. Земскому начальнику, правильно оценившему силу обвинения, ничего не оставалось, как вынести обвинительный приговор по ст. 142 Устава о наказаниях, налагаемых мировыми судьями. В отчете по этому поводу говорится, что земский начальник постановил «выдержать самарского купца Александра Николаевича Арефьева под арестом один месяц, а крестьянина с. Батраки штурмана А. Семенова — одну неделю». Таков был финал арефьевского дела.

Надо сказать, что о подобного рода проделках Арефьева в районе переправы знали многие, и притом давно знали, но молчали, так как боялись с ним связываться: слишком уж часто подтверждалась поговорка: «...с богатым не судись».

«Несомненно,— пишет в своих воспоминаниях Д. Ульянов,— были люди, которые не могли не видеть, что купец действует беззаконно, но не решались или не хотели тягаться с ним по судам...» Но нашелся смелый человек — молодой адвокат В. Ульянов. Пренебрегая совета-

[1] *Л. Радищев,* автор рассказа «Греби вперед», в противоречии с фактами, указывает, будто повестка о вторичном слушании дела Арефьева была получена В. Ульяновым всего «за несколько дней до Нового года» (см. «Рассказы о Ленине», изд. «Худож. лит.», М., 1964, стр. 16). Этого не могло быть, так как второе и последнее по счету разбирательство дела купца-самодура состоялось почти за 3 месяца до Нового года.

ми близких, не считаясь ни с чем, он вступил в неравный бой с человеком, на стороне которого были и общественное мнение купеческой Самары, и симпатии судьи. Цель, которую поставил перед собой Ульянов, затевая процесс,— основательно встряхнуть стоячее обывательское болото, «научить лодочников, как надо бороться за свои права» — была достигнута. Купца-самодура наказали, о финале его процесса благодаря газетам узнали почти все приволжские города и села. Обвинением и осуждением Арефьева Ленин помог многим простым людям Поволжья осознать возможность и необходимость отстаивания своего права, использования в этих целях всех легальных возможностей.

Большой интерес представляет заключительная часть отчета, где довольно смело подчеркнуто общественное и профилактическое значение процесса. «Таким образом,— резюмирует автор отчета,— деяния Арефьева получили достойную оценку в приговоре земского начальника и, вероятно, когда Арефьев познакомится с сладостью ареста, то у него пропадет всякая охота излавливать на своем пароходе переезжающих Волгу. Только такими мерами и возможно доказать Арефьеву и ему подобным, что личность неприкосновенна и что право, даже и действительное, а не только созданное пылкой фантазией, следует защищать не самоуправно, а в указанном законом порядке».

Как известно, купцу-самодуру, несмотря ни на что, пришлось отсидеть за решеткой сполна все 30 дней...

В практике В. И. Ленина был еще один случай поддержания обвинения в суде. Этот случай относится ко времени пребывания Владимира Ильича в Париже. Однажды (это было в конце декабря 1909 г.) он ехал на велосипеде и его чуть было не сшиб автомобиль, мчавшийся с недозволенной скоростью. Велосипед при этом

оказался изуродованным, неизвестный вначале шофер скрылся. Вскоре Ленину удалось выяснить, что за рулем сидел владелец машины, виконт М. Это обстоятельство, однако, не смутило потерпевшего. Он твердо решил возбудить судебное преследование против водителя-лихача.

Вот что рассказывает о «велосипедном деле» сам потерпевший: «Ехал я из Жювизи[1],— писал Владимир Ильич своей матери из Парижа,— и автомобиль раздавил мой велосипед (я успел соскочить)[2]. Публика помогла мне записать номер, дала свидетелей. Я узнал владельца автомобиля (виконт, черт его дери) и теперь сужусь с ним (через адвоката)». И еще в этом же письме: «Сужусь. Надеюсь выиграть»[3].

Из последующих писем Владимира Ильича к родным видно, что надежда его полностью оправдалась: «велосипедное дело» кончилось в его пользу. «Процесс я выиграл и скоро должен получить деньги с хозяина автомобиля»,— сообщает он в письмах от 31 января и 13 февраля 1910 г.[4]

Говоря строго юридически, В. И. Ленин выступал в данном деле гражданским истцом, фактически же он

[1] Жювизи — небольшой городок под Парижем, куда ездил Владимир Ильич, чтобы увидеть первые полеты аэропланов.

[2] Ленин впоследствии сравнивал этот случай с уроком диалектики: «Вот как я столкнулся с диалектикой: сел на велосипед, а соскочил с кучи железного лома». (*П. Петровски.* В Париже, в кружке Ильича. Сб. «О Ленине, воспоминания зарубежных современников», М., 1962, стр. 107).

[3] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 55, стр. 309.

[4] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 55, стр. 305, 307. К сожалению, парижские судебные архивы в плане отыскания в них «велосипедного дела», насколько нам известно, никем еще не изучались. Между тем, в этих архивах наверняка могут содержаться любопытные детали, относящиеся к интересующему нас делу, а может. даже и ленинские автографы.

выполнял в нем обвинительные функции, поскольку ему пришлось изобличать виконта-лихача в грубом нарушении правил вождения автомобиля, в его преступной самонадеянности. Владимир Ильич в то же время доказывал материальный ущерб, причиненный ему действиями собственника автомобиля.

Приведенные случаи характеризуют удивительную смелость и настойчивость, которые проявлял В. И. Ленин в борьбе за справедливость. Они учат, как надо отстаивать права, попранное человеческое достоинство в любых, даже неблагоприятных для потерпевшего условиях.

* * *

К лету 1893 г. у Владимира Ильича созрело твердое решение перебраться в Петербург. Он хотел это сделать намного раньше, но временно, ради матери, так много пережившей и очень нуждавшейся в его присутствии, продолжал жить в Поволжье.

Что заставило Владимира Ильича покинуть Самару, город, в котором он успел приобрести большой авторитет и признание своих единомышленников-марксистов? Ведь здесь неплохо началась его юридическая карьера и, можно сказать, утвердилась слава «мужицкого правозаступника».

В купеческом городе В. И. Ленину становилось все более тесно и душно. Его тянуло на широкий простор революционной работы. Он стремился в революционный центр России — Петербург, к питерским рабочим.

Чтобы и там, в столице, скрыть свое настоящее и основное занятие — революционную деятельность, Владимир Ульянов решает перевестись в тамошнюю адвокатуру. Для этого надо было получить в Самарском окружном суде соответствующий документ. 16 августа он

подает председателю суда прошение о выдаче ему удостоверения о том, что он состоит помощником присяжного поверенного и в течение 1892—1893 гг. занимался адвокатской практикой. Просимый документ получен.

В середине августа 1893 г., простившись с родными и друзьями-кружковцами, Владимир Ильич покинул Самару. Его провожали родные и друзья. Среди провожающих находился, несомненно, и тот, в адвокатской конторе которого он стажировался.

При таких обстоятельствах прекратилась адвокатская практика Владимира Ильича в Самаре. Немым свидетелем ее служит сохранившееся и поныне в Куйбышеве, на площади Революции, здание бывшего Окружного суда. На фасаде его висит чугунная доска. На ней дороги каждому советскому человеку слова: «В 1892—1893 гг. в этом здании работал защитником при Самарском окружном суде Владимир Ильич Ленин».

Но главным и основным в самарском периоде жизни В. И. Ленина, как мы знаем, была не адвокатская деятельность. «Годы жизни в Самаре и еще ранее год в Казани,— подчеркивает А. И. Ульянова-Елизарова,— являлись лишь подготовительными для его работы, разлившейся затем так широко. Но эти годы были, вместе с тем, самыми важными, пожалуй, годами в жизни Владимира Ильича: в это время складывалась и оформлялась окончательно его революционная физиономия»[1].

[1] Воспоминания о В. И. Ленине, I, Госполитиздат, 1956, стр. 28.

Глава третья

В. И. УЛЬЯНОВ — ЧЛЕН ПЕТЕРБУРГСКОЙ КОЛЛЕГИИ АДВОКАТОВ

ПОСТУПЛЕНИЕ В СТОЛИЧНУЮ АДВОКАТУРУ

31 августа 1893 г. В. И. Ульянов (Ленин) приехал в Петербург. Он прибыл сюда отнюдь не для совершенствования или расширения своей адвокатской практики. В этот город привела его высокая цель, которую он поставил перед собой: создать организацию революционеров, боевую марксистскую партию, способную повести народ на штурм самодержавия и капитализма. Владимир Ильич понял, что именно здесь, а не в торговой Самаре, можно будет претворить в жизнь теорию Маркса, в полной мере использовать приобретенные на Волге организационно-революционные навыки, опыт подпольной работы.

В Петербурге начался новый этап кипучей деятельности В. И. Ленина, этап, совпавший с началом массового рабочего движения. С первых же дней пребывания в столице он начал глубоко изучать положение рабочих, их настроения, нужды и чаяния, распространять среди рабочих

великое марксистское учение, связывая его с насущными вопросами борьбы пролетариата. Ленин не только учил рабочих, но и сам стал учиться у них, быстро завоевывая их уважение и любовь. В нем они увидели своего истинного друга и мудрого наставника.

С появлением энергичного и удивительно эрудированного волжанина работа в революционных кружках[1] заметно оживилась. Наряду с произведениями Маркса и Энгельса, в кружках стали изучать и работы Ленина, написанные в Самаре и — несколько позднее — в Петербурге. С исключительным интересом проходили занятия, на которых он читал свои рефераты или «скрещивал шпаги» с легальными марксистами и другими идейными противниками. Глубокий след в сознании кружковцев оставил, например, реферат, прочитанный Владимиром Ильичем осенью 1894 г., на тему «Отражение марксизма в буржуазной литературе».

В. И. Ленин первым подал идею об установлении тесной связи кружков с массовым рабочим движением, об организации злободневной политической агитации в массах. Важным средством проведения этой работы Владимир Ильич считал написание и распространение листовок и популярных брошюр. Не случайно автором многих из них был он сам.

В петербургский период В. И. Ленин ведет громадную теоретическую работу, теснее увязывая ее с практической революционной деятельностью. Одно из убедительных доказательств этого — его замечательная книга — «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?», ставшая подлинным манифестом

[1] Произошло это, в частности, и в марксистском кружке при Технологическом институте, куда через М. Сильвина, студента—юриста, вошел В. И. Ленин по приезде в Петербург.

русской революционной социал-демократии, гимном теории марксизма. В книге изложены научные и политические основы социал-демократического движения в России. Материал для этой и других своих работ Владимир Ильич черпал не только в трудах основоположников научного коммунизма, не только в критически использованных произведениях народников, но и в задушевных беседах с рабочими.

Чтобы лучше узнать жизнь простых людей труда, уровень их сознания, Ленин устанавливает с некоторыми из них личные контакты. Одной из форм связей с массами стала и его деятельность в качестве помощника присяжного поверенного. Встречи и беседы с рабочими, разговор с теми, кто нуждался в юридических советах, оказались весьма полезными и для Ленина. Все это помогло ему осмыслить ту великую истину, что рабочий класс — передовой отряд всех трудящихся и угнетенных. Непосредственное общение с крестьянами (в Самаре) и с рабочими (в Петербурге), чему в немалой степени содействовала и адвокатская практика, лишний раз убеждало Ленина в том, что только с рабочим классом, с его революционной борьбой можно связать будущий социалистический переворот.

Таким образом, адвокатская деятельность служила в какой-то мере способом связи В. И. Ленина и руководимых им кружков с массами, одним из источников познания настроений трудящихся. Но не только в этом заключались ее значение и ценность. Работа в адвокатуре имела и другие положительные стороны и их надо было всячески использовать.

Мы уже знаем, чем руководствовался В. Ульянов, записываясь в помощники присяжного поверенного в Самаре. В сущности, те же соображения заставили его стать адвокатом и здесь, в Петербурге. Как и тогда, даже, по-

жалуй, с еще большей силой он сейчас ощущал необходимость иметь легальное прикрытие той деятельности, из-за которой Волгу сменил на Неву. Таким прикрытием, как учил самарский опыт, может и должна служить принадлежность к адвокатуре. Здесь, в Петербурге, Владимир Ильич еще больше, чем в Самаре, будет нуждаться в свободном времени. Оно потребуется ему для осуществления задуманных планов (идейный разгром народничества, создание марксистской рабочей партии).

Работа в адвокатуре позволяла присяжным поверенным и их помощникам распоряжаться временем по своему усмотрению. Совет коллегии редко взыскивал с адвокатов, месяцами не бывавших в судах. Помощники присяжных поверенных не были обязаны докладывать шефам о своем времяпровождении. И Владимира Ильича это вполне устраивало. Числясь адвокатом, он мог целые дни проводить там, где того требовали интересы дела, которому он верно служил.

Имея в виду все эти обстоятельства, В. И. Ульянов сразу же после приезда в Петербург занялся устройством в столичную коллегию адвокатов[1]. Для него важно было, чтобы уже с первых дней и хозяева комнаты, которую он снимет, и полиция, которая информирована о его прибытии, видели в нем практикующего юриста и никого более.

[1] Петербургская коллегия адвокатов 90-х годов была самой крупной в стране. На 1 января 1894 года, когда в ней уже состоял Владимир Ильич, в ее рядах числилось 302 адвоката и 175 помощников присяжных поверенных. Всеми делами коллегии (прием, наложение дисциплинарных взысканий, утверждение отчетов помощников присяжных поверенных, организация конференция и т. д.) руководил Совет присяжных поверенных. В годы пребывания в коллегии Ленина Советом ее руководил В. О. Люстих.

Владимир Ильич прекрасно понимал, что далеко не каждый столичный адвокат захочет взять его, человека с одиозной (в полицейских кругах) фамилией в свою контору. Понимал это и Хардин. Поэтому, предвидя трудности, могущие возникнуть в Петербурге у его бывшего помощника, он снабдил Ульянова рекомендательным письмом к своему другу, известному петербургскому адвокату М. Ф. Волькенштейну. Поступок Хардина нельзя расценить иначе, как акт высокого гражданского мужества. Это письмо и открыло Ленину дверь в дом М. Ф. Волькенштейна, с которым Хардин познакомился в Самаре весной 1887 г.[1] Факт наличия у Ленина рекомендательного письма подтвердил в беседе с нами в октябре 1967 г. сын Волькенштейна, доктор искусствоведческих наук Владимир Михайлович Волькенштейн. Вероятно, так оно и было. Иначе трудно объяснить, почему В. Ульянов так быстро — в течение каких-нибудь нескольких дней — был принят в столичную адвокатуру. Аналогичное мнение высказывает и Т. Н. Барковская[2].

[1] Михаил Филиппович Волькенштейн — земляк и приятель А. П. Чехова по таганрогской гимназии. В гимназические и студенческие годы участвовал в революционном движении. Работал в петербургском комитете грамотности, в связи с чем неоднократно подвергался полицейским репрессиям. 10 марта 1884 г. принят в столичную адвокатуру. Популярный защитник по уголовным делам Волькенштейн в то же время являлся поверенным Ф. И. Шаляпина, юрисконсультом журнала «Русское богатство».

Весной 1887 г. Волькенштейн приезжал в Самару, намереваясь остаться в местной адвокатуре. К своему прошению на имя окружного суда о выдаче свидетельства на право «хождения по чужим делам». Михаил Филиппович приложил положительный отзыв за подписью Д. В. Стасова — отца известной деятельницы КПСС Елены Стасовой, замещавшего тогда председателя Петербургского Совета присяжных поверенных. В Самаре Волькенштейн подружился с А. Н. Хардиным. Вскоре, однако, он решил вернуться в Петербург.

[2] *Т. Н. Барковская.* Цит. раб., стр. 278.

Как и Хардин, Волькенштейн отличался радикальностью взглядов. Его знали как смелого защитника, участника многих крупных судебных процессов. В судах Волькенштейн вел себя достаточно энергично и независимо. То, что приехавший из Самары молодой человек — выходец из «семьи Ульяновых», нисколько не смутило Волькенштейна. Не раздумывая, он сообщил в Совет присяжных поверенных, что согласен принять к себе в помощники В. И. Ульянова. Это было 3 сентября[1].

И тотчас же в деле № 10070 Министерства юстиции Российской империи за 1893 г. появилась сухая регистрационная запись: «Ульянов, Владимир Ильич, ок. курс юрид. наук. Записан у М. Ф. Волькенштейна с 3 сентября 1893 года в СПБ»[2].

А спустя четыре дня столичная охранка сообщила об этом в департамент полиции. С тех пор она лишилась покоя. Ей хорошо было известно, что Ульянов искусно владеет грозным оружием, выкованным гением Маркса. Выбить его из рук волжанина она не могла. В ее силах было лишь затруднить, временно локализовать его применение. Усилилось наблюдение и за патроном Ульянова.

Об облике М. Ф. Волькенштейна, об отношении его к своему помощнику говорит, в частности, его поведение во время ареста организаторов «Союза борьбы за освобождение рабочего класса». Узнав, что среди арестованных

[1] Следует признать ошибочным указание М. Сильвина о том, что будто по приезде в столицу В. Ульянов записался в помощники к адвокату Герарду (см. журн. «Пролетарская революция». 1924, № 7, стр. 68).

[2] Встречающееся в литературе указание на то, будто министр юстиции обратился в Совет присяжных поверенных с письмом о нежелательности оставления В. Ульянова в рядах столичной адвокатуры, М. Сильвин квалифицирует как «совершеннейший вздор» (*М. Сильвин.* В. И. Ленин в эпоху зарождения партии. «Каторга и ссылка», М., 1934, кг. I (110), стр. 76).

находится и Владимир Ильич, Волькенштейн немедленно принял посильные меры к облегчению его участи: он обратился к В. О. Люстиху, председателю Совета присяжных поверенных, с которым обычно считались в высших сферах. Мы не знаем содержания состоявшегося между ними разговора. Остается также неизвестным, кто оказал на Люстиха решающее влияние, но достоверным является то, что 27 мая 1896 г. глава столичной адвокатуры направил в департамент полиции письмо — ходатайство об изменении В. И. Ульянову меры пресечения.

Мотивируя причину своего вмешательства, автор письма прямо указывает, что к нему обратились, помимо матери и сестры арестованного, присяжный поверенный М. Ф. Волькенштейн. Все они, говорится в письме, указывают, что здоровье Ульянова в период его длительного нахождения в заключении сильно пошатнулось. Поэтому, ставя вопрос об освобождении арестованного до суда, Люстих просил учесть, что его готовы взять под поручительство не только мать, но и сам г-н Волькенштейн[1].

Просьба Люстиха осталась, однако, без удовлетворения. В ответном письме (от 12 июня за № 1100) вице-директор департамента полиции С. Зволянский разъяснил шефу столичной адвокатуры, что ни он, ни прокурорский надзор не признали возможным, «по обстоятельствам дела», удовлетворить просьбу лиц, ходатайствующих об освобождении Ульянова на поруки»[2].

Зволянский, конечно, не счел нужным объяснить Люстиху, что основным препятствием к освобождению из-

[1] «Красный архив», 1934, т. 1 (62), стр. 114—115.

[2] Из письма А. И. Ульяновой от 15 марта 1896 г., перехваченного и скопированного полицией, видно, что М. Ф. Волькенштейн настойчиво хлопотал об освобождении своего помощника из «предварилки», но к сожалению, безрезультатно. (ЦГАОР, ф. 102. ДП. 3 делопр. ед. хр. д. 44, л. 56).

под стражи Ульянова послужили характер обвинения (противогосударственная (!) деятельность), недавнее прошлое подследственного, а также его «упорное запирательство» на допросах. Об этих истинных причинах отклонения просьб поручителей говорится в секретном мартовском донесении Петербургского жандармского управления.

Ровно через полтора месяца после прибытия в Петербург В. И. Ленин получил на руки свидетельство за № 2329, в котором говорилось: «Это свидетельство выдано окончившему курс юридических наук Владимиру Ильичу Ульянову, православного вероисповедания, в том, что он с 3 сентября 1893 г. числится в списке помощников присяжных поверенных и ныне состоит помощником присяжного поверенного М. Ф. Волькенштейна». Текст этого документа заканчивался фразой, предупреждающей, что данное свидетельство не может служить видом на жительство...

И тем не менее оно неоднократно выручало его владельца в этом качестве. Он предъявлял его сотрудникам петербургских и заграничных библиотек, записываясь читателем; домовладельцам и полиции, поселяясь по новому адресу (как известно, в первые два года проживания в Петербурге В. И. Ленин по разным причинам несколько раз сменил место своего жительства). По предъявлении этого документа суды допускали Ульянова к ознакомлению с делами, которые он вел, или по которым собирался выступить его шеф. Не расставался с ним Владимир Ильич и в ссылке и даже в последующие после ссылки годы[1].

[1] По словам П. И. Стучки, соратника Ленина, первого руководителя Наркомата юстиции РСФСР, адвокатское свидетельство сохранилось у В. И. Ленина до 1917 г. и пригодилось ему при

Но пользовался ли В. Ульянов свидетельством № 2329 как адвокат? Если пользовался, то сколько раз и в каких судах он выступал защитником? К сожалению, ответить точно на эти вопросы не представляется возможным: отсутствуют прямые доказательства — архивные судебные дела. Наши усилия отыскать их (или хотя бы следы о них) в архивах г. Ленинграда не увенчались успехом. По-видимому, они сгорели во время пожара в здании Окружного суда в феврале 1917 г.

АДВОКАТСКАЯ ПРАКТИКА В. И. УЛЬЯНОВА В ПЕТЕРБУРГЕ

Целый ряд материалов свидетельствует о том, что в петербургский период жизни В. И. Ленин безусловно занимался адвокатской деятельностью. Это, прежде всего, подтверждает он сам в ряде анкет, заполненных им в качестве делегата партийных съездов и конференций. О том же свидетельствует сестра Владимира Ильича — Анна Ильинична. В Петербурге, вспоминает она, «несколько раз брат выступал, но, кажется, только по уголовным делам, по назначению суда, т. е. бесплатно»[1].

Косвенно упоминается об этом в переписке В. И. Ленина с родными. Так, в письме к матери, датированном 5 октября 1893 г., Владимир Ильич сообщает, что он недавно произвел расходы «по одному судебному делу, которое, может быть, будет вести»[2].

оформлении у нотариуса документов на приобретение типографии для газеты «Правда» (см. Революционная роль советского права. «Советское законодательство», 1932, стр. 108).

[1] *А. И. Ульянова-Елизарова.* О Ленине. М., 1925, стр. 43.

[2] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 55, стр. 2.

Что это за дело и кто фактически выступал в нем — Ульянов или другой адвокат — остается пока неизвестным. В другом письме к матери (от 5 декабря 1895 г.) указывается, что нотариус А. А. Ардашев (двоюродный брат Владимира Ильича по матери) предложил ему (Ульянову) «взять дело об утверждении в правах наследства его родственника, но пока мы еще не вполне согласились»[1].

То, что с сентября 1893 г. по 1895 г. Владимир Ильич, живя в Петербурге, проводил юридические консультации и вел судебные дела, удостоверяет и член петербургского «Союза борьбы...» М. Сильвин[2].

Наконец, сведения об этом мы находим в «Юридическом календаре» М. Острогорского за 1894—1895 гг.[3], а также в отчетах Петербургской Комиссии помощников присяжных поверенных и Совета столичной адвокатуры за те же годы[4]. В названных документах не только значится фамилия «Ульянов», но и указывается, что он регулярно посещал адвокатские конференции[5] и что его годовые отчеты признаны Советом правильными и утверждены.

Из тех же отчетов видно, что помимо уголовных дел В. И. Ульянов провел ряд трудовых, преимущественно

[1] См. *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 55, стр. 2.

[2] См. *М. Сильвин.* Ленин в период зарождения партии. М., 1958, стр. 69.

[3] Юридический календарь М. Острогорского на 1894 г., стр. 282; и на 1895 г., стр. 276.

[4] Комиссия помощников присяжных поверенных — выборный орган сословного управления младшей части адвокатской корпорации. См. Отчет Совета присяжных поверенных при С. Петерб. судебной палате с 1 марта 1894 г. по 1 марта 1895 г. СПб, 1895, стр. 15.

[5] Конференции (семинары) для начинающих адвокатов организовывал Совет присяжных поверенных. Среди почетных руководителей конференций можно было встретить Д. В. Стасова, А. Ф. Кони и некоторых других крупных юристов, известных своими прогрессивными взглядами.

увечных дел. На первых порах Владимир Ильич, как адвокат, проявляет некоторую активность. Ему хотелось, видимо, зарекомендовать себя перед своим шефом и заставить полицию поверить в то, что он только адвокат. С этой целью он регулярно посещает конференции молодых юристов, происходившие в канцелярии съезда мировых судей (ныне ул. Гражданская, 26). В этом же помещении в период с сентября 1893 г. до осени 1895 г. он проводит бесплатные юридические консультации[1].

Клиентами его были рабочие, нуждавшиеся в юридической защите своих прав и человеческого достоинства, грубо попираемых хозяевами. Ради мастеровых, пострадавших от увечий, он смело шел в суд, чтобы разоблачать всевозможные злоупотребления алчных фабрикантов и их адвокатов, чтобы доказывать необъективность, а зачастую необоснованность заключений врачей-экспертов о тяжести и причинах увечья, имея в виду, что этими заключениями, как правило, определялся размер вознаграждения пострадавшим рабочим.

В Петербурге, как и в Самаре, Владимир Ильич защищал «униженных и оскорбленных»: чернорабочих, мастеровых, то есть в основном представителей «низших сословий». Одним из них он давал советы, другим — писал жалобы. Третьим — обещал выступить в суде. По увечным делам шел в суд. Прямое указание на этот счет содержится в воспоминаниях С. И. Иванова, бывшего секретаря Петербургского Совета присяжных поверенных, лично знавшего В. И. Ульянова[2].

По свидетельству хозяйки комнаты, которую снимал Владимир Ильич в доме № 7 по Б. Казачьему переулку,

[1] Ленин в Петербурге. Лениздат, 1957, стр. 19, 219.

[2] См. Отчет о деятельности Президиума Ленинградской губернской коллегии защитников... Л., 1925, стр. 3.

к ее владельцу — адвокату ходил «всякий народ»: мужики, мастеровые, бедные женщины. Каждому из них он безвозмездно давал советы, писал жалобы.

Составитель полицейской ведомости № 177 о лицах, состоящих под негласным надзором, в графе четвертой ведомости отметил, что В. Ульянов проживает по указанному выше адресу, в квартире мещанина Фердинанда Боде. Занимаясь адвокатской практикой, он в то же время «у себя дома редко кого принимал»[1]. Этот небольшой документ показывает, как была поставлена полицейская слежка за недавно прибывшим в Петербург молодым революционером. Одновременно он говорит и о другом: не все удалось выследить ищейкам. Известно, что в доме № 7 по Б. Казачьему Владимир Ильич принимал, наряду с клиентами, нуждавшимися в юридической помощи, членов и руководителей марксистских кружков.

Защитником по уголовным делам Владимир Ильич, как уже отмечалось, выступал редко и преимущественно по назначению суда. Делами громкими, «хлебными», он и в Самаре не интересовался, а здесь тем более. Ему, занятому написанием научных трудов и работой в рабочих кружках, было не до них.

Значительное время (с февраля 1894 по апрель 1895 г.) Владимир Ильич прожил в Большом Казачьем переулке (ныне переулок Ильича). Его небольшая, бедно обставленная комнатка в квартире № 13 обходилась ему в 10 рублей ежемесячно. Плохо отапливаемая и плохо освещенная, она служила ему и спальней, и столовой, и приемным кабинетом. Такие комнаты обычно снимали студенты.

Здесь Владимир Ильич проживал вполне легально, был прописан как практикующий адвокат. Именно с этой

[1] «Красный архив», 1934, 1(62), стр. 76.

комнатой связана наиболее деятельная пора в жизни 24-летнего Ульянова. Здесь он не только давал консультации по правовым вопросам. Как уже отмечалось, сюда под видом клиентов, нуждающихся в юридической помощи, приходили посланцы рабочих окраин — будущие революционеры. В этой же комнате в дни, свободные от работы в кружках и в адвокатуре, Владимир Ильич создавал выдающееся произведение «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?» и написал статью «Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве».

О том, что представляла собой его «приемная» и кто был ее посетителями, рассказывают в своих воспоминаниях В. А. Князев, один из организаторов марксистских кружков в Петербурге, и И. И. Яковлев, член центрального кружка «Союза борьбы за освобождение рабочего класса».

Однажды В. Князеву потребовалась помощь юриста. Надо было оформить документы на право наследования небольшого имущества, оставшегося от недавно умершей бабушки. По совету товарищей он отправился к незнакомому адвокату, проживавшему по известному нам адресу. Войдя в комнату и оглядев ее (Владимир Ильич в это время отсутствовал), Князев усомнился: вряд ли здесь мог жить юрист...

Вот что рассказывает об этом сам Князев: «Комната имела два окна. Меблировка ее была очень скромная: железная кровать, письменный стол, три-четыре стула, комод. Осмотрев все, я задумался: «Что это за адвокат, и возьмется ли он за мое дело?.. Раздался звонок, и вскоре в комнату вошел мужчина.. «А, вы уже ждете?— сказал он мне, при этом быстро скинул пальто и стал расправлять немного помятый фрак.— Ну-с, одну минуточку: я сейчас переоденусь, и мы с вами займемся».

Посмотрев этому адвокату в лицо, я обомлел: да это же ведь Николай Петрович! (Под этим именем Владимир Ильич был известен как руководитель конспиративных рабочих кружков — *И. С.*). Пока я приходил в себя, передо мною появился переодетый в другую одежду Николай Петрович и, указывая на стул, обратился ко мне: «Вы расскажите мне все по порядку». Сев, я, как умел, начал рассказывать, а он, перебивая меня, требовал пояснений, как бы вытаскивая из меня один факт за другим. Узнав от меня, что бабушка моя умерла в услужении у одного генерала и что последний может присвоить наследство, хотя и имеет собственный каменный дом в три этажа, Николай Петрович потер руки и сказал с ударением на этих словах: «Ну, что же, отберем дом, если выиграем. Затруднение лишь в том, что очень трудно отыскать посемейный список, так как покойная из крепостных». Сказав это, он взял бумаги и стал писать прошение для получения ревизских сказок[1]. Написав его, он указал мне, куда придется ходить, куда подать, и велел по получении того или иного сообщения по делу прийти к нему»[2].

Долгое время не знал официального рода занятий Владимира Ильича и рабочий И. И. Яковлев. Как-то осенью 1894 г. ему пришлось отсидеть под арестом три дня за оскорбление городового. Из-за этого казуса он вынужден был пропустить занятие в кружке, которое проводил В. И. Ульянов. Узнав причину «прогула», Владимир Ильич с упреком сказал рабочему: «Как жаль, что Вы мне раньше об этом не сказали, я бы выступил в суде, и, конечно, Вас все равно бы посадили, но, по крайней

[1] «Ревизские сказки» — списки лиц, подлежащих обложению подушной податью в эпоху крепостного права.

[2] Воспоминания о В. И. Ленине, I, М., 1956, стр. 118 — 121.

мере, можно было хоть душу отвести и попортить крови этим мерзавцам»[1].

Таким образом, тот факт, что В. И. Ленин имел в Петербурге определенную адвокатскую практику и не только по уголовным делам, не вызывает сомнений. Однако по мере активизации революционной борьбы, руководителем которой стал В. И. Ленин, он, не порывая полностью с адвокатурой, постепенно отходил от нее. Не профессия адвоката, а прежде всего революционная борьба — вот что главным образом влекло и занимало Ленина.

Перерывы в его адвокатской практике, иногда короткие, иногда длительные, вызывались потребностями его основной деятельности, скрытой от властей табличкой «Помощник присяжного поверенного». Ради этой деятельности, как известно, Владимир Ильич несколько раз отлучался из столицы. Так, почти весь январь, а затем июль и август 1894 г. он провел в Москве и других городах, почти пять месяцев (с апреля до сентября 1895 г.) находился за границей. Не один месяц заняло написание широкоизвестных произведений: «По поводу так называемого вопроса о рынках» (осень 1893 г.), «Что такое «друзья народа»... (март—июнь 1894 г.), «Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве» (конец 1894 г. и начало 1895 г.). Немало времени и энергии посвятил Владимир Ильич созданию осенью 1895 г. социал-демократической организации, получившей название «Союз борьбы за освобождение рабочего класса».

Но в адвокатуре он продолжал состоять и даже изредка практиковать вплоть до зимы 1895 г. Как видно из цитировавшегося выше письма к матери (от 5 декабря),

[1] «Исторический архив», 1959, № 6, стр. 102.

Ленин собирался провести в суде еще какое-то гражданское дело.

Судя по полицейским документам, столичные власти зорко следили за Владимиром Ильичем. Они давно уже подозревали, что он меньше всего занимается юридической практикой. Так, например, в составленном 27 мая 1895 г. списке лиц, на коих падает подозрение в принадлежности «к революционному сообществу», отмечается, в частности, что помощник присяжного поверенного В. И. Ульянов известен жандармскому отделению с 1887 г. и что здесь, в Петербурге, он «стоит во главе кружка, занимающегося революционной пропагандой среди рабочих...»[1].

В приказах департамента полиции о производстве обыска в квартире Ульянова, а затем об его аресте, Владимир Ильич фигурирует не иначе, как помощник присяжного поверенного. В списке 57 лиц, членов социал-демократической группы, подлежавших аресту в ночь на 9 декабря 1895 г., первым значился «Ульянов В. И., помощник присяжного поверенного округа С.-Петербургской судебной палаты — Гороховая, 61».

На допросе 7 мая 1896 г. Владимир Ильич пытался убедить следователя, что перед ним сидит «помощник присяжного поверенного Ульянов», и что, находясь за границей (апрель—сентябрь 1895 г.), он был занят лишь тем, что занимался в библиотеках «по предметам своей (т. е. юридической — *И. С.*) специальности»[2]. Если бы следователь захотел проверить правильность показаний обвиняемого, он мог бы прочесть на одной из страниц регистрационной книги читателей Королевской библиотеки в Берлине: «11. Владимир Ульянов, присяжный

[1] «Красный архив», 1934 1(62), стр. 79.
[2] Там же, стр. 111.

поверенный». Эту запись собственноручно оставил Владимир Ильич 14 августа 1895 г.

Во многих докладных — кондуитах В. И. Ульянов неизменно проходит как адвокат. Вот, к примеру, ведомость № 177 о лицах, состоящих под негласным надзором. Рядом с фамилией Владимира Ильича отмечено, что в период с 1 января по 1 июня 1894 г. «поднадзорный» проживал по Казачьему пер., д. № 7, практикуя в суде. В другом документе аналогичного содержания с грифом «совершенно секретно» сообщалось, что во второй половине того же 1894 г. Ульянов выполнял обязанности защитника и в его образе жизни «ничего предосудительного не замечалось». Помощником присяжного поверенного он значится и в донесении Турчанинова — заместителя Петербургского градоначальника. Донесение датировано 10 декабря 1895 г. и адресовано директору департамента полиции. Точно так же говорится о Владимире Ильиче в полицейской справке о поведении лиц, состоявших под секретным наблюдением в период с 1 июня 1895 г. по 1 января 1896 г.[1]

Владимир Ильич удивительным образом умел оставлять с носом своих преследователей из политической полиции. Дабы ввести в заблуждение филеров, он одевал цилиндр и отцовский фрак даже в те дни, когда был занят отнюдь не судебными делами[2]. Но чтобы создать видимость чрезмерной занятости делами своей профессии и заставить жандармских ищеек поверить в это, он должен был иногда проявлять показную активность, чаще, чем было нужно, посещать квартиру своего шефа, канцелярию съезда мировых судей, задерживаться у подъездов

[1] «Красный архив», 1934, 1(62), стр. 112.

[2] Идя в суд, сообщает Анна Ильинична, Ленин «облекался во фрак покойного отца» (*А. И. Ульянова-Елизарова.* В. И. Ленин в тюрьме. «Пролетарская революция», 1924, № 3, стр. 107).

или в фойе зданий других судебных учреждений. Можно привести и другие факты, показывающие, как адвокатура ограждала его от назойливых агентов полиции и помогала благополучно выбраться из того или иного щекотливого положения. В числе этих фактов использование читальных залов московской и петербургской публичных библиотек для встреч с нужными ему людьми.

Без преувеличения можно сказать, что в Петербурге в большей степени, чем в Самаре, Владимир Ильич зарекомендовал себя удивительно смелым, принципиальным и настойчивым защитником. Своей эрудицией, глубоким знанием права и умением анализировать обстоятельства дела он поражал не только слушателей, но и своих коллег по защите и судей. Все эти качества проявлялись, безусловно, в его судебных речах.

И хотя, к величайшему сожалению, речи Владимира Ильича, произнесенные в судебных учреждениях столицы, не дошли до нас, наша оценка их не является голословной. Даваемая нами характеристика ленинских судебных выступлений в Петербурге базируется на всем том, что нам известно об Ульянове-защитнике в Самаре, а также на воспоминаниях его друга и соратника по «Союзу борьбы...» — Г. М. Кржижановского и старой большевички О. Б. Лепешинской.

Эрудиция молодого защитника, свидетельствует Глеб Максимилианович, поражала всех, кому хоть раз посчастливилось слушать его речь в суде. «Несколько выступлений на юридическом поприще, которые пришлось сделать Владимиру Ильичу после окончания университета, сразу дали почувствовать свидетелям этих выступлений, что перед нами человек исключительных дарований»[1].

[1] *Г. Кржижановский.* Ленин и Маркс. Госполитиздат, 1958, стр. 7.

беззакония. Вот что писал в этой связи Владимир Ильич в 1896 г. в прокламации Петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса»: «На мирных рабочих, восставших за свои права, защищавших себя от произвола фабрикантов, обрушилась вся сила государственной власти, с полицией и войском, жандармами и прокурорами...».

В характеризуемый нами период В. И. Ленин упорно работал над тем, как надо развертывать классовую борьбу, как использовать в этих целях действующее законодательство, вокруг каких вопросов эту борьбу организовать.

Такими вопросами, считал Владимир Ильич, являются вопросы длинного рабочего дня, кабальных штрафов и вычетов из жалования. Пожалуй, эти вопросы больше всего волновали тогда рабочую массу. Поэтому написание и распространение среди рабочих доступной литературы (листовок, брошюр) и будет служить делу развертывания классовой борьбы, делу революционизирования фабричных людей. Кроме того, такая литература, если даже предметом ее будет комментирование отдельных законов, явится важным средством правого и политического просвещения масс. Она поможет им использовать маломальски выгодные трудящимся нормы права и организовать борьбу за отмену или изменение явно реакционных, грабительских правовых актов. Она — и это главное — ускорит формирование у трудящихся пролетарского правосознания, укрепит их классовое самосознание.

Считая эту работу чрезвычайно важной, Владимир Ильич тщательно изучает фабричные законы и практику их применения, а затем комментирует их в своих статьях и брошюрах. Зная, что волнует и что может интересовать рабочих и желая облегчить им усвоение прочитанного, он подает материал в форме беседы, насыщенной вопросами и примерами.

Перед нами одно из первых печатных произведений молодого В. И. Ульянова — брошюра «О штрафах», написанная осенью 1895 г. Она имела своей целью объяснить закон от 3 июня 1886 г. о штрафах, взимаемых с рабочих на заводах и фабриках. Но это не единственная и не главная цель, которую ставил перед собой ее автор. Он хотел, чтобы его брошюра убедила рабочих, почему нужно и как нужно бороться с фабрикантами, с буржуазно-помещичьим строем в целом. Достижение этой цели облегчалось тем, что в ней убеждали не слова, а дела, факты. «Они (факты—*И. С.*) так говорящи, так убедительны, что рабочие, знакомясь с ними, сами делают выводы»[1].

Прежде чем приняться за написание брошюры, Владимир Ильич тщательно изучил текст комментируемого закона, а также многостатейный «Устав о промышленности». Затем он проделал сравнительный анализ этих законоположений и аналогичных актов, ранее изданных в России, сопоставил их с фабричными законами стран Западной Европы. Владимир Ильич привлек также относящуюся к теме литературу, в частности, курс «Трудового права» А. Штадтгенена, привезенный им из Германии. Наконец, он пригласил для беседы кадровых рабочих, испытавших на себе всю жестокость царских законов о штрафах. «Я,— рассказывает об одной из таких бесед сам автор брошюры,—возился много недель, допрашивал «с пристрастием» одного ходившего ко мне рабочего о всех и всяческих порядках на громадном заводе, где он работал»[2].

В числе тех, кто подвергался такому «допросу», был рабочий судостроительного завода «Новое адмиралтей-

[1] *Н. К. Крупская.* Ленин — редактор и организатор партийной печати. М., 1956, стр. 43.

[2] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 6, стр. 152.

ство» А. П. Ильин. Вот что он сообщает в своих воспоминаниях о встрече и разговоре с Владимиром Ильичем. «Сказав, что он работает над какой-то книгой, товарищ Ульянов попросил меня сообщить ему самым точным образом все то, что он будет меня спрашивать. Много фактов сообщил я в вечера наших свиданий Владимиру Ильичу о штрафах, которые форменным образом съедали весь заработок рабочего»[1].

Результатом всей этой многогранной и кропотливой работы и была брошюра «О штрафах». В ней поставлены и разъяснены вопросы, горячо интересовавшие рабочих.

Не все из товарищей Владимира Ильича по кружкам одобряли практику комментирования единичных событий на фабриках или отдельных законов. Вместо составления листовок и написания брошюр они предлагали перейти к прямым призывам о свержении царя и существующего строя. Возражая этим товарищам, Ленин разъяснял, что политическое сознание рабочего класса надо развивать и направлять постепенно и осторожно, используя для этого и листовки, и популярные статьи, и брошюры.

В. И. Ленину приходилось доказывать отдельным социал-демократам необходимость откликаться устным или печатным словом на все сколько-нибудь важные для интересов трудящихся события в стране. В одном случае это может быть публикация нового закона, в другом — сообщение о начавшемся или закончившемся судебном процессе над полицейскими или чиновниками, в третьем — проникшее в печать известие об очередном зловещем намерении правительства.

Так, например, учил Владимир Ильич, если вышел новый закон о рабочих — его следует разъяснить, показать, что и как предусмотрено в нем для рабочих и что

[1] *А. П. Ильин.* В. Ульянов в рабочих кружках Петербурга. «Бакинский рабочий», 1926, 24 января.

и как — для фабрикантов. И далее, имея в виду секретное письмо министра внутренних дел П. Дурново от 18 марта 1895 г., в котором ставился вопрос о полицейском разгроме комитетов грамотности и воскресных школ, Ленин подчеркивает, что социал-демократы не вправе не заметить такое письмо, они должны выступить с разоблачением его в печати[1].

Как известно, Владимир Ильич немедленно откликнулся на это письмо статьей под названием «О чем думают наши министры». Эта статья, по замыслу ее автора, ясно «показывает рабочим, что такое наше законодательство, чьи интересы оно защищает»[2].

Надо сказать, что и другие ленинские работы характеризуемого и последующих периодов, в которых идет речь о царском законодательстве, обнаруживают у их автора громадные знания в вопросах теории и догмы действующего права, исключительное умение анализировать их с марксистских позиций.

Глубокое знание действующего законодательства, в частности, фабричного, ощущается в тексте листовок, адресованных рабочим Семянниковского завода и к рабочим и работницам фабрики Торнтона, а также в содержании анкет-вопросников.

Так, например, во второй листовке, между прочим, обращается внимание рабочих на незаконные вычеты из жалования, на противозаконное понижение расценок; приводятся факты обхода закона о штрафах; разъясняется,

[1] В письме к оберпрокурору «святейшего» синода Победоносцеву Дурново квалифицировал воскресные школы как легальное средство борьбы с существующим строем. Содержание письма свидетельствует о том, что царские министры смертельно боялись «...соединения знания с рабочим людом» (*В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 2, стр. 80).

[2] Воспоминания родных о В. И. Ленине. Госполитиздат, 1955, стр. 46.

что согласно этому закону штраф может налагаться лишь за порчу, происшедшую из-за небрежности рабочего, а штрафные суммы должны расходоваться на нужды рабочих. Автор листовки призывает бороться за то, чтобы и для ткачей соблюдался закон, по которому рабочему перед началом работы должен объявляться заработок, который он получит, и т. д.[1]

Как известно, условия труда и жизни петербургских рабочих марксисты изучали разными способами. Среди них важное значение придавалось беседам кружковцев с рабочими, ответам последних на вопросы тщательно разработанной анкеты. Характер вопросов, содержащихся в ней, позволял определить профессию ее составителя. Сформулировать вопросы так, как это сделано в анкете-вопроснике, мог только юрист, и притом знающий юрист, человек хорошо знакомый с правовой регламентацией наемного труда и взаимоотношений предпринимателей с рабочими в условиях России конца XIX века.

Автором рассмотренных выше листовок и анкет мог быть — и фактически был — помощник присяжного поверенного В. Ульянов[2]. Листовки и другие издания «Союза борьбы», содержавшие изложение как экономических, так и политических требований рабочих, В. И. Ленин называл «обличительной литературой»[3]. Классическими образцами такой литературы были брошюра В. И. Ульянова «Объяснение закона о штрафах...» и его же прокламации «Царскому правительству».

Высокая эрудиция в вопросах материального и процессуального права, опыт, приобретенный в процессе

[1] «Листовки Петербургского Союза борьбы за освобождение рабочего класса, 1895—1897 гг.». М., 1934, стр. 6—11.

[2] *М. Сильвин.* Ленин в период зарождения партии. Л., 1958, стр. 86—87.

[3] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 6, стр. 54.

адвокатской практики и делового общения с деятелями царской юстиции, чувствуются в каждой из работ В. И. Ленина, где идет речь о буржуазном праве, буржуазной юстиции. Они помогли дать яркую характеристику антинародных по природе, реакционных по целям суда и законодательства дореволюционной России, наглядно представить перед читателями всю правду о язвах капитализма, о причинах и формах угнетения рабочего класса.

Ленинские брошюры и листовки служили для рабочих идейным подспорьем в их попытках понять сложные политические вопросы, казуистические нормы царского законодательства. Даже отсталым, неразвитым рабочим и крестьянам они помогали понять истинную сущность самодержавия, причину того, почему царское правительство защищает помещиков и фабрикантов, а последние, в свою очередь, всячески поддерживают правительство. Брошюры и листовки, написанные Владимиром Ильичем, облегчали пролетариям России, и прежде всего Петербурга, ознакомление с современными им законами и государственными учреждениями; они учили своих читателей из рабочей массы, как надо, вооружившись знанием фабричных законов, давать отпор эксплуататорам, добиваться осуществления своих прав.

О силе непосредственного воздействия первой ленинской брошюры можно судить по отзыву о ней... петербургского прокурора. По сведениям, которыми он располагал, многие рабочие фабрики Воронина, зачитываясь брошюрой, выражали вслух желание посоветоваться с ее автором. Так, например, фабричный П. Спиридонов, закончив чтение брошюры, размышлял, как бы «познакомиться с лицом, которое могло бы ему разъяснить способы улучшения быта трудящегося класса»[1].

[1] «Исторический архив», 1960, № 5, стр. 187.

Не случайно брошюры В. И. Ленина, посвященные разъяснению фабричного законодательства, распространялись необыкновенно широко и быстро. Они служили важным агитационно-пропагандистским материалом в рабочих массах. Эту роль они продолжали играть и в начале нашего века.

Ленинские листовки и брошюры раскрывали глаза рабочим Питера, а затем и всей России на законы, которые, по выражению М. Горького, падали на них «каменным дождем сверху»[1], учили трудящихся бить противника его же оружием, использовать буржуазную законность для отстаивания своих интересов. Они убеждали трудящихся в том, что нелепо ждать справедливости от буржуазно-помещичьего законодательства и суда, особенно по делам «политическим» или по делам, в которых замешана полиция.

Описанию одного из таких дел В. И. Ленин посвятил специальную статью «Бей, но не до смерти». Дело, о котором идет речь в статье, рассматривалось особым присутствием Московской судебной палаты в конце января 1901 г. в Нижнем Новгороде. На скамье подсудимых в числе других чиновников находился и околоточный надзиратель Панов. Полицейские обвинялись в зверском избиении ни в чем не повинного крестьянина Воздухова, который умер на второй день после избиения (21 апреля 1899 г.). Вынужденный, скрепя сердце, обвинять убийц, прокурор в то же время умудрился отказаться от обвинения Панова в истязаниях и жестокостях. Фактам вопреки, он внушал суду мысль, что в действиях околоточного имеется только «причинение пострадавшему обиды».

Потрясая заключением судебно-медицинской экспертизы, выгодным для подсудимых, прокурор настаивал на

[1] *М. Горький.* Статьи и памфлеты. М., 1949, стр. 271.

оправдании Панова. Свою позицию он свел к следующим положениям: 1) Панов бил меньше остальных, следовательно, можно заключить, что его побои не были особо мучительны; 2) если они не были особо мучительны, то стало быть, их нельзя отнести к категории тех, которые закон именует «истязанием и жестокостью»; 3) ежели по своему характеру их нельзя считать истязанием, то в них следует видеть не больше и не меньше как простое «оскорбление действием». Жонглируя перед судом приведенными софизмами, прокурор всячески старался выгородить Панова.

В. И. Ленин в своей статье едко высмеял «логику» государственного обвинителя. Обращаясь к читателям, он резюмирует: «Юридический софизм, как видите, не отличается особой замысловатостью...».

Суд, однако, пошел за прокурором и, несмотря на очевидность вины полицейского Панова, приговорил его к смехотворно мягкому наказанию — аресту сроком на один месяц[1].

Своими статьями и устными советами В. И. Ленин помог овладеть тактикой поведения на суде тем революционным рабочим, тем социал-демократам, против которых власти возбудили или могли возбудить уголовное преследование.

Оказавшись на скамье подсудимых, большевики, говорится в ленинском письме «Е. Д. Стасовой и товарищам в Московской тюрьме» от 19 января 1905 г., должны судом пользоваться как агитационным средством и для этого в ряде случаев принимать участие в судебном следствии. На занятиях в кружках Владимир Ильич, по словам В. Щелгунова, учил рабочих многому и, в частности, тому, «как надо держаться в случае ареста на

[1] См. *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 4, стр. 401 — 416.

допросах и на суде, как помогать арестованным и ссыльным товарищам...»[1].

Из сказанного видно, В. И. Ульянов, живя в Петербурге, использовал свои обширнейшие знания в области права и для того, чтобы научить рабочих и крестьян (и прежде всего, обращавшихся к нему за помощью) «воевать за свое право», бороться со своими классовыми врагами, помочь им увидеть прямую связь царизма с капиталистами, понять необходимость борьбы не только против хозяев, но и против самодержавия.

* * *

Годы, проведенные В. И. Лениным в Петербурге (1893—1896), оставили неизгладимый след в его жизни, в истории Коммунистической партии. В этот период Владимир Ильич продолжал и успешно завершил начатую в Самаре исторически важную работу по идейному разгрому народников, по подготовке к созданию марксистской партии.

С арестом В. И. Ульянова прекратилась его адвокатская, но не революционная деятельность. Из адвокатуры, в которой он формально продолжал состоять, его отчислили только в 1899 г. по причине... «неизвестности местожительства» и «непредставления отчетов о работе».

17 февраля 1897 г. В. И. Ленин «по высочайшему повелению» царя отправился в сибирскую ссылку. Он вернулся в Петербург через несколько лет, чтобы возглавить созданную им большевистскую партию и подготовку вооруженного восстания.

[1] Владимир Ильич Ленин. Биография, изд. 2, 1963, стр. 26.

Глава четвертая **В. И. УЛЬЯНОВ — «ПОДПОЛЬНЫЙ АДВОКАТ»**

ПОДТАЧИВАНИЕ УСТОЕВ САМОДЕРЖАВИЯ ИЗДАЛЕКА

Далекая сибирская глушь, село Шушенское Минусинского округа Енисейской губернии. Сюда 8 мая 1897 г. прибыл для отбывания ссылки В. И. Ленин. Об этом факте незамедлительно доложил иркутскому генерал-губернатору енисейский губернатор.

Однако «самый опасный революционер» и в ссылке продолжал свою работу. Пренебрегая условиями сурового климата и мрачного быта, игнорируя «гласный надзор» полиции, Владимир Ильич развернул в Шушенском разностороннюю, поистине кипучую деятельность по подготовке революции. В ссылке он изучил огромное количество литературы[1], собрал и проанализировал массу статистических данных. В результате его упорной и

[1] К моменту возвращения В. И. Ленина из ссылки (29 января 1900 года) библиотека Ульяновых весила около 15 пудов (см. *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 55, стр. 180).

целеустремленной научно-публицистической деятельности за два года и девять месяцев пребывания в Сибири Ленин написал много статей, брошюр, рецензий, закончил начатую в Петербурге (в тюрьме) большую книгу «Развитие капитализма в России». Помимо этой работы, Ленин в Шушенском подготовил к печати и такие широкоизвестные ныне работы, как «Новый фабричный закон», «Задачи русских социал-демократов», «От какого наследства мы отказываемся», «Проект программы нашей партии», «О промышленных судах» и другие — всего более 30 произведений.

В написанных в ссылке научных трудах Владимир Ильич всесторонне разработал план создания в России революционной пролетарской партии, ее программу и тактику, обосновал тезис о том, что без революционной теории не может быть и революционного движения. В нашу задачу не входит анализ всех перечисленных произведений.

Мы остановимся лишь на двух из них: брошюре «Новый фабричный закон» и статье «О промышленных судах», поскольку они имеют непосредственное отношение к теме настоящего исследования.

Брошюра «Новый фабричный закон» является, как известно, первой работой В. И. Ленина, выполненной в ссылке. Она появилась вскоре после опубликования в газетах нашумевшего в те годы закона от 2 июня 1897 г. о сокращении рабочего дня на промышленных предприятиях и железнодорожных мастерских до ...11,5 часа. Готовясь к написанию брошюры, Владимир Ильич изучает литературу как о русском, так и об иностранном рабочем законодательстве, а также многочисленные статистические сборники. Он изучил, в частности, довольно толстый по объему «Вестник финансов, промышленности и торговли» (за ряд лет), «Обзор иностранного законодательства

по регулированию времени и продолжительности работы в промышленных заведениях» (из этого сборника он использовал, в частности, швейцарский «Союзный закон о работе на фабриках» от 23 марта 1877 г.), сборник статистических сведений по Московской, Смоленской и Одесской губерниям и др. материалы. В письме к сестре, Анне Ильиничне, от 17 апреля 1897 г. он просит выписать для него немецкий журнал «Архив социального законодательства и статистика», в котором уделено большое внимание законоположениям по интересующему его вопросу. Пользуясь сборниками, Ленин подсчитал рабочее время за год на 45 крупных фабриках Московской губернии и 54 фабриках Одессы. Оказалось, что положение рабочих России от введения нового закона не улучшилось, а, наоборот, ухудшилось.

В брошюре дается политико-юридический анализ десяти вопросов, вытекающих из содержания июньского закона. В самом начале ее раскрывается причина, побудившая царское правительство издать новый фабричный закон. Эта причина — напор рабочего движения, руководимого «Союзом борьбы за освобождение рабочего класса».

Анализ июньского (1897 г.) закона Ленин начинает с данного в нем определения понятия «рабочего времени». При этом он обращает внимание на то, что продолжительность рабочего времени законодатель связывает с характером трудового договора. Установленный законом $11^1/_2$ часовой рабочий день касается лишь рабочих, с которыми заключен договор личного найма. Следовательно, на рабочих, которые выполняют работу в порядке подряда, закон не распространяется.

Обстоятельному анализу и критике подверг автор брошюры ст.ст. 8 и 9 закона. Первую — за то, что она фактически не ограничивает применение сверхурочных работ, а вторую — за признание министров единственными

и неопровержимыми толкователями рассматриваемого в брошюре фабричного закона[1].

Показав, чем было вызвано издание закона, какие права он дает министрам и фабрикантам и чем обеспечивается его исполнение, Ленин подводит читателя к логическому выводу об истинном значении рассматриваемого в брошюре законоположения. Закон этот, в сущности, не уменьшил, а «...только *укрепил* произвол хозяев, подсказав им *особо надежный* способ притеснять рабочих»[2]. В брошюре подчеркивается такой любопытный факт, как отсутствие в законе нормы, предусматривающей наказание за неисполнение его требований. Пробел отнюдь не случайный: царское правительство рассчитывало таким образом превратить новый закон в пустую бумажку.

Владимир Ильич заостряет внимание и на другой, казалось бы, «мелочи» — стиле и языке закона. При ближайшем рассмотрении его параграфов становится ясно, что они нарочито наполнены словесными выкрутасами. Многие из них заканчиваются не точкой, а бюрократическими словечками «и т. д.» или «и т. п.». Расчет законодателя, говорится в брошюре, ясен: облегчить фабрикантам возможность своекорыстного толкования и нарушения закона, а рабочим — затруднить защиту своих убогих прав, предусмотренных в фабричном законе.

В заключение В. И. Ленин указывает и на известное положительное значение закона от 2 июня. При всей своей ограниченности и при всем пристрастии к «его величеству капиталу» этот закон неизбежно дал «...*новый толчок* русскому рабочему движению»[3].

[1] *Б. Казанцев.* Об источниках брошюры В. И. Ленина «Новый фабричный закон» и ленинских приемах научного анализа». «Вопросы истории». 1963, № 4, стр. 102—103.

[2] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 2, стр. 280.

[3] Там же, стр. 301.

В приложении к брошюре, написанном в конце 1897 г., разбираются правила и инструкция о применении данного закона, опубликованные после его издания почти через 4 месяца. Проанализировав оба документа, Владимир Ильич показывает, что смысл их в том, чтобы подсказать фабрикантам и чиновникам, как можно вполне «правомерно», с пользой для себя, нарушать требования закона, не опасаясь какой бы то ни было ответственности.

В брошюре делается принципиально важное обобщение относительно особенностей, признаков каждой из двух групп законов, на которые можно разделить все действующее (в частности, фабричное) законодательство.

В законах первой группы «самые мелкие права рабочих *перечислены с полной точностью...* и *ни малейших* отступлений не полагается под страхом самых свирепых кар».

В законах второй группы «*всегда* даются только общие запрещения *без всякого точного перечисления,* так что администрация может запретить *все, что ей угодно;* в этих законах всегда есть маленькие, но очень важные добавления: «и т. п.» и «пр.». Такие словечки наглядно показывают всевластие русских чиновников, полное бесправие народа перед ними»[1].

Автор брошюры разъясняет своим читателям, как сделать, чтобы июньский закон не только гласил, но и действовал: «Только борьбой, сознательной и стойкой борьбой добились рабочие *издания* этого закона. Только борьбой могут они добиться того, чтобы этот закон действительно применялся и применялся в интересах рабочих»[2]. В противном случае этот закон останется пустой бумажкой.

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 2, стр. 285.
[2] Там же, стр. 287—288.

Подробный, чуть ли не постатейный разбор рассматриваемого закона позволил Владимиру Ильичу выявить его политическую направленность, а также классовую принадлежность его составителей. На фактах из жизни фабричных рабочих, из деятельности правительства и отдельных министров тогдашней России Ленин наглядно показал, чьи интересы выражали и кому служили данный и другие царские законы.

Несколько лет спустя В. И. Ленин вновь возвращается к этим вопросам и отвечает на них совершенно определенно. Анализ «будничного законодательства», изданного в течение одного года, привел Владимира Ильича и читателей другой его статьи «Объективная статистика» к любопытному открытию: $^{2}/_{3}$ этого законодательства (60 узаконений из 91) «посвящены самому непосредственному удовлетворению различных практических нужд наших капиталистов (и отчасти) охране их от рабочих возмущений»[1].

Почему так происходит? Ленин терпеливо, в простых и понятных выражениях объясняет, что другого направления в работе законодателя и быть не может. Правительство помещиков и капиталистов издает законы, выгодные и угодные «сильным мира сего», и оно же закрывает глаза на факты нарушения законов людьми бога-

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 4, стр. 424.

Прежде чем написать эту статью, Владимир Ильич проделал очень интересный опыт по изучению статистики узаконений, отнявший у него немало времени. Он проанализировал около 100 нормативных актов, изданных на рубеже XX века и опубликованных в «Собрании узаконений и распоряжений правительства». В результате опыта он пришел к абсолютно объективным и вполне обоснованным выводам относительно того, кто и в чьих интересах издает, изменяет и отменяет законы в России и во всех других странах, где правит капитал.

тыми. Для пояснения своей мысли Владимир Ильич, как обычно, приводит яркий пример, запоминающийся факт. Он описывает полувековую судебную тяжбу уральского помещика Строганова с рабочими, которых он обязан был по закону наделять землею, но в нарушение закона отказывался это сделать.

Подобные примеры содействовали развенчиванию иллюзии, будто в условиях самодержавия можно говорить о праве, охраняемом законом, о законности. «Смешно говорить «о праве»,— подчеркивал Ленин,— когда помещики и издают законы, и применяют или отменяют их на практике. Значит, есть такой класс, который сам творит «право» и сам отменяет его»[1].

Брошюра «Новый фабричный закон» вышла в свет через два года после того, как она была написана. Ее содержание частями (главами) перепечатывалось в нелегально издававшихся в России газетах. Она имела не только пропагандистское значение. Для рабочих она служила своего рода юридическим справочником, помогавшим познавать и отстаивать те мизерные права, которые давал им июньский закон. Она помогла рабочим особенно легко увидеть связь между их положением и общественным строем.

В последние месяцы пребывания в ссылке Владимир Ильич закончил работу над большой статьей «О промышленных судах». При чтении ее нельзя не поразиться эрудиции автора, превосходному знанию им вопросов права и судоустройства. В статье раскрыты положительные стороны промышленных судов, преимущества последних перед чиновничьими судилищами, показаны основные пороки буржуазного правосудия. В числе этих пороков — нежелание судей по-настоящему искать правду по делу.

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 23, стр. 374.

Судьи — чиновники, говорится в статье, довольствуются, обычно, формальной или судебной истиной. Рассматривая споры, возникающие в жизни людей, конфликты, они заботятся только об одном: лишь бы по закону все было правильно, «чтобы дело было гладко по бумагам: только бы в бумагах было все в порядке, а больше ни до чего нет дела чиновнику...»[1].

В статье высмеиваются буржуазные судьи, рассматривавшие иски хозяев-предпринимателей к рабочим. К чему же сводится «правосудие» по этим делам? К констатации формальных моментов и ни к чему больше. Оказывается, «судья-чиновник, заглянув в рабочую книжку, прочитал правило,— и больше слушать ничего не хочет: нарушено, дескать, правило, так и отвечай»[2]. В результате судебное решение, порой формально правильное, по существу, являлось издевательством над справедливостью, над рабочим человеком.

Столь правдивые и предельно ясные слова, естественно, горячо воспринимались читателями — рабочими, вызывали в их памяти десятки забытых или непонятных прежде случаев «законного» произвола и явного беззакония со стороны их хозяев, вопиющего произвола судебных и полицейских чиновников, взыскивавших с рабочего человека за все, что угодно, даже за его юридическую неграмотность.

В статье объяснены причины того, почему рабочий люд плохо знает и всегда презирает царские законы и почему представители трудящихся не допускаются к выполнению судейских функций, даже в качестве присяжных заседателей. Владимир Ильич бичует фарисействующих юристов за их попытки оправдаться тем, что дескать

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 4, стр. 275.
[2] Там же, стр. 276.

«все должны знать законы». В действительности же «...такое предположение — буржуазная ложь, ложь, сочиненная людьми имущими и капиталистами против неимущих...»[1], ибо оно игнорировало тот факт, что половина населения тогдашней России была неграмотной, следовательно, рабочие, как правило, не могли знать законов.

Ленинская статья имела своей целью привлечь общественное мнение страны к вопросу о промышленных судах, показать их несомненные преимущества перед судами чиновников. В числе аргументов в пользу создания таких судов в России Владимир Ильич приводит их огромные воспитательные возможности. Эти суды, подчеркивает он, «подняли бы сознательность рабочих, повысили в них сознание своих прав, своего человеческого и гражданского достоинства, приучили их самостоятельно думать о государственных делах и об интересах всего рабочего класса...»[2].

Но именно по этой причине царизм всячески противился идее создания промышленных судов.

Рассматриваемая статья интересна для нас еще и тем, что в ней впервые в России с марксистских позиций дана трактовка суда как органа государственной власти, и деятельности суда, как части, формы государственной деятельности, государственного управления обществом. В ней изложены и обоснованы некоторые демократические принципы организации суда, возможные лишь в условиях диктатуры пролетариата. Чуждые буржуазной юстиции, они после 1917 г. стали руководящими для правосудия пролетарского государства.

Отдельные теоретические вопросы, поставленные в статье «О промышленных судах», получили дальнейшее

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 4, стр. 278.
[2] Там же, стр. 285.

развитие применительно к советской юстиции в речах В. И. Ленина на III Всероссийском съезде Советов и VIII съезде РКП(б), а также в его работе «Очередные задачи Советской власти».

ЮРИДИЧЕСКАЯ ПРАКТИКА В. И. УЛЬЯНОВА В ШУШЕНСКОМ

Находясь в ссылке, В. И. Ленин нередко встречался и беседовал с местными крестьянами. С некоторыми из них — Ермолаевым, Журавлевым, Заверткиным, Строгановым — он даже сдружился.

Как только крестьяне узнали, что Владимир Ильич адвокат, они стали обращаться к нему за помощью. Спустя некоторое время «клиентура» его увеличилась за счет рабочих с приисков. В советах юриста порой нуждались и отдельные товарищи по ссылке. Шли к Ильичу и они. И не было случая, чтобы он кому-то отказал в просьбе дать совет или составить ту или иную жалобу. Консультируя посетителя, Ленин попутно выяснял и условия его жизни, труда, настроение.

В научной биографии В. И. Ленина отмечается, что, находясь в ссылке, он глубоко и всесторонне изучал сибирскую деревню. В этом ему помогло и близкое общение с крестьянами села Шушенского, которым он давал юридические советы, помогал им защищаться от произвола властей и богатеев[1].

В быстром распространении широкой популярности Владимира Ильича как юриста большую роль сыграло ничем не примечательное дело одного рабочего, выгнан-

[1] Владимир Ильич Ленин. Биография, изд. второе, 1963, стр. 50.

ного с приисков. Хозяин не только прогнал приискателя, но и не заплатил ему за работу. Убедившись в незаконности действий золотопромышленника, В. И. Ульянов составил мотивированную жалобу, которую суд был вынужден удовлетворить.

«Весть об этом выигранном деле,— вспоминала потом Надежда Константиновна Крупская,— разнеслась среди крестьян»[1], которые после этого зачастили к ссыльному юристу.

О характере адвокатской практики В. И. Ленина в ссылке можно судить по рассказам местной крестьянки Прасковьи Алексеевны Мезиной, близко знавшей в те годы Ульяновых, и других жителей Шушенского.

«Часто,— говорила она,— к Владимиру Ильичу приходили крестьяне с жалобами, с просьбами написать прошение. У кого какое горе, поделиться не с кем, посоветоваться — все шли к Владимиру Ильичу. Он давал людям советы, прошения составлял, письма писал, помогал чем только мог, даже иной раз деньгами, хотя сам жил бедно»[2].

«Клиентуру», которую стал обслуживать в Шушенском Ленин-адвокат, можно условно разделить на три группы: местные крестьяне, рабочие с приисков и политические ссыльные. Но большинство посетителей составляли, конечно, крестьяне. Сперва это были шушенские бедняки. Позже, когда о «мужицком защитнике» заговорили в окрестных деревнях и приисках, к нему потянулись

[1] Воспоминания о В. И. Ленине, I, М., 1956, стр. 45. К сожалению, фамилия этого рабочего до сих пор остается невыясненной. Удалось лишь установить, что прииск, с которого он был уволен, находился в дер. Субботино, что в 45 километрах от Шушенского.

[2] Воспоминания П. А. Мезиной экспонируются в Доме-музее В. И. Ленина в Шушенском.

ходоки из различных населенных пунктов Минусинского округа.

Уже к концу первого года ссылки Владимир Ильич завоевал горячую любовь местного населения и, прежде всего, тех, кому помогал защищаться от произвола царских чиновников и кулаков. Он, однако, не ограничивался разъяснением законов или прав жалобщиков, нарушенных чиновниками. В необходимых случаях, не откладывая дела на другой раз, он решительно говорил: «Что же, надо жаловаться!», или «Будем жаловаться, непременно будем!» И тут же доставал бумагу и чернила.

Соблюдая предосторожности, Ленин сам, как правило, документов не составлял: опасался, что узнают его почерк. Поэтому заявления и другие судебные бумаги писали под его диктовку либо Н. К. Крупская, либо кто-нибудь другой, кому доверял Владимир Ильич. В одних случаях это были гостившие у него «старики», товарищи из «Союза борьбы», в других — мало-мальски умевшие писать мужики.

Дело в том, что согласно Уставу о ссыльных (1882 г.) политическим ссыльным категорически запрещалось состоять на государственной службе и даже выполнять функции представителей «свободной профессии». Иначе говоря, им не дозволялось заниматься ни медицинской, ни юридической практикой. Нарушение режима поведения в ссылке могло иметь серьезные последствия: перевод виновного в более северный пункт (например, Туруханск) или продление срока ссылки, либо то и другое. Поэтому Владимир Ильич старался по возможности запретов не переступать.

Вместе с тем он, как юрист, кроме дачи справок и советов правового характера, включался, когда было возможно и необходимо, в судебный процесс, формально не присутствуя на нем.

О формах и результатах заочного участия В. И. Ленина в судебном процессе свидетельствует, например, дело по иску Зацепина к бедняку Проникову, с которого мировой судья заведомо необоснованно решил взыскать почти разорительную для крестьянина сумму — 50 рублей и, кроме того, еще несколько пудов хлеба.

По совету односельчанина Строганова Проников обратился к В. И. Ульянову. Тот выслушал просителя, потом сказал, что надо подыскать грамотного мужика и с ним прийти. Через несколько дней, когда нужный документ был составлен, Владимир Ильич проинструктировал жалобщика — что говорить судье. Дескать, если спросит, кто писал, отвечать: какой-то писарь, если поинтересуется, кто советовал жаловаться, сказать: люди добрые.

Свидетель этой тяжбы житель Шушенска А. П. Родин рассказывает: «В селе нашем проживал в то время богатый купец Симон Ермолаев, хозяйство у него было большое. Одного рогатого скота имел больше ста голов. Пастух свой был. И прорвись как-то ермолаевское стадо через поскотину бедняка Проникова на полосу крепкого мужика Зацепина. А там хлеб стоял в суслонах. Ну и, ясное дело, с кого-то надо было Зацепину получить потраву...

Ну что же, богатый с богатым судиться не будет, скот ихний, хлеб — тоже, все, почитай, было ихним. Кого винить?

Зацепин подает в суд на моего тестя Проникова. Суд присудил взыскать с моего тестя в пользу истца что-то рублей 50 деньгами, да сколько-то хлебом.

Обидно стало старику. Пошел к Строганову (он возил ему товары с Минусинской пристани) и высказал свою обиду. Тот выслушал, подумал-подумал и сказал:

— Погоди, я у Владимира Ильича спрошу. Он тебе бумагу напишет...

Через день-другой Строганов говорит тестю:

— Иди к Ульянову. Он пообещал написать прошение в суд. Тесть пошел. Владимир Ильич выслушал его, попросил подыскать грамотного человека и с ним прийти к нему.

Пошли мы двое к Владимиру Ильичу. Провел он нас в комнату, усадил, дал мне бумагу, карандаш, и начали мы писать. Он ходит взад и вперед по комнате и диктует, а я пишу. Записал я все, что он говорил, он бумагу перечитал, почеркал, почеркал, поправил и сказал:

— Теперь перепишите все это начисто, да так, чтобы дома вам никто не мешал, и подайте в суд.

Показал, как озаглавить прошение, растолковал, куда и к кому обращаться, и мы вышли.

Подал мой тесть прошение на пересуд, и остался Зацепин ни при чем. На этот раз суд ответил: «оставить без последствия»[1].

А вот другое дело, еще более укрепившее авторитет Ульянова-юриста. Оно касалось незаконных поборов, наложенных уездным чиновником на шушенского жителя, бедняка И. С. Ермолаева. По просьбе последнего Владимир Ильич принял дело «к своему производству». Принял не только потому, что искренне желал помочь горемычному мужику. Он сделал это в надежде добиться облегчения для всех крестьян Минусинского округа, изнывавших от непосильных поборов.

Но случилось так, что Ермолаев, к сожалению, сам все испортил. И вот как это произошло. Однажды судебному чиновнику захотелось узнать, кто автор «уж больно грамотных» судебных бумаг, поданных от имени Ермолаева. И когда Ермолаева спросили об этом в упор, он растерялся и, забыв данный ему инструктаж, назвал настоящую фамилию составителя.

[1] *М. Москалев.* В. И. Ленин в Сибири. М., 1957, стр. 102—103.

Судейский побагровел и свирепо закричал на дрожавшего мужика:

— Да я его под суд отдам! Ведь он политический ссыльный!

Напуганный Ермолаев, желая оградить своего адвоката от возможных неприятностей, выхватил прошение из рук чиновника и убежал. По дороге он изорвал бумагу — вещественное доказательство, которое могло бы послужить уликой против Владимира Ильича[1].

В литературе приводятся еще два случая оказания Владимиром Ильичем юридической помощи шушенцам. Первый случай связан с обращением крестьян к подпольному адвокату с просьбой разъяснить, законны ли действия властей по отобранию у общины леса. Выяснив, что лес-то казенный, Ульянов дал крестьянам понять, что их тяжба успеха иметь не будет и потому писать жалобу незачем[2].

А вот второй случай. Крестьянин-бедняк Дмитрий Данилович в связи с наступлением весны решил поскорее уничтожить траву, оставшуюся на его участке. По обычаю, он спалил ее. Как назло, поднялся ветер. От огня, перенесшегося в казенный лес, сгорело несколько сосен. Лесничество, решив наказать мужика, наложило на него крупный штраф. Уплата штрафа привела бы к разорению и без того скудного хозяйства Дмитрия Даниловича. Своей бедой он поделился с Владимиром Ильичем, которого немного знал. Тот успокоил расстроившегося крестьянина, разъяснив, что без суда никто не имеет

[1] *А. Киржниц.* В. И. Ленин в ссылке. Изд. КУБУЧ, 1925, стр. 18.

[2] *В. Шахматов.* «Советская юстиция». 1959, № 4, стр. 38. Автор, к сожалению, не указывает источник, из которого почерпнут приведенный факт.

права взыскать за убытки. Затем он написал «в город» жалобу. Однако из-за боязни подследствий крестьянин жалобу «затерял». Узнав об этом, Ульянов поначалу пожурил Дмитрия Даниловича, а затем составил новую бумагу, которую сам и отправил в Минусинск.

По всей вероятности, вмешательство юриста подействовало, ибо лесничество больше не беспокоило «поджигателя»[1].

Услуги юридического характера В. И. Ленин оказывал не только крестьянам, но и, как уже отмечалось, своим товарищам по ссылке. Так, вскоре после прибытия в Шушенское Владимир Ильич почти официально включился в «дело Базиля» (В. В. Старкова), отбывавшего ссылку вместе с Г. М. Кржижановским в селе Тесинском.

«Дело Базиля» было совсем не сложным. Как-то в конце сентября 1897 г. В. В. Старков без разрешения властей приехал в Минусинск, чтобы проведать заболевшего товарища по ссылке, С. Г. Райчина. За это, то есть за «самовольную отлучку с места водворения», он на основании протокола, составленного исправником Ненакшиным, предстал перед судом. Местный мировой судья второпях или по невежеству, рассмотрев названное дело, постановил подвергнуть «Базиля» и его случайную спутницу Г. И. Окулову аресту сроком на три дня каждого.

Ленину, как юристу, было хорошо известно, что за провинность, подобную той, что допустил Базиль, может последовать письменное или устное внушение. Это поло-

[1] *А. Кононов.* Рассказ Матвея Николаевича. «Литературная газета», 1941 г., 19 января. См. *его же* «Ленинская бумага» сб. «Рассказы о Ленине». Детиздат, 1966 . О факте составления В. Ульяновым прошения в Минусинское лесничество о снятии наказания с крестьянина Потылицына, неосновательно обвиненного в поджоге леса, сообщает и *В. Шахматов.* Альманах «Енисей», Красноярск. 1957, кн. 19, стр. 254.

жение закона и основанную на нем практику он усвоил и сам. В ноябре 1897 г. в Минусинске была назначена встреча с товарищами по ссылке. Не уверенный в том, что ему разрешат выехать, Владимир Ильич решился на «самоволку». Пронюхавший об этом местный надзиратель Заусаев информировал минусинского исправника. Последний, рассмотрев рапорт подчиненного, сделал нарушителю, «на первый раз», внушение. О случившемся он счел нужным сообщить енисейскому губернатору. «Имею честь донести Вашему превосходительству,— говорилось в его рапорте от 7 января 1898 г.,— что находящийся в с. Шушенском под гласным надзором полиции административно-ссыльный Владимир Ильич Ульянов в ноябре месяце 1897 года позволил себе самовольно отлучиться в г. Минусинск до получения просимого на это разрешения». Рапорт заканчивался уведомлением о характере взыскания, наложенного на Ульянова[1].

Иногда, для получения разрешения, приходилось прибегать к хитрости. Однажды ею и воспользовался Владимир Ильич. Чтобы повидать своего друга, Г. М. Кржижановского, проживавшего тогда в селе Тесинском, он мотивировал выезд из Шуши желанием дать «геологическую характеристику» горы, что стоит за околицей названной деревни. Минусинский исправник, оценив причину, указанную просителем, вынужден был пойти навстречу «пытливому геологу».

В его ответном письме говорилось: разрешается «ссыльному под гласным надзором полиции помощнику присяжного поверенного Владимиру Ильичу Ульянову и его жене выехать из Шушенского на 5 дней для геологических изысканий в дер. Тесинское»[2].

[1] Из материалов Шушенского Дома-музея В. И. Ленина.
[2] Там же.

Но вернемся к делу Старкова. Узнав подробности и усмотрев в осуждении товарищей акт произвола, Владимир Ильич решил вмешаться и обязательно добиться отмены незаконного решения. С этой целью он специально поехал в Минусинск, предварительно информировав об этом надзирателя.

Жалобу, составленную Лениным, Старков аккуратно переписал и передал судье. О своем участии в деле Старкова-«Базиля» Ильич поделился с матерью.

В письме к ней от 12 октября 1897 г. мы читаем: «В Минусинске... все время прошло в беготне по лавкам, в хлопотах по делу Базиля (написали мы с ним жалобу на приговор мирового судьи, и сам сей судья признал, что его приговор слишком суров. Посмотрим, чем решит 2-я инстанция)...»[1]. О том, что судья согласился с оценкой, данной его решению в апелляционной жалобе, писал Старков своей жене еще раньше, а именно 30 сентября[2].

Приняв жалобу, судья обещал направить ее в вышестоящий суд. Второй инстанцией, компетентной разбирать апелляцию Базиля, являлся Красноярский окружной суд. Пересмотр дела в нем, согласно повестке, полученной Старковым, был назначен на 10 ноября. Однако состоялся ли он в этот или в другой день мы не знаем, ввиду отсутствия данных. Зато достоверно известно другое. Как видно из недавно обнаруженного в Красноярском Госархиве документа, на жалобу Старкова серьезно реагировал Енисейский губернатор. 12 октября, в тот самый день, когда Владимир Ильич написал матери о хлопотах по делу Базиля, губернатор настрочил письмо — выговор Минусинскому исправнику Стоянову. В нем разъясня-

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 55, стр. 55.

[2] Сб. «Товарищи в борьбе. Письма соратников В. И. Ленина 1896—1900 гг.». Красноярское книжн. изд-во, 1965, стр. 147.

лось, что Старкову следовало сделать всего лишь «должное внушение» и что лишь при повторении самовольной отлучки его можно будет арестовать на трое суток[1].

Вскоре Старков получил известие, что приговор по его делу существенно смягчен: предусмотренный в нем арест заменен относительно небольшим штрафом. Вот что рассказывает об этом факте Г. И. Окулова в автобиографии, хранящейся в Государственном музее революции СССР: «меня и т. Старкова мировой судья присудил к месяцу тюремного заключения за самовольную отлучку с места ссылки. Владимир Ильич написал апелляционную жалобу в Окружной суд, и нам арест заменили 3 рублями штрафа»[2].

Известие об исходе апелляции обрадовало и Ленина и всех его друзей по ссылке.

Качества опытного юриста-практика В. И. Ленин мастерски продемонстрировал весной 1898 г. в «товарищеском суде», устроенном в Минусинске народниками над Г. М. Кржижановским, В. В. Старковым, Г. И. Окуловой. Последние несправедливо обвинялись в нарушении «ссыльной этики». По мнению обвинителей, нарушение состояло в том, что «обвиняемые», зная о предстоящем побеге из ссылки рабочего-печатника С. Г. Райчина[3], не

[1] Сб. «Товарищи в борьбе. Письмо соратников В. И. Ленина. 1896—1900». Красноярское книжное изд-во. 1965, стр. 147.

[2] Гос. Музей революции СССР. Фонд Г. И. Окуловой (Теодорович). В определении срока ареста т. Окулова допустила описку — *И. С.*

[3] С. Г. Райчин — товарищ В. И. Ленина по ссылке. До осуществления плана бегства из ссылки он назвался специалистом по эксплуатации котлов и, по совету В. В. Старкова, попросил Минусинского исправника разрешить отлучиться «недельки на две», поехать на ближайший солеварный завод для осмотра котлов. Получив разрешение, Райчин 5 марта 1898 г. выехал с места поселения и больше туда не возвращался.

предупредили о том «стариков», чтобы те до начала возможных обысков могли «почиститься».

По просьбе товарищей по ссылке, П. Лепешинского и других, В. И. Ленин дал согласие защищать обвиняемых от нападок «стариков»-народников. С поручением друзей он, как и следовало ожидать, справился блестяще.

О том, как Владимир Ильич провел защиту «подсудимых», рассказывает очевидец «процесса» П. Лепешинский в книге «На повороте»: «Он (В. И. Ленин — *И. С.*) великолепно повел тактику формально-юридического процесса (может быть это был единственный случай в его жизни, когда ему пригодилась его университетская выучка)[1]. Не давая воли своим субъективным реакциям на политические выпады противников, он с карандашом и бумажкою в руках записывал их ответы на предлагаемые им вопросы. На чем основано такое-то утверждение или такая-то квалификация? Где факты? Какие документальные доказательства? Какие улики? Имеются ли свидетельские показания? И т. д. и т. д.»[2].

Благодаря участию в этом деле Владимира Ильича, голословное обвинение рассыпалось. Не выдержав атак защиты, обвинители с позором покинули процесс.

Известны и другие факты оказания юридической помощи В. И. Лениным политическим ссыльным. Относительно недавно в Красноярском государственном архиве обнаружено подлинное прошение административно-ссыльного Я. Л. Проминского на имя начальника Енисейской губернии. В прошении ставится вопрос о предоставлении его автору и членам его семьи возможности возвращения

[1] Это не совсем верно. Свои юридические познания Владимир Ильич мастерски и неоднократно использовал в судах Самары и Петербурга в 1892—95 гг.

[2] *П. Н. Лепешинский.* На повороте. М., 1925, стр. 84.

из ссылки на родину за казенный счет. Как теперь установлено, этот документ был написан 21 июля 1899 г. рукой Владимира Ильича Ленина[1].

Группе рабочих ссыльных, коим в канун 1898 г. было уменьшено месячное пособие, он разъяснил, как избавиться от этого «новогоднего подарка». Так, Яну Проминскому Владимир Ильич дал совет относительно того, как добиться отмены распоряжения властей о сокращении получаемого его семьей пособия.

А вот еще один случай. В Шушенском в то время отбывал ссылку рабочий Путиловского завода Оскар Александрович Энгберг. В беседе с корреспондентом «Ленинградской правды» в марте 1937 г. он сообщил некоторые интересные подробности из жизни В. И. Ульянова в Шушенском. Оказывается, о принадлежности Ульянова к адвокатуре знали почти все местные жители, политические ссыльные и даже рабочие из близлежащих приисков. Вскоре после знакомства с Ульяновым Энгберг обратился к нему с просьбой выхлопотать семье материальную помощь. Владимир Ильич охотно откликнулся на просьбу товарища и удивительно ясно и просто, рассказывает Оскар Александрович, «объяснил мне как подать прошение, чтобы получить пособие».

Заявление писал сам «проситель», но под диктовку В. И. Ульянова. Пособие Энгбергу было назначено[2].

Благодаря советам Ленина группе политических ссыльных (П. Лепешинский, М. Сильвин, А. Ванеев, В. Курнатовский) удалось выхлопотать право перевода их из различных отдаленных пунктов Енисейской губернии в Минусинский округ, поближе к Шушенскому.

[1] См. *С. Беляевский.* В. И. Ленин в Шушенском, Красноярское кн. изд., стр. 35.

[2] «Ленинградская правда», 30 марта 1937 г.

Владимир Ильич проконсультировал А. Ванеева по вопросу о том, как ему добиться освобождения жены из тюрьмы.

Ленин-адвокат отличался удивительной способностью выслушивать людей, обращавшихся к нему за помощью. Он умел на редкость терпеливо разъяснять им, что следует предпринять, какие именно бумаги достать и куда, на что (или на кого) надо жаловаться, чего можно добиться в результате апелляции.

Из-за неграмотности и забитости многих обращавшихся к нему происходили порой курьезные вещи. Вот что рассказал много лет спустя сам Владимир Ильич, имея в виду смешной случай с «копией о белой корове». В разговоре с некоторыми «клиентами», оказывается, самое трудное было понять, в чем суть вопроса.

«Придет баба, начинает, конечно, с родственников, и неимоверно трудно было добиться, в чем дело. Я говорю: «Принеси копию». Она рассказывает о белой корове. Ей говоришь: «Принеси копию», тогда она уходит и говорит: «Не хочет слушать без копии о белой корове». Так мы и смеялись в своей колонии над этой копией. Но маленький прогресс мне удалось осуществить: приходя ко мне, тащили копию, и можно было разобраться, в чем дело, почему жалуются и что болит»[1].

Свидетельницей этого разговора с крестьянкой была Н. К. Крупская. Она вспоминает, как однажды в дом, где проживали Ульяновы, прибежала какая-то женщина и взволнованным голосом поведала Владимиру Ильичу историю гибели ее единственной коровенки, высказала обиду, которую причинили ей богатый сосед и суд, ставший на сторону ответчика. Оказывается, корову этой крестьянки забодал бык, принадлежавший богатею, а во-

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 45, стр. 102.

лостной суд постановил взыскать в ее пользу всего лишь 10 рублей. С трудом уяснив смысл предлинной речи обиженной, Владимир Ильич попросил ее принести копию судебного решения. И она принесла требуемую бумагу[1].

То, что В. И. Ленин занимался в Шуше адвокатской практикой, подтверждают не только местные жители, но и товарищи по ссылке, друзья и соратники Владимира Ильича. Ценнейшие сведения по этому вопросу мы находим в воспоминаниях Н. К. Крупской — непосредственной свидетельницы подпольной адвокатской деятельности Ленина. «Много ходило к нему, как к юристу, крестьян советоваться по судебным делам,— сообщает она.— И Ильич давал советы...»[2].

В другом месте ее воспоминаний мы читаем: «По воскресеньям он (Владимир Ильич — *И. С.*) завел у себя юридическую консультацию. Он пользовался большой популярностью, как юрист... Приходили мужики и бабы и излагали свои беды. Владимир Ильич внимательно слушал и вникал во все, потом советовал...»[3]. Живя в Шуше, Ленин часто «с крестьянами толковал, дела их вел»[4].

Из воспоминаний Н. К. Крупской видно, что В. И. Ленин смотрел на свои юридические консультации как на способ изучения деревни, выявления умонастроения и психологии крестьянства.

Много ценного имеется и в других воспоминаниях соратников Ильича. Так, по свидетельству П. Н. Лепешинского, В. И. Ульянов своими адвокатскими советами оказал большую помощь деревенской бедноте[5]. Очевидец многих бесед Ильича с ходоками О. А. Энгберг также

[1] Воспоминания о В. И. Ленине, I, 1956, стр. 84.
[2] *Н. К. Крупская.* О Ленине. М., 1960, стр. 179.
[3] Воспоминания о В. И. Ленине, 1, 1956, стр. 84.
[4] «Исторический архив», 1957, № 2, стр. 38.
[5] См. П. Н. Лепешинский. Цит. соч., стр. 22.

подтверждает, что крестьяне «приходили (к Ленину — *И. С.*) за советами, в особенности по юридическим вопросам, и Владимир Ильич им охотно помогал»[1].

Причину широкой известности В. И. Ленина, как юриста и глубокого уважения к нему со стороны людей, обращающихся за его помощью, называет в своих мемуарах Г. М. Кржижановский. Он пишет, что «умение (Ленина — *И. С.*) ответить на всякий вопрос и дать вовремя юридический совет быстро создали ему репутацию необычного человека»[2].

Важным доказательством того, что В. И. Ленин, находясь в сибирской ссылке, немало времени уделял юридической практике, являются его письма к родным. В одном из них он просит выслать в Шушу нужные ему законы и справочники. В другом — от 10 декабря 1897 г.[3], адресованном матери и сестрам, Владимир Ильич подтверждает получение Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1885 г. и Устава о наказаниях, налагаемых мировыми судьями. В письме к матери (от 14 июня 1898 г.) он просит сестру, Марию Ильиничну, выслать ему книгу А. Боровиковского «Законы гражданские» (Свод законов, т. X, ч. 1) и Устав гражданского судопроизводства карманного формата[4].

О своей адвокатской работе в Шушенском вспоминал много лет спустя и сам Владимир Ильич. Так, в Полити-

[1] «Ленинградская правда», 30 марта 1937 г.

[2] Г. М. Кржижановский. Великий Ленин. М., Госполитиздат, 1956, стр. 34.

[3] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 55, стр. 60.

[4] Там же, стр. 92.

Думается неверно говорить, будто из-за адвокатской практики Ленин в Шуше вынужден был прочесть большое количество юридической литературы. *(Б. Шахматов,* «Енисей», 1968, № 2, стр. 3). Неверно потому, что она, эта литература, была усвоена им давным-давно еще в самарский период жизни.

ческом отчете ЦК РКП(б) XI съезду партии (27 марта 1922 г.) он говорил: «...когда я был в Сибири в ссылке, мне приходилось быть адвокатом. Был адвокатом подпольным, потому что я был административно-ссыльным и это запрещалось, но так как других не было, то ко мне народ шел и рассказывал о некоторых делах»[1].

По возвращении из ссылки В. И. Ленин не только ни скрывал, но, напротив, в целях конспирации, всячески афишировал свою принадлежность к адвокатуре. Так, прибыв в Псков, он следующим образом объяснил любопытствующему жандарму, чем занимается и на что живет. По понятным соображениям, Владимир Ильич просил занести в протокол: «числится в звании помощника присяжного поверенного и вновь поступает в это звание».

В тех же целях В. И. Ленин неоднократно использовал возможность именоваться доктором прав, которую давал ему университетский диплом. Почти во всех заграничных городах, в которых ему пришлось побывать после ссылки (Мюнхен, Лондон, Краков), его регистрируют в качестве ученого юриста-эмигранта. Так, например, в мюнхенской полиции (осень 1900 г.) он отметился как «доктор юриспруденции Иордан Иорданов»[2].

Находясь в Лондоне, куда он приехал в апреле 1902 г., чтобы наладить издание «Искры», Ленин тоже отрекомендовал себя юристом. В объявлении, помещенном 10 мая в газете «Атенеум», говорилось, что «Русский L. D Якоб Рихтер и его жена желали бы.. брать уроки английского языка...»[3].

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 45, стр. 102.

[2] *Н. К. Крупская.* Цит. раб., стр. 41 — 42.

[3] LD — общепринятое сокращение латинских слов «Lequm Doctor», которые в переводе на русский язык означают: «доктор прав». (См. *И. Н. Вольпер.* Псевдонимы В. И. Ленина. Лениздат, 1965, стр. 60). Об этом же факте см. *Гарри Полит.* В. И. Ленин и

В регистрационном журнале библиотеки Британского музея сохранилась запись, согласно которой посетителем с читательским билетом № 72453 является «Джейкоб Ритчер, доктор прав».

На допросе, состоявшемся 15 июля 1914 г. в Кракове, Ленин счел нужным показать, что у него имеется «диплом доктора прав»[1]. Кстати сказать, в Краковском воеводстве ему пришлось вновь заняться (правда, непродолжительное время) юридической практикой.

Как известно, будучи в эмиграции, В. И. Ленин был арестован по нелепому подозрению в шпионаже. Его посадили в Ново-Таргскую тюрьму (близ Кракова). Здесь он находился с 26 июля по 6 августа 1914 г. За это время Владимир Ильич успел познакомиться с остальными заключенными по камере. Большинство из них составляли галицкие крестьяне. Они попали сюда за различные мелкие провинности: кто за неуплату налогов, кто за просрочку документов, а иные — за неподчинение местным властям. Узнав, что «русский эмигрант» по профессии адвокат, товарищи по камере засыпали его вопросами и просьбами. Одни интересовались, правильно ли, законно ли они

английское рабочее движение. Рассказы о Ленине, изд. «Дет. литературы», 1964, стр. 181.

[1] В других случаях Ленин указывал, что является кандидатом прав. Так, в доверенности, выданной 15 апреля 1917 г. П. И. Стучке на право ведения последним всех дел издательского общества «Рабочая печать», рядом со своей фамилией Владимир Ильич пишет: «Кандидат прав». Кандидатом прав или помощником присяжного поверенного называли Ленина судебные чиновники вплоть до Октябрьской революции. См. например, повестку Петербургского мирового судьи, извещавшую Ленина о предстоящем (в мае 1917 г.) процессе о выселении большевиков из дворца Кшесинской. В графе «Кому» стояло: канд. прав В. И. Ульянову, соответчику по делу (Ю. Юров, Путешествие по ленинской адресной книжке. М., 1967, стр. 87, 88).

наказаны, другие просили дать совет, третьи — написать основанную на законе жалобу.

И «русский эмигрант» охотно выполнял их просьбы. Благодаря его юридическим советам некоторым из крестьян удалось освободиться из тюрьмы[1].

Нам известен еще один случай использования В. И. Лениным своих юридических знаний.

Мы имеем в виду деятельное участие Владимира Ильича в решении ряда правовых вопросов, возникших по делу о переводе в партийную кассу капитала Н. П. Шмита. Это было в 1907 г. Фабрикант-революционер Николай Павлович Шмит за несколько дней до расправы с ним в Таганской тюрьме завещал большевикам все свое имущество стоимостью около 190 тыс. рублей.

Однако реализация завещания тормозилась по двум причинам.

Первая: недееспособность младшей сестры умершего, Елизаветы, на имя которой была оставлена доверенность. Она, по тогдашним законам, будучи незамужней, не могла распоряжаться наследством. Это мог сделать лишь ее «законный супруг».

Вторая: пассивное противодействие со стороны второго наследника, младшего брата покойного, Алексея.

[1] *Н. К. Крупская.* Воспоминания о Ленине, М., 1957, стр. 225; О том же см. *В. Найдус.* Ленин в Польше , М., 1957, стр. 152.

Известно также, что юридические знания пригодились Ленину в период его пребывания в петербургском Доме предварительного заключения (XII—1895—II—1887 гг.). Знакомый с «Уставом о лицах, содержащихся под стражей», он добился от надзирателей беспрепятственного пропуска книг и газет, доставляемых ему «с воли», а также снабжения письменными принадлежностями. Эту законную лазейку Ленин использовал в целях создания минимума условий, необходимых для написания или подготовки к написанию таких произведений, как «Проект программы партии» и «Развитие капитализма в России».

Подстрекаемый адвокатом-крючкотвором А. Ф. Линком, он пытался всячески задержать исполнение завещания. Хлопоты по реализации наследства Н. П. Шмита ЦК РСДРП(б) возложил на большевика-юриста Сергея Шестернина. Но обойтись без помощи В. И. Ленина не удалось. Ознакомившись с обстоятельствами этого сугубо гражданского дела, Владимир Ильич, исходя из интересов дела, посоветовал Елизавете Павловне и подпольщику А. М. Игнатьеву вступить в фиктивный брак. Затем он проконсультировал «жениха» по вопросу о том, как надо будет преодолеть сложные формальности бракоразводного процесса. Ряд наставлений получил и сам поверенный ЦК по этому делу С. П. Шестернин. В конечном итоге, названная выше сумма, в которой очень нуждался ЦК, очутилась в партийной кассе[1].

Как мы видим, юридическое образование, опыт адвокатской работы, полученный в Самаре и Петербурге, пригодились В. И. Ленину и в глухой Шуше, и в эмиграции. Везде, где бы он ни находился, он щедро помогал всем, кто попал в беду, нуждался в совете, и делал это искренне, бескорыстно, квалифицированно.

Нелегальные юридические консультации и связанные с ними беседы с рабочими приисков, местными крестьянами, политическими ссыльными были использованы Лениным и, в особенности, для уяснения психологии крестьянства, для изучения жизни трудового народа. Знания по этим вопросам пригодились Владимиру Ильичу в его последующей революционной деятельности,

[1] Подробно об этом деле см. в воспоминаниях *Н. К. Крупской.* «Воспоминания о Ленине», М., 1957, с. 149—150; *С. П. Шестернина* «О реализации наследства после Н. П. Шмита и мои встречи с В. И. Лениным». «Старый большевик». сборник 5(8). М., 1935. стр. 146—159: *Е. Кравченко* «Поручение Ильича» в сб. «Они встречались с Ильичем». М., Моск. рабочий, 1960, стр. 19—24.

а затем в его работе на посту руководителя созданного им рабоче-крестьянского государства (особенно в процессе составления и редактирования важнейших советских декретов).

Юридическое образование и последующая практическая деятельность Ленина в адвокатуре сказались впоследствии, много лет спустя, на характере его подхода к спорным или сомнительным сообщениям, на его оценке событий, новостей, людей, с которыми сталкивался. В них — в подходе, в оценках — Ленин занимал позицию настоящего юриста, судьи, в самом хорошем и благородном значении этого слова. Прежде чем высказать свое суждение, сделать свой вывод, он обычно требовал представления достаточных и притом объективных фактов, добротных доказательств, отработки различных версий, наведения справок в действующем законодательстве. О роли и значении революционной деятельности и подчиненной ей юридической практики В. И. Ленина в период 1892—1900 гг. можно сказать словами простого советского колхозника Ивана Осиповича Сахарова из села Березовый Гай Куйбышевской области, земляка которого в 1892 г. защищал В. Ульянов в Самарском окружном суде: «...Владимир Ильич был защитником не только двух наших односельчан. Он весь народ защищал, поднял его на борьбу за свое законное право, за свое законное счастье»[1].

Каждая страница биографии В. И. Ленина свидетельствует о его безграничном уважении к простым людям, о внимании к их нуждам, запросам и надеждам. Эти черты характеризуют и деятельность Владимира Ильича в 1892—1900 гг., когда он состоял помощником присяжного поверенного в Самаре и Петербурге, был подпольным адвокатом в сибирской ссылке.

[1] «Правда», 6 января 1960 г.

* * *

Мы стоим в преддверии великой даты — 100-летия со дня рождения основателя Коммунистической партии и Советского государства Владимира Ильича Ленина. К этой дате подготовлено множество научных трудов и художественных произведений. В них Ленин показан, пожалуй, со всех сторон: и как гениальный мыслитель, и как бесстрашный революционер, и как выдающийся государственный деятель нового типа, и как великий и простой человек.

И все же один штрих, пусть и незначительный, в биографии вождя — его работа в качестве защитника в царском суде и подпольного адвоката в сибирской ссылке — не получил должного освещения.

Настоящее исследование — попытка раскрыть этот штрих шире и глубже. При этом мы ставили своей задачей показать, что В. И. Ленин, овладев в совершенстве правовой наукой, использовал ее как никто другой из марксистов-юристов в интересах революционной борьбы для подтачивания, а затем и полного уничтожения буржуазно-помещичьего строя в России; что В. И. Ленин поставил свои знания в области марксистской философии и права на службу революционному движению, отдал их на вооружение созданной им партии большевиков.

БИБЛИОГРАФИЯ

I

Ленин В. И. Политический отчет Центрального Комитета РКП(б) XI съезду партии, т. 45.
Ленин В. И. Государство и революция. т. 33.[1]
Ленин В. И. О чем думают наши министры, т 2.
Ленин В. И. О промышленных судах, т. 4.
Ленин В. И. Объяснение закона о штрафах, взимаемых с рабочих на фабриках и заводах, т. 2.
Ленин В. И. Новый фабричный закон, т. 2.
Ленин В. И. Объективная статистика, т. 4.
Ленин В. И. Случайные заметки, т. 4.
Ленин В. И. Что делать?, т. 6.
Ленин В. И. Письмо Е. Д. Стасовой и товарищам в Московской тюрьме, т. 9.
Ленин В. И. Социализм и религия, т. 12.
Ленин В. И. Два мира, т. 20.
Ленин В. И. Международный съезд судей, т. 22.
Ленин В. И. Спорные вопросы, т. 23.
Ленин В. И. Статистика и социология, т. 30.
Ленин В. И. Письма к родным. 1893—1922, т. 55.

II

Программа Коммунистической партии Советского Союза. М., издат. «Правда». 1961. О подготовке к 100-летию со дня рождения В. И. Ленина (Постановление ЦК КПСС) КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК, ч. I, изд. 7, М., 1954 г.

История Коммунистической партии Советского Союза. В шести томах, т. 1. Создание большевистской партии. 1883—1903 гг., М., 1964.
Владимир Ильич Ленин. Биография. Изд. 2-ое. М., Госполитиздат. 1963.

[1] Ссылки даны по Полному собранию сочинений.

III

Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. М., Госполитиздат, ч. 1—3, М., 1956—1960.
О Ленине. Воспоминания зарубежных современников. М., Госполитиздат, 1962.
Архивные документы к биографии В. И. Ленина. «Красный архив», 1934 г., I (62).
В. И. Ленин в Самаре. 1889—1893. Сборник воспоминаний. М., Партиздат, 1933.
Библиотека В. И. Ленина в Кремле. Каталог. М., изд. Всесоюзной книжной палаты, 1961.
Жизнь как факел. Госполитиздат, М., 1966.
Ленинские страницы. Документы, воспоминания, очерки. Изд. «Известия», 1960.
Ленин в Петербурге. Лениздат, 1957 г.
Никитин П. и Маштуков В. Здесь жил и работал Ленин. Л., 1965.
Личное дело присяжного поверенного М. Ф. Волькенштейна, к которому в 1893—1895 гг. Ленин был приписан помощником (ГАЛО, фонд 243).
Дело Самарского окружного суда по столу председателя о зачислении дворянина Владимира Ильича Ульянова помощником присяжного поверенного округа Саратовской судебной палаты А. Н. Хардина. ЦПА, фонд 2, оп. 1, ед. хр. 24.
Подлинные уголовные и гражданские дела, в которых участвовал В. И. Ленин. ЦПА, ф. 461.
Юридический календарь М. Острогорского на 1894 г. СПб, 1894.
Всеподданнейшие отчеты Самарского губернатора за 1891—1893 гг.
Молодой Ленин. Повесть в документах и мемуарах. Госполитиздат, М., 1964.
Арнольд В. Н. Материалы к биографии присяжного поверенного Андрея Николаевича Хардина, помощником которого в 1892—93 гг. работал Владимир Ильич (Ульянов) Ленин. Куйбышев. Музей краеведения, 1965 (рукопись).
Отчет Совета присяжных поверенных округа С.-Петербургской судебной палаты. СПб, 1896.
Отчет о деятельности Президиума Ленинградской губернской Коллегии защитников. Л., 1925.
Воспоминания *О. В. Португалова*—рукопись (ЦГАЛИ СССР, фонд 417).
Сборник «Товарищи в борьбе». Письма соратников Ленина, 1896—1900. Красноярск, Книжное изд-во, 1965. Составитель *Г. Хаит.*

IV

Адоратский В. За восемнадцать лет. Избранные произведения. М., 1961.
Антонов В. Борьба Ленина против народников в Самаре. Л., 1951.
Аросев А. Некоторые материалы к научной биографии В. И. Ленина. Ленинский сборник, т. II.
Барковская Т. Начало большого пути. Историческая хроника. Куйбышевское книжное издательство, 1964.
Беляевский С. В. И. Ленин в Шушенском. Красноярское книжное издательство, 1960.
Беляков А. Юность вождя. М., 1960.
Бернштам В. В огне защиты. Из впечатлений политического защитника. СПб, 1912.
Блюменталь И. В. И. Ленин в Самаре, изд. 2-е с примеч. А. И. Елизаровой. М.-С., Госиздат. 1931.
Веретенников Н. Володя Ульянов. Детгиз. 1956.
Волин Б. В. И. Ленин в Поволжье. Госполитиздат. М., 1956.
Волин Б. Студент Владимир Ульянов. Детгиз, 1964.
Вольпер И. Псевдонимы В. И. Ленина. Лениздат, 1965.
Гиндин А. М., Гиндин Г. М. С Лениным в сердце. Жизнь Петра Красикова. Госполитиздат, 1968.
Горький М. Статьи и памфлеты. М., 1949.
Елизарова А. И. О Ленине. М., 1925.
Ульянова-Елизарова А. И. Воспоминания об Ильиче. М.—Л, «Молодая гвардия», 1931.
Жизнь замечательных людей в Казани. 1941, кн. 1
Зильберштейн И. Ленин-студент. М., 1930.
Иваньков А. Ленин в сибирской ссылке. М., 1962.
Иванский А. Книга в жизни молодого Ленина. Изд. «Знание», 1962.
Иванов Мирослав. Ленин в Праге. М., 1963.
Киржниц А. В. И. Ленин в ссылке. Кубуч, 1925.
Крупская Н. Воспоминания о Ленине. М., Госполитиздат, 1957.
Крупская Н. Ленин—редактор и организатор партийной печати. М., 1956.
Кржижановский Г. Великий Ленин. М., 1956; *Его же:* Ленин и Маркс. М., 1958.
Лепешинский П. На повороте. Л., 1925.
Луначарский А. Ленин, как ученый и публицист. М., 1925.
Москалев М. В. И. Ленин в Сибири. М., 1957.
Найдус В. Ленин в Польше. М., изд. иностр. литературы, 1957.
Нечволодова Н. и Резниченко Л. Юность Ленина. Изд-во ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия», 1956.

Пересветов Р. Поиски бесценного наследия. О судьбе некоторых рукописей В. И. Ленина. 2-ое изд. М., 1968.
Полевой Ю. Зарождение марксизма в России, 1883—1894 гг., М., изд. АН СССР, 1959.
Семенов М. (Блан М). Революционная Самара 80—90-х гг. Воспоминания. Куйбышев, 1940.
Сильвин М. Ленин в период зарождения партии. Лениздат, 1959.
Стасова Е. Страницы жизни и борьбы. Политиздат, 1957.
Серадский Ю. Польские годы Ленина. М., 1964.
Стучка П. Революционная роль советского права. М., Изд-во «Советское законодательство», 1932.
Таганцев Н. Русское уголовное право. Лекции. Часть общая. СПб., 1902.
Таганцев Н. Пережитое, вып. II. Петроград, 1919.
Чуев В. В. И. Ленин в Самаре (1889 — 1893). Документально-исторический очерк. М., Госполитиздат, 1960.
Шагинян М. Семья Ульяновых. Изд. ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». М., 1963.
Шалагинов В. Защита поручена Ульянову. Зап.-сиб. книжн, изд-во, 1967.
Яковлев Б. В. И. Ленин в Красноярске. М., Госполитиздат, 1965.

V

Аросев А. Некоторые данные о деятельности Владимира Ильича как помощника присяжного поверенного в Самаре. Ленинский сборник т. II
Вентцель Ф. Таким я его помню. В сб. «Жизнь не подвластная времени». «Советский писатель», Л., 1965.
Иванова З. Юридический факультет Казанского университета в период пребывания в нем В. И. Ленина. «Ученые записки Казанского университета им. В. И. Ульянова-Ленина», 1956, том 116, кн. 13.
Казанцев Б. Об источниках брошюры В. И. Ленина «Новый фабричный закон» и ленинских приемах научного анализа.—«Вопросы истории», 1963, № 4.
Кондратьев П. Начало революционной деятельности Владимира Ильича Ленина — «Ученые записки Казанского государственного университета им. В. И. Ульянова-Ленина», 1954, том 114, кн. 9.
Киржниц А. Ленин-адвокат. «Красная летопись», 1924 (10), 1.
Клеменц Г. Воспоминания о Ленине. Газ. «Коммуна» (Самара), 23 апреля 1924.

Кононов А. Ленинская бумага. Сб. «Рассказы о Ленине», Изд. «Детская литература», 1966.
Корбута Н. Казанское революционное подполье. «Каторга и ссылка», М., 1934, кн. 8.
Кравченко Е. Поручение Ильича. В сб. «Они встречались с Ильичом». Изд-во «Моск. рабочий». М., 1960.
Крылов Н., Бланк А. Деятельность В. И. Ленина в адвокатуре. По документам и воспоминаниям современников. «Советская юстиция», 1960, № 4.
Магина Ю. Некоторые новые биографические сведения о В. И. Ленине (по фондам семьи Ульяновых). «Вопросы истории КПСС», 1960, № 6.
Рождественский Б. В. И. Ленин в Казанском университете. Казань, 1959.
Самойлов Н. Некоторые указания для исследования биографии тов. Ленина в период бытности его помощником присяжного поверенного. «Пролетарский суд», М., 1926, № 1.
Скрипилев Е. Из биографии В. И. Ленина (О юридической деятельности В. И. Ленина).—«Известия высших учебных заведений. Правоведение», 1961, № 3.
Смирнова В. Студенческое движение в Казанском университете в 1887 году. «Вопросы истории», 1949, № 10.
Стерник И. Из деятельности В. И. Ленина в качестве защитника. «Советская юстиция», 1958, № 4.
Стерник И. Из юридической практики В. И. Ульянова (Ленина) в Петербурге. «Советское государство и право», 1960, № 4.
Стерник И. Из жизни В. И. Ленина в Шушенском. «Советская юстиция», 1963, № 8.
Стерник И. Ленин-студент. «Молодой коммунист», М., 1963, № 4.
Стерник И. Полицейская слежка за В. И. Лениным в Поволжье. Научные труды ТашГУ, 1967, вып. 314.
Трайнин А. и *Шифман М.* Страницы из биографии В. И. Ленина. «Советское государство и право», 1956, № 3.
Хаит Г. Из жизни семьи Ульяновых в Казани и Самаре. «Новый мир», 1957, № 4.
Шахматов Б. Адвокатская деятельность В. И. Ленина в с. Шушенском.—«Енисей», 1968, № 2.
Шестернин С. Реализация наследства после Н. П. Шмита и мои встречи с В. И. Лениным. В сб. «Старый большевик», 5/8. М., 1933.
Шефер Л. Ленин в Самаре. «Коммунист», Куйбышев, 1939, № 11.
Цвибак М. В. И. Ульянов на государственных экзаменах, «Красная летопись», 1925, № 1.
Яковлев В. Биографические высказывания В. И. Ленина. «Новый мир», 1963, № 6.

Приложение 1

ХРОНОЛОГИЧЕСКИЕ ДАТЫ,

связанные с получением В. И. Ульяновым (Лениным) юридического образования и его деятельностью в качестве адвоката в Самаре и Петербурге.

1887 г.

10 (22) июля	— В. Ульянов окончил с золотой медалью Симбирскую гимназию.
29 июля (10 августа)	— В. Ульянов подал заявление ректору Казанского университета о приеме на юридический факультет.
13 (25) августа	— он принят в число студентов Казанского университета.
Сентябрь — ноябрь	— В. Ульянов участвует в работе революционного студенческого кружка.
4 (16) декабря	— принял активное участие в студенческой сходке в Казанском университете.
5 (17) декабря	— арестован за участие в революционном движении студентов, в частности, за участие в студенческих «беспорядках» 4 (16) декабря и исключен из Казанского университета.
7 (19) декабря	— выслан под негласный надзор полиции в Кокушкино.

1888 г.

С 16 (28) января	— в Кокушкино за В. И. Ульяновым учреждено негласное наблюдение полиции.
9 (21) мая	— В. Ульянов подал заявление Министру народного просвещения, в котором просит разрешения поступить в Казанский университет.
8 (20) июня	— из Министерства пришел отказ.

5 (18) сентября — В. Ульянов обращается к Министру внутренних дел за разрешением выехать за границу для продолжения образования.

28 сентября (5 октября) — В. Ульянов получил отказ в своей просьбе.

Осень — зима — В. Ульянов изучает «Капитал» Маркса, вступает в марксистский кружок Н. Е. Федосеева.

1889 г.

Май — июнь — В. Ульянов в 9 номерах «Самарской газеты» помещает объявления о желании давать уроки.

С 5 (17) сентября — по распоряжению начальника Самарского губернского жандармского управления за В. Ульяновым учрежден «самый строгий надзор полиции».

11 (23) октября — В. Ульянов приехал к семье в Самару.

28 октября (9 ноября) — В. Ульянов подал заявление Министру народного просвещения о допуске его к экзаменам экстерном при каком-либо высшем учебном заведении.

10 (22) декабря — получен отказ.

1890 г.

17 (29) мая — Мать В. И. Ленина, Мария Александровна Ульянова, передала Министру народного просвещения заявление о приеме Владимира Ильича в университет или о допущении его держать выпускной экзамен по юридическому факультету.

Май — просьба матери Владимира Ильича была удовлетворена. В. Ульянову разрешено держать экзамены «при одном из университетов, управляемых уставом 1884 года».

12 (24) июня — В. Ульянов просит Министра народного просвещения разрешить экзаменоваться при Петербургском университете.

23 июля (4 августа) — В. Ульянов получил ответ департамента народного просвещения, в котором разъяснялось, что «с таковым ходатайством» ему следует обратиться к председателю испытательной комиссии при Петербургском университете.

Конец августа — первая поездка Ульянова в Петербург для переговоров о сдаче госэкзаменов.

26 марта (7 апреля) — В. Ульянов подает прошение председателю испытательной юридической комиссии при Петербургском университете о допущении к сдаче экзаменов экстерном.

С 4 (16) апреля — В. Ульянов начал сдавать выпускные экзамены.

С 16 (28) сентября — 9 (21) ноября В. Ульянов заканчивает сдачу выпускных экзаменов. В осеннюю сессию он экзаменовался по 10 дисциплинам.

22 ноября (4 декабря) — юридическая испытательная комиссия выдала В. Ульянову свидетельство о том, что он имеет право на диплом первой степени.

12 (24) ноября — В. Ульянов возвратился из Петербурга в Самару.

1892 г.

14 (26) января — В. Ульянов получает от управления Петербургского учебного округа университетский диплом.

30 января (11 февраля) — Самарский окружной суд на основании рапорта А. Н. Хардина от 4 января зачислил В. Ульянова помощником присяжного поверенного к Хардину.

28 февраля (11 марта) — В. Ульянов пишет, а на следующий день подает в окружной суд прошение о выдаче свидетельства на право быть поверенным «по чужим делам».

5 (17) марта — первое выступление В. Ульянова в Самарском окружном суде в качестве защитника по делу В. Муленкова.

11 (23) марта	— участвует в процессе по обвинению И. Опарина и Т. Сахарова.
16 (28) апреля	— защищает в суде И. Уждина и др.
16 (28) апреля	— защищает в суде В. Муленкова по др. делу.
18 (30) апреля	— участвует в суде в качестве защитника Е. Тишкина.
1 (13) июня	— обратился к директору департамента полиции с просьбой сообщить Самарскому окружному суду об отсутствии препятствий к выдаче ему (Ульянову) свидетельства на право быть поверенным.
5 (17) июля	— защищает в суде М. Бамбурова.
11 (23) июля	— просит председателя Самарского окружного суда запросить департамент полиции об отсутствии с его стороны препятствий в выдаче необходимого ему свидетельства.
9 (21) июля	— выступает в суде в качестве защитника М. Чинова.
23 июля (4 августа)	— получает упомянутое выше свидетельство (на право ведения судебных дел в течение 1892 года).
15 сентября	— защищает в суде И. Гусева.
17 сентября	— участвует в уголовном деле по обвинению В. Садлоха и С. Репина.
Начало ноября	— защищает в суде В. Алашеева.
18 ноября	— осуществляет защиту по делу В. Красноселова.
19 декабря	— защищает в суде Ф. Лаптева.
17 — 21 декабря	— участвует в процессе по делу Н. Языкова и Кузнецова.
15 июня и 25 сентября	— в качестве обвинителя участвует в процессе купца Арефьева (дело слушалось у земского начальника под Сызранью).

1893 г.

5 (17) января	— возбудил ходатайство перед окружным судом о предоставлении ему права ведения «чужих дел» в 1893 году. 8 января ему было выдано соответствующее свидетельство.

12 — 13 января	— участвовал в качестве поверенного интересов Брискера, в деле по иску Константинова.
12 (24) марта	— защищал в суде В. Красноселова.
24 апреля	— защищал в суде В. Юдина.
12 мая	— выступил в качестве защитника в процессе по обвинению В. Китаева и В. Крылова.
4 и 18 мая	— В. Ульянов еще раз участвует в деле по иску С. Мороченкова, заволокиченного по вине адвоката истца.
Летом	— провел дело Графова (см. письмо В. И. Ленина к матери от 5 октября 1898 г.).
16 (28) августа	— в связи с намерением перевестись в Петербург подал заявление Председателю Самарского окружного суда, в котором ходатайствует о выдаче ему удостоверения, что он состоит помощником присяжного поверенного и в течение 1892 г. и 1893 г. получал свидетельства на право ведения судебных дел.
17 (29) августа	— В. Ульянов выехал из Самары в Петербург.
31 августа (12 сентября)	— Владимир Ильич приехал в Петербург.
3 (15) сентября	— В. Ульянов зачислен помощником присяжного поверенного к адвокату М. Ф. Волькенштейну.
Конец октября	— В. Ульянов получил удостоверение о зачислении в Петербургскую адвокатуру.
Сентябрь 1893 — 1895 гг.	— В. Ульянов посещает конференции помощников присяжных поверенных при Петербургском окружном суде, проводит здесь юридические консультации и ведет судебные дела (см. В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 1 стр. 656).

Приложение 2

НЕКОТОРЫЕ ДОКУМЕТНЫ, СВЯЗАННЫЕ С ПРЕБЫВАНИЕМ В. И. УЛЬЯНОВА В САМАРСКОЙ АДВОКАТУРЕ

В Самарский Окружной Суд

Помощника присяжного поверенного при Самарском Окружном Суде Владимира Ильича Ульянова, живущего в г. Самаре по Сокольничьей улице в доме Рытикова.

ПРОШЕНИЕ[1]

Имею честь просить Самарский Окружной Суд выдать мне свидетельство на право быть поверенным. При сем, согласно требованию статьи 406 учреждения судебных установлений (изд. 1883 года), удостоверяю, что для получения мною права быть поверенным нет ни одного из препятствий, означенных в статье 246 устава гражданского судопроизводства.

Помощник присяжного поверенного
ВЛАДИМИР УЛЬЯНОВ

Самара, Февраля 28 дня 1892 года

[1] Подлинники этого и других документов см. в ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС.

Его Превосходительству господину Директору Департамента Полиции

Помощника присяжного поверенного при Самарском Окружном Суде Владимира Ильича Ульянова

ПРОШЕНИЕ

Будучи зачислен определением Общего Собрания Самарского Окружного Суда, состоявшимся 30 января 1892 года, в число помощников присяжного поверенного, я подал затем в Суд прошение о выдаче мне свидетельства на право быть поверенным. Так как Самарский Окружной Суд затрудняется дать определенный ответ на мое прошение по отсутствию у него сведений о моей личности, то я имею честь покорнейше просить Ваше Превосходительство поставить в известность господина председателя Самарского Окружного Суда о неимении со стороны Департамента Полиции препятствий к выдаче мне свидетельства на право быть поверенным.

Помощник присяжного поверенного
ВЛАДИМИР УЛЬЯНОВ

Самара, июня 1 дня 1892 года. Угол Почтовой и Сокольничьей улиц, дом Рытикова.

Впервые напечатано в 1924 г.
в журнале «Красная летопись», № 1

Его Превосходительству господину Председателю Самарского Окружного Суда

Помощника присяжного поверенного
В. И. УЛЬЯНОВА

ПРОШЕНИЕ

В дополнение к поданному мною в марте месяце сего года в Самарский Окружной Суд прошению о выдаче мне свидетельства на право быть поверенным, имею честь доложить Вашему Превосходительству, что свидетельство о благонадежности мною не может быть представлено по следующим причинам: начальство Императорского С.-Петербургского Университета, от коего я имею аттестат об окончании курса, не может выдать мне удостоверения о благонадежности потому, что я не состоял студентом этого университета и держал экзамен в Испытательной Юридической Комиссии при этом университете в качестве экстерна с разрешения Его Сиятельства господина Министра Народного Просвещения, состоявшегося в мае месяце 1890 года. Что же касается до удостоверения моей благонадежности со стороны полиции, то Департамент Полиции не выдает такого рода удостоверений по просьбам частных лиц, но только по запросам присутственных мест. На основании вышеизложенного я имею честь покорнейше просить Ваше Превосходительство запросить г. Директора Департамента Полиции и неимении с его стороны препятствий к выдаче мне свидетельства на право быть поверенным.

Самара, июня 11 дня 1892 года

Помощник присяжного поверенного
ВЛАДИМИР УЛЬЯНОВ

Отношение председателя Самарского Окружного Суда в Департамент Полиции от 18 июня 1892 г.

Присяжным поверенным заведуемого мной суда Андреем Николаевичем Хардиным в январе 1892 года принят в свои помощники дворянин Владимир Ильич Ульянов, о чем Хардин и довел до сведения окружного суда представлением от 1 января 1892 года (по входящему реестру № 556/119), которое, в силу 354-й статьи учреждения судебных установлений, и принято судом к сведению. 29 февраля 1892 года Ульянов обратился в суд с прошением о выдаче ему свидетельства на право быть поверенным, но как при означенном представлении Хардина не было приложено удостоверения подлежащих властей о благонадежности Ульянова, а было лишь представлено свидетельство от испытательной комиссии при С.-Петербургском университете от 22 ноября 1891 года за № 205, о том, что Ульянов, прослушав курс по юридическому факультету, признан, по испытанию, имеющим право на диплом первой степени, то мной и было объявлено Ульянову о невозможности получить просимое им свидетельство без представления им надлежащего удостоверения о его благонадежности. По поводу этого Ульянов подал мне 11 июня 1892 года (по входящему реестру № 8749/2233) прошение, в коем, ходатайствуя о сношении с департаментом полиции по вопросу о неимении препятствий к выдаче ему просимого свидетельства, указывает, вместе с тем, на препятствия, ввиду коих он лишен возможности представить сам удостоверение о его благонадежности.

Сообщая о вышеизложенном в департамент государственной полиции (с приложением засвидетельствованной копии с вышеозначенного прошения Ульянова от 11 июня 1892 года), имею честь покорнейше просить не

оставить меня уведомлением: не имеется ли препятствий к выдаче Ульянову свидетельства на право хождения, в качестве поверенного, по судебным делам.

В Самарский Окружной Суд

Помощника присяжного поверенного
Владимира Ильича Ульянова

ПРОШЕНИЕ

Прилагая при сем квитанцию Самарского губернского казначейства от сего января 1893 г. за № 75 об уплате мною 75 рублей в оплату свидетельства на право ведения чужих дел, а равно и свидетельство на ведение дел в течение 1892 года, имею честь покорнейше просить выдать мне свидетельство на право ведения чужих дел в течение 1893 года. При сем удостоверяю, что препятствий к выдаче мне свидетельства, означенных в статье 246 устава гражданского судопроизводства не имеется.

Помощник присяжного поверенного
ВЛАДИМИР УЛЬЯНОВ

Самара, января 5 дня 1893 года

СВИДЕТЕЛЬСТВО

на право В. И. Ульянову быть поверенным от 7 января 1893 г.

Согласно состоявшемуся седьмого января сего 1893 года постановления Общего собрания отделений Самарского окружного суда, выдано сие свидетельство сим судом По-

мощнику Присяжного Поверенного, дворянину Владимиру Ильичу Ульянову в том, что ему, Ульянову... разрешается ходатайствовать по чужим судебным делам в Самарском окружном суде в течение настоящего 1893 года.

Это свидетельство выдано в ответ на прошение В. И. Ульянова от 5 января 1893 г. См. *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., I, стр. 561.

Его Превосходительству господину Председателю Самарского Окружного Суда

Помощника присяжного поверенного Владимира Ильича Ульянова.

ПРОШЕНИЕ

Намереваясь перечислиться в помощника присяжного поверенного в округ Санкт-Петербургской Судебной Палаты, я имею честь покорнейше просить Ваше Превосходительство выдать мне удостоверение о том, что я состою помощником присяжного поверенного при Самарском Окружном Суде и что я получал в 1892 и в 1893 гг. свидетельство на право ведения чужих дел.

Помощник присяжного поверенного
ВЛАДИМИР УЛЬЯНОВ

Самара, августа 16 дня 1893 г.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Стерник И. Б.

С79 Ленин — юрист. (Юридическая деятельность В. И. Ульянова) (Ленина). Т., «Узбекистан», 1969.

271 с.

Тираж 5000.

1. Ленин В. И. о нем.

Автор на основе архивных материалов и воспоминаний современников рассказывает о юридической деятельности В. И. Ленина, описывает нелегальную адвокатскую практику Ильича в ссылке, показывает роль В. И. Ленина в составлении и редактировании революционной законности молодого рабоче-крестьянского государства.

Рассчитана на широкий круг читателей.

3К26+34

№ 151—69

Гос. б-ка УзССР им. А. Навои.

1-1-3

1969

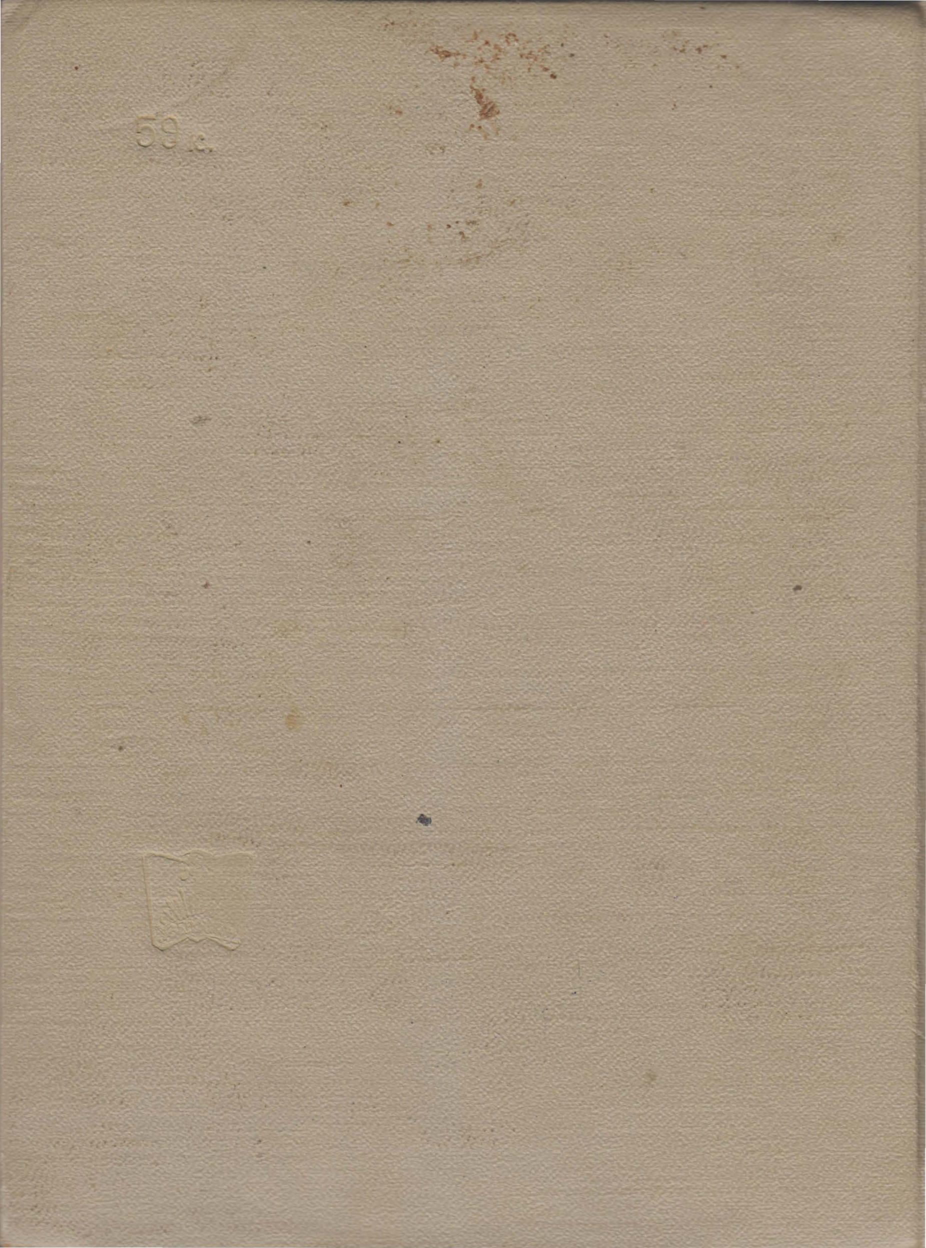
Исаак Борисович Стерник

ЛЕНИН—ЮРИСТ

Редактор *Гиммельфарб Н. С.*
Художник *Бедеров Г. П.*
Худож. редактор *Пирогов Н. Н.*
Техн. редактор *Бахтияров А. Б.*
Корректор *Федотова Л. Ф.*

Сдано в набор 21/II-1969 г. Подписано к печати 23/V-1969 г. Формат бумаги 70×108/32. № 1. Печ. л. 8,5. Усл. печ. л. 9,95. Уч.-изд. л. 12,22+20,15 вкл. Тираж 5000. Р 13734. Издательство «Узбекистан». Ташкент, Навои, 30.
Договор № 139—67.

Ташкентский Полиграфкомбинат Госкомитета Совета Министров УзССР по печати.
Ташкент, Навои, 30. Заказ № 869. Цена 59 к.

59 к.